

вія еще не изучена достаточно, въ особенности въ общемъ антропологическомъ отношеніи.

Предпринявъ лѣтомъ 1881 г. экскурсію въ Египетъ и на Синайскій полуостровъ, мы собрали нѣкоторый антропологическій матеріалъ, который и обработали въ настоящемъ очеркѣ Каменистой Аравіи.

I.

Синайскій полуостровъ представляетъ собою правильное трехъ-угольное продолженіе къ югу Суецкаго перешейка, врѣзывающееся клиномъ въ Черное море своимъ невысокимъ мысомъ Расъ-эль-Мухамедъ; восточный и западный берега, въ совокупности съ берегами собственной Аравіи и Египта, образуютъ два узкіе залива, въ глубинѣ которыхъ стоятъ нынѣшніе Суецъ и Акаба, древніе Арсиное и Элака (Элатъ). На востокъ границы полуострова составляютъ уади эль-Араба, соединяющій Акабинскій заливъ (Биръ-эль-Акаба) съ Мертвымъ моремъ (Бахръ-эль-Лутъ), и горы Идумейскія, переходящія въ отроги Моавитскихъ цѣпей, а на западѣ слѣды древняго канала и рядъ горькихъ озеръ, черезъ которыя прошелъ настоящій Суецкій каналъ, отдѣляютъ пустыни Каменистой Аравіи отъ Нижняго Египта. Строго говоря, сѣверную границу собственно Синайскаго полуострова составляетъ линія, соединяющая сѣверныя оконечности двухъ омывающихъ его заливовъ, но въ виду того, что Каменистая Аравія образуетъ одно географическое цѣлое со всѣмъ перешейкомъ, мы будемъ разсматривать ее вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, и тогда сѣверною границею всего полуострова будетъ берегъ Средиземнаго моря отъ Пелузійскаго залива до устья уади эль-Шеріа.

Въ этихъ границахъ Каменистая Аравія представляетъ замѣчательное разнообразіе топографическихъ условій, которыя дѣлаютъ ее миниатюрнымъ подобіемъ Африки. Какъ съ западнаго, такъ особенно съ восточнаго берега, идутъ ряды горныхъ цѣпей, образующихъ нѣсколько узловъ и раздѣленныхъ множествомъ уади, открывающихся въ море болѣе или менѣе широкими устьями. Это надо сказать преимущественно о западномъ берегѣ, на которомъ насчитывается до двухъ десятковъ уади, между тѣмъ какъ восточный замыкается болѣе или менѣе сплошною стѣною Акабинскихъ альпъ отъ 1000 до 2500 ф. высотой. Черезъ всю середину Синайскаго полуострова, косвенно, съ сѣверо-запада на юго-востокъ идетъ значи-

тельная горная цѣпь, состоящая изъ хребтовъ Джебель Раха и Джебель-этъ-Тихъ ¹⁾ и отдѣляющая собственно каменистую часть Каменистой Аравіи отъ ряда ея пустынь, кончающихся берегомъ Средиземнаго моря.

Все хребты Синайскаго полуострова главнымъ узломъ своимъ имѣютъ группу высочайшихъ горъ всей системы, каковы знаменитые въ библейской исторіи Синай (Джебель-Муса) свыше 7000 ф., Хоривъ (Джебель-этъ-Тортъ), Джебель-Деиръ, Джебель-Гомръ, Джебель-Цебеиръ, гора св. Екатерины болѣе 8000 ф. и Джебель эль Фурейя. Отдѣльными узлами полуострова являются также колоссальный Сурабитъ эль Кадимъ въ горахъ западныхъ и Джебель эль Ольмехъ для горныхъ хребтовъ Этъ Тиха и эль Оджметъ и Джебель Сербаль, царь Синайскихъ горъ. Для восточныхъ цѣпей такими будутъ Джебель Сумги и Джебель-Габилэ.

Кромѣ множества разнообразныхъ уади, перерѣзывающихъ во всѣхъ направленіяхъ горы Синайскаго полуострова и служащихъ стокомъ водъ, образующихся отъ таянья снѣговъ и зимнихъ дождей, даже въ каменистой части его встрѣчается нѣсколько песчаныхъ пустынь. Такъ, весь западный берегъ Каменистой Аравіи верстъ на 15 — 25 до хребта Эръ-Раха представляетъ покатъ къ морю, состоящій изъ сыпучихъ песковъ и оканчивающійся въ выдающейся въ Суецкій заливъ каменистой горѣ Джебель Хаммамъ. Недалеко за нею, гдѣ цѣпи горъ отклоняются въ глубь полуострова, по всему берегу до южной оконечности полуострова также идетъ песчаная степь Ка'а. Равнымъ образомъ и въ восточной части полуострова песчаный берегъ моря составляетъ его пустынную кайму.

Горы Каменистой Аравіи, такимъ образомъ, по справедливому выраженію преосв. Порфирія ²⁾, высятся подобно островамъ на песчаномъ морѣ и раздѣляются долинами, какъ бы глубокими проливами; ихъ можно обходить кругомъ. Это расположеніе горныхъ островковъ, пустынь и оазисовъ, которыми представляются нѣкоторыя уади, обуславливаетъ, какъ мы увидимъ далѣе, этнографію страны и его историческія судьбы.

На сколько разнообразна въ топографическомъ отношеніи часть

¹⁾ До уади Карандель-Джебель Раха, отъ уади Карандель почти до восточнаго приморскаго хребта—Джебель этъ Тихъ.

²⁾ Епископъ Порфирій, Второе путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1850 г. Спб.

Синайскаго полуострова, идущая къ югу отъ Джебель этъ Тиха, на столько однообразна пустыня къ сѣверу отъ него, замыкаемая берегомъ Средиземнаго моря, горькими озерами (Тымсахъ) и отрогами Идумейскихъ горъ; южная часть ея носитъ названіе пустыни Этъ Тихъ. Ее пересекаютъ нѣсколько уади; вдоль нѣкоторыхъ изъ нихъ идутъ невысокіе известковые холмы, составляющіе какъ бы валы уади; тамъ и сямъ по пустынѣ разбросаны небольшія возвышенности въ родѣ Агабинской и Тимедской плоскостей, незначительные песчаные, мѣловые и известковые кряжи, а на западъ еще и подвижные песчаные холмы. Только на сѣверо-востокѣ входятъ въ однообразную пустыню перешейка отроги Палестинскихъ горъ холмами Муэллэха, Аазимъ и Хелаль. Опорными пунктами, господствующими надъ пустынею сѣверо-восточной части перешейка, являются болѣе или менѣе возвышающіяся, отдѣльныя горы Енъ-Накаба, Михра, Елакъ, Хелаль, Арайфъ и Икримъ. На всѣ эти пункты мы просимъ обратить вниманіе, потому что они служатъ базисомъ сообщеній и водораздѣльными точками Синайскаго полуострова.

Долина Эль-Аришъ, начинающаяся у сліянія известковаго кряжа Одже съ Этъ-Тихомъ и идущая вдоль перваго, дѣлитъ пополамъ пустыню перешейка и впадаетъ широкимъ русломъ въ Средиземное море у мѣстечка Эль-Ариша. Эта долина, богатая побочными уади, впадающими въ нее съ обѣихъ сторонъ, особенно съ востока, соединяется посредствомъ уади Аюба, Біаръ и Ветиръ съ Акабинскимъ заливомъ, а при помощи нѣсколькихъ мелкихъ долинъ—съ уади Эль-Араба. Всѣ вмѣстѣ онѣ образуютъ цѣлую сѣть, прорѣзывающую пустыню во всѣхъ направленіяхъ. Общій видъ Этъ-Тихской равнины, по прекрасному сравненію преосв. Порфирія, можно сравнить со скатертью, поперекъ которой по желтой канвѣ протканы зеленныя полосы въ неравномѣрныхъ разстояніяхъ.

Таковъ въ общемъ очеркъ рельефъ Каменистой Аравіи и прилегающаго къ ней перешейка; физическое строеніе ихъ немногимъ отличается отъ строенія почвы Палестины и Моавіи, столь прекрасно описанной отважнымъ Тристрамомъ ¹⁾, какъ немногимъ отличается и ихъ доисторическая антропология. Для пополненія географическаго описанія Синайскаго полуострова мы должны еще нѣсколько рас-

¹⁾ *B. H. Tristram, The Land of Moab. Travels and Discoveries on the East Side of the Dead Sea and Iordan. 1873.*

пространиться о значеніи его многочисленныхъ уади и источниковъ, имѣющихъ первостепенное значеніе въ дикой выжженной пустынѣ.

Всякому извѣстно, что уади представляютъ собою русла потоковъ, по которымъ струится вода при таяніи снѣговъ и зимнихъ дождяхъ. Благодаря многочисленнымъ своимъ уади, Синайская пустыня далеко не такъ мертва, какъ ее представляютъ многіе путешественники. Разумѣется, на ихъ заключеніе вліяетъ путь, которымъ они проѣхали, а главнымъ образомъ—время года. Въ пору абсолютнаго бездождія, въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, когда Реомюръ поднимается на $+42^{\circ}$ на воздухѣ и на $+45^{\circ}$ въ песокъ ¹⁾, понятію, замираетъ всякая растительность, и даже самыя богатая флорою равнины принимаютъ мертвенный видъ; высохшій бурьянъ, обожженная манна (*Tamarix Gallica mannifera* Erengh.), да иглистый терновникъ, напоминая о растительности, придаютъ еще болѣе мертвенности пустынѣ. Не то нужно сказать, когда подъ живительнымъ, оплодотворяющимъ вліяніемъ влаги, пронизывающей атмосферу въ пору дождливаго сезона, просыпается флора нѣсколькихъ десятковъ до толѣ безжизненныхъ уади. Тогда къ равнинамъ Каменистой Аравіи вполнѣ будетъ подходить то сравненіе преосв. Порфирія, которое мы только что привели. Не говоря уже о такихъ отрадныхъ оазисахъ, какъ уади Феранъ, называвшійся издревле „раемъ Синайскаго полуострова“ (и въ которомъ была ключемъ кипучая дѣятельность многочисленнаго населенія), и другихъ, имѣющихъ постоянные ключи, оживляющіе растительность, множество уади въ дождливую пору проростають богатою флорою. Оазисы Даабъ и Нуэбъ на берегу Акабинскаго залива, впервые посѣщенные Лоттэнъ-де-Лавалемъ ²⁾, по словамъ Арабовъ, сопровождавшихъ насъ туда въ 1881 г., зеленѣютъ какъ сады. Уади Леджа богата садами, огородами, среди которыхъ видѣются стройные тополи, груши, маслины, уади Таибэ—финичіями и хвоевыми тарфами, уади Шиллелъ—акаціями, уади Солейфъ—иглистыми смерчіями и высокими кормовыми травами; въ горахъ Джебельи эль-Фурейа, по словамъ преосв. Порфирія, растутъ абрикосы, миндаль, виноградъ, гранаты, на горѣ Монастырей—цѣлая роща маслинъ; въ уади Слехъ мы насчитали до 15 различныхъ породъ растительныхъ, въ томъ числѣ тарфы (манны) и финичіи; даже въ извест-

¹⁾ Мы не разъ наблюдали такіе maximum'ы, особенно въ среднихъ частяхъ Синайскаго полуострова.

²⁾ *Географическія Извѣстія* 1850 г., стр. 355—357.

ковомъ руслѣ уади Эль-Аришъ растетъ множество манныхъ деревьевъ, также какъ и въ пересѣкающей ее уади Агаба. Въ уади Жеруръ, также впадающей справа въ уади Эль-Аришъ, сѣютъ даже ячмень, по словамъ преосв. Порфирія, также какъ и въ уади Эль-Хаифе. Въ садахъ Ферана растутъ акаціи, смоковницы, груши, сикоморы и пальмы, въ огородахъ разводятъ всѣ овощи Египта, а на горахъ и въ ущельяхъ пышная растительность, богатая даже красивыми цвѣтами, не говоря уже о кормовыхъ травахъ, даетъ обильную пищу для стадъ козъ и овецъ. У колодцевъ Моисея жители Суеца разводятъ огороды, а садъ при Синайскомъ монастырѣ, расположенный у подножья Хорлва, заключаетъ въ себѣ множество плодовыхъ растений—яблонь, грушъ, миндальныхъ, гранатныхъ, абрикосовыхъ деревьевъ, также маслинъ и винограда; огороды Деира эль-Муса (монастыря) богаты всѣми овощами сѣверо-восточной Африки. Въ Раифѣ (Торѣ), единственномъ населенномъ пунктѣ Синайскаго полуострова, есть роскошный финиковый садъ, славящійся по всей окрестности.

Мы видѣли уже, что въ сезонъ, слѣдующій за обильнымъ осажденіемъ атмосферной влаги на равнины Каменистой Аравіи, растительность уади представляетъ довольно разнообразіа и богатства, чтобы дать средства къ существованію извѣстныхъ травоядныхъ, свойственныхъ климату и широтѣ. Овцы, козы, ослы и верблюды разводятся въ значительномъ количествѣ Арабами Синайскаго полуострова, особенно обитателями уади юго-западной его части; преосв. Порфирій, а также нѣкоторые древніе путешественники, упоминаютъ о дикихъ верблюдахъ, но новѣйшіе наблюдатели не говорятъ о нихъ, да и мы не слыхали объ ихъ существованіи. Дикіе козлы встрѣчаются въ горномъ узлѣ Синая и на отрогахъ Идумейскихъ горъ; недалеко отъ Акабы намъ удалось убить горнаго козла въ неприступной мѣстности. Серны и газели обитаютъ доселѣ въ значительномъ количествѣ въ горахъ возлѣ Уади, вѣчно-зеленѣющихъ, то-есть, такихъ, въ которыхъ находятся постоянные источники. Горы Баната, Эль-Фрейа и оазисы Этъ-Тиха составляютъ ихъ любимое мѣстопробываніе. Въ горныхъ ущельяхъ, гдѣ попадаетъ растительность, довольно обильны также уербери (*Nyctagynia*), большія толстокожія съ желтоватою, соотвѣтствующею цвѣту пустыни шерстью. Не мало въ горахъ Каменистой Аравіи и гіенъ которымъ есть чѣмъ питаться, потому что доселѣ погибаетъ не мало путешественниковъ отъ зноя и безводія въ пустыняхъ Синайскаго полуострова. Говорятъ, водятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шакалы, зайцы, лисицы; заходятъ даже

львы и барсы изъ сосѣднихъ пустынь Африки и Азіи. Изъ птицъ, исключая немногихъ пѣвчихъ и хищниковъ можно указать на песчанниковъ, рябковъ, родъ куропатокъ и др., которыя иногда появляются огромными стаями, особенно при перелетахъ. На берегу Акабинскаго залива мы встрѣтили въ іюнѣ огромную стаю перепеловъ, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ Робинзонъ и другіе изслѣдователи библейскихъ сказаній видятъ „Гробы прихоти“, мѣсто гибели многихъ тысячъ Евреевъ, обѣвшихся нагнанными съ моря перепелами послѣ скудной растительной пищи.

Важное значеніе, какъ въ распредѣленіи флоры и фауны, такъ и въ этнографіи и антропологии данной мѣстности, имѣютъ постоянные источники и колодцы. Къ сожалѣнію, даже эти такъ-называемые постоянные источники въ большинствѣ случаевъ на столько непостоянны, что одни путешественники видятъ и описываютъ ихъ, тогда какъ другіе, черезъ нѣсколько лѣтъ, совершенно умалчиваютъ даже о ихъ существованіи. Главною причиною тому служитъ, разумѣется, то обстоятельство, что хотя колодцы и источники Синайскаго полуострова и имѣютъ подземные родники, однако количество заключающейся въ нихъ воды прямо обусловливается содержаніемъ влаги въ воздухѣ, а слѣдовательно, временемъ года, вѣтрами и другими условіями.

Для того, чтобъ уяснить важность распредѣленія колодцевъ и источниковъ въ Каменистой Аравіи, мы должны разсмотрѣть ихъ въ связи съ главными путями, пролегающими черезъ перешеекъ и соединяющими Египетъ съ Сиріей, Палестиною и собственною Аравіей. Поэтому мы перечислимъ теперь главные направленія, которыми до сихъ поръ пользуются поклонники христіанскіе и мусульманскіе, путешественники и караваны. Одною изъ важнѣйшихъ дорогъ перешейка надо поставить путь, которымъ пользовались издревле, какъ Египтяне, такъ и иноземные завоеватели. Это—путь отъ Пелузійскаго рукава Нила по берегу Средиземнаго моря черезъ Эль-Аришъ (уади котораго называется въ Библии—водотечью Египетскою) мимо древнихъ Сербонійскихъ соленыхъ болотъ въ Газу. По этому пути прошли, вѣроятно, завоеватели-фараоны въ Малую Азію, прошли персидскіе полчища Камбиза, а позднѣе фаланги македонскаго завоевателя. Историки Греціи повѣствуютъ, что по сѣверному берегу перешейка съ перемѣннымъ счастьемъ переходили рати Птолommeевъ и Селевкидовъ, а потомъ и легіоны Римлянъ. По нему же прошли и Французы во время Сирійской экспедиціи. Черезъ Катіэ и Эль-Аришъ идутъ

и многіе путешественники въ Святую землю даже въ наше время; этою дорогою проѣхалъ изъ Египта въ Палестину и А. С. Норовъ ¹⁾, а также А. Н. Муравьевъ ²⁾. Дорога каравановъ идетъ въ настоящее время нѣсколько южнѣе по долинѣ Газаръ, по которой въ древности ходили караваны Мадіанитянъ и Идумеевъ. Вторую по важности дорогою будетъ путь мусульманскихъ поклонниковъ поперекъ Синайскаго полуострова, почти въ прямомъ направленіи отъ Суеца до Акабы. Она проходитъ черезъ ничтожную крѣпостцу Нахель и пересѣкаетъ известковый кряжъ Оджмехъ. Ею пользуются, по преимуществу, караваны хаджіевъ, направляющіеся изъ Каира въ Мекку и Медину и усѣявающіе своими костями всѣ пути къ священнымъ городамъ Аравіи. Этою дорогою прошелъ Рюппель.

Третьею, наиболѣе важною для Европейцевъ, наиболѣе посѣщаемою и наиболѣе потому извѣстною дорогою будетъ классическій путь отъ Суеца до Синайскаго монастыря (Деиръ ель-Муса), пролегающій черезъ колодцы Моисея, множество поперечныхъ уади и при пересѣченіи уади Schubeikeh раздѣляющійся на двѣ вѣтви—одну, болѣе сѣверную, и другую, болѣе южную. Первая приводитъ къ монастырю черезъ уади Гомръ, Сувукъ, Баркъ, Lebweh, Berâh, Solâf, Nûkb-Nâwu, тогда какъ вторая—черезъ уади Шейхъ и знаменитыя долины Моккатеба и Ферана. Обѣ вѣтви сходятся у подножья Джебель эль-Фурейа. Къ этому пути надо причислить также дорогу отъ монастыря до Раифы, служащую какъ бы продолженіемъ первой. Она проходитъ черезъ нѣсколько уади, въ томъ числѣ Гибранъ, и знаменитыя долины Ферана и Магара. Эту дорогу прекрасно описываетъ преосв. Порфирій въ своемъ путешествіи. Ею пользовался отчасти и А. А. Уманецъ ³⁾. Отъ монастыря Синайскаго, кромѣ описанныхъ дорогъ на Суецъ и Раифу, отходятъ также пути въ Акабу, Газу, а также и прямо на Хевронъ. Эти дороги не имѣютъ въ настоящее время особеннаго значенія; но въ эпоху процвѣтанія Каменистой Аравіи, когда весь Синайскій полуостровъ былъ значительно населенъ и покрытъ цвѣтущими торговыми городами, когда черезъ древнюю Aelana, нынѣшнюю Акабу, шелъ морской путь въ Индію и Счастливую Аравію, какъ повѣствуютъ древніе историки, или когда въ горахъ Синая обитали тысячи

¹⁾ А. С. Норовъ, Путешествіе по Святой землѣ въ 1835 г. С.-Пб. 2 части.

²⁾ А. Н. Муравьевъ, Путешествіе ко святымъ мѣстамъ въ 1830 г.

³⁾ А. Уманецъ, Поѣздка на Синай. 2 части. С.-Пб. 1850.

отшельниковъ, и звонъ колоколовъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ повторялся одновременно на вершинахъ Джебель-Муса и Хорива ¹⁾,— тогда и эти забытые почти нынѣ пути были оживлены многочисленными караванами.

На Акабу ведутъ отъ Синайскаго монастыря двѣ дороги: одна—черезъ пустыню Рамле и уади Ветиръ, которою прошелъ Робинзонъ ²⁾ и нашъ паломникъ Каминскій ³⁾, и другая—по уади Назбъ и берегу Акабинскаго залива, впервые, кажется, пройденная Лабордомъ и Линаномъ ⁴⁾. Третьею дорогою можно считать путь Лаборда и Коллера по уади Zullakah и Atiyeh, чрезъ пустыню Атіэ. Отъ Акабы торными тропами черезъ проходъ Ras en Nukb по уади Эль-Аришъ можно добраться до Эль-Ариша и Газы, хотя этотъ путь избирается преимущественно Арабами пустыни, такъ какъ отъ Акабы есть прямая дорога на Іерусалимъ черезъ Хевронъ, которою прошли Нибуръ, Бурхгартъ, Робинзонъ, Каминскій и др. Путь этотъ идетъ черезъ уади Khumileh, W. el Jerâfeh, W. El Khuraizch, W. El Jerûr и W. Er Ruh-saibeh. Изъ долины Рхайбэ мимо развалинъ древней Елузы и Биръ Себа онъ ведетъ прямо къ Хеврону. Гораздо труднѣе дорога къ Хеврону черезъ уади Идумейскихъ горъ мимо развалинъ Петры и долину Ель-Араба, по ею, кромѣ двухъ или трехъ отважныхъ путешественниковъ, никто еще не пользовался.

Не желающіе проѣзжать Акабу могутъ отъ Синая прямо пробираться на Хевронъ. При этомъ они должны пересѣчь пустыню Рамле и хребетъ Этъ-Тихъ. Буркхартъ, Эвансъ и др. переходили Этъ-Тихъ черезъ ущелье Нукбъ-эль-Муреихи, а Ресседжеръ—черезъ ущелье Nukb el Wûrsah, тогда какъ преосв. Порфирій и Абекенъ—черезъ проходъ Нукбъ Эль-Ракинехъ, что гораздо практичнѣе, потому что сокращается путь по пустынѣ Рамле. Идя первою дорогою, путешественникъ прямо входитъ въ верховье уади Эль-Аришъ, тогда какъ послѣдній путь

¹⁾ Въ Синайскомъ монастырѣ есть преданіе, что нѣкогда въ Палестинѣ и Каменистой Аравіи было столько монастырей, что звонъ колоколовъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, передаваясь отъ одной обители другой, достигалъ скоро Синая, и такимъ образомъ почти въ одно и то же время шло богослуженіе.

²⁾ *E. Robinson and E. Smith, Biblical Reseaches in Palestine, Mount Sinai and Arabia Petrea. London. 1841. 3 vol.*

³⁾ *В. Каминскій, Воспоминанія поклонника Святаго Гроба. С.-Пб. 1859. 2 части.*

⁴⁾ *Labord et Linant. Voyage de l'Arabie Petrée.*

идеть черезъ уади Эль-Айнъ ¹⁾, впадающую въ уади Аришъ въ двухъ часахъ пути къ сѣверо-востоку.

Вдоль по этой уади сходятся всѣ пути отъ Синая прямо въ Палестину. Придерживаясь строго Эль-Аришской долины, можно придти къ Средиземному морю, къ мѣстечку Эль-Аришъ. Большинство же путниковъ, минуя послѣдній, и пересѣкая дорогу хаджей у крѣпостцы Нахеля, берутъ болѣе къ сѣверо-востоку. Путь ихъ тогда, идя поперекъ уади Агаба, мимо горъ Икрима, уади Граэ, уади Ешъ-Шараэфъ, уади Джеруръ, Сесабъ, Эль-Хаифе и уади Абіадъ, не считая мелкихъ уади, выходитъ въ уади Рхайбэ, гдѣ встрѣчается съ прямою дорогою изъ Акабы въ Хевронъ. Весь этотъ путь прекрасно описанъ преосвященнымъ Порфиріемъ, а также нѣкоторыми англійскими путешественниками.

Описанныя до сихъ поръ дороги принадлежатъ къ самымъ главнымъ путямъ Синайскаго полуострова, имѣвшимъ большее или меньшее значеніе, какъ въ древней, такъ и въ средней исторіи, когда особенно великъ былъ приливъ богомольцевъ къ святынямъ Синайскихъ горъ. О другихъ менѣе значительныхъ мы распространяться не будемъ; упомянемъ только еще объ одномъ пути, которымъ теперь едва ли кто пользуется, исключая немногихъ туземцевъ и посланцевъ отъ турецкихъ и египетскихъ пашей для закупки женщинъ, которыя тайкомъ продаются на пустынныхъ берегахъ Акабинскаго залива ²⁾. Мы говоримъ о дорогѣ, которая идетъ по берегу Синайскаго полуострова отъ Тора на южную его оконечность къ мысу Расъ Мухамедъ и потомъ подымается къ сѣверу берегомъ по восточному склону Акабинскихъ альпъ. Такъ она доходитъ до Акабы, гдѣ, встрѣчаясь съ дорогою хаджей, направляется къ югу въ собственную Аравию. Этою дорогою вполнѣ не проѣхалъ ни одинъ изъ европейцевъ: Робинзонъ, Лабордъ, Лоттенъ де-Лаваль и другіе прошли только по ея сѣверной и восточной части, Лабордъ и Ливанъ прошли отъ Тора до мыса Расъ-Мугаммедъ и дошли до уади Рхайбэ, откуда проникли въ глубь полуострова. Мы же, розыскивая пещеру Судебъ (Энъ-Назбъ) въ Акабинскихъ горахъ, посѣтили юго-восточную часть приблизительно до уади Райгабехъ, то-есть, почти до

¹⁾ Уади Мтегане у преосв. Порфирія.

²⁾ Фактъ, которому мы сами были свидѣтелями лѣтомъ 1881 г. По словамъ сопровождавшихъ насъ Арабовъ, продажа невольницъ практикуется тайкомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ на Черномъ морѣ.

28-й параллели, дойдя до горько-соленыхъ колодцевъ Нукбъ, обозначенныхъ на картѣ Робинзона. Такимъ образомъ соединенными усилями нѣсколькихъ путешественниковъ круговая дорога по берегамъ Синайскаго полуострова вся пройдена Европейцами. Лабордъ нашелъ развалины Faral на мысѣ Мухамеда.

Познакомившись съ направлениемъ главныхъ дорогъ Синайскаго полуострова, мы можемъ теперь намѣтить и тѣ источники, которые лежатъ по означеннымъ путямъ и обусловливаютъ въ большинствѣ случаевъ эти послѣдніе. Повторимъ при этомъ еще разъ, что въ перечисленіи водныхъ резервуаровъ мы легко можемъ сдѣлать нѣкоторыя ошибки уже потому, что всѣхъ дорогъ, разумѣется, мы не изучили лично.

По дорогѣ отъ Катіа въ Газу встрѣчаются источники порядочной воды въ Биръ Эль-Абдѣ, Гуенакѣ, Эль-Аришѣ, и иногда возлѣ Харубы. На классическомъ пути отъ Суеца въ Синай знаменитые колодцы Моисея (Айнъ Муса), источникъ Абу-Сувейра (высыхающій въ лѣтнее время), Хавара, Судръ ¹⁾, источникъ въ уади Карандель (по словамъ г. Уманца, —одно изъ главныхъ водопойныхъ мѣстъ Арабовъ Синайской пустыни, маленькіе родники въ уади Усеитъ, уади Тали уади Гомръ, колодезь Айнъ-Малила у подножья Джебель-этъ-Назбъ и другіе въ уади Назбъ, источники въ уади Самукъ, уади Баррагъ и Раха, не считая нѣсколькихъ ничтожныхъ и еще болѣе непостоянныхъ, дѣлаютъ эту дорогу самою богатою въ отношеніи воды во всей Каменистой Аравіи. Дорога хаджіевъ отъ Суеца до Акабы не богата источниками; два колодца на пути отъ Суеца до Нахеля не совсѣмъ-то исправные; воды Нахеля, непостоянный родникъ въ одномъ изъ восточныхъ отвлѣченій уади Эль-Аришъ и колодезь возлѣ Тимеда слишкомъ недостаточны для массы путешествующихъ по этой дорогѣ, и потому не мудрено, что путь хаджіевъ на всемъ своемъ протяженіи усѣянъ костями людей и верблюдовъ, погибшихъ отъ жажды ²⁾.

Дороги отъ Синая къ Райфѣ всегда богаты водою; почти во всѣхъ важныхъ уади находится порядочная вода. Прѣсный источникъ Ерѣ-

¹⁾ Робинзонъ, а за нимъ Уманецъ, упоминаютъ объ этомъ источникѣ; намъ пришлось воспользоваться его соленоватою водою.

²⁾ Пересѣкая путь Хаджіевъ два раза и встрѣчая мусульманскихъ паломниковъ въ дорогѣ, мы удивлялись огромной смертности въ ихъ рядахъ, чему отчасти причиной служить и недостатокъ воды.

Раха, колодезь уади Солеифъ, ручеекъ долины Феранъ (библ. Фаранъ), воды уади Леджа, ручеекъ уади Гибранъ подтверждаютъ наши слова.

То же самое мы должны сказать и о богатствѣ водою главнаго узла Синайскихъ горъ—округа монастырей. Здѣсь насчитывается болѣе десятка источниковъ; распространяться о нихъ мы не станемъ; замѣтимъ только, что вода синайскихъ колодцевъ намъ показалась лучшею на всѣмъ пути нашемъ отъ Суеца до Іерусалима.

Не то мы должны сказать по отношенію къ богатству водою дороги отъ Синайскаго монастыря къ Акабѣ. Робинсонъ на своемъ пути описываетъ, по большей части, непостоянные колодцы; то же самое говорили о нихъ и Арабы, насъ сопровождавшіе. Источники у подножья Ель-Фуреѣа, о Ain el Hudhera, Ain el Wâsit, W. Mourrah, W. Sumghy, Abu Souweirah и др. не особенно значительные, не обезпечиваютъ вполне путешественника отъ жажды. Еще менѣе воды на другомъ пути въ Акабу черезъ уади Назбъ и берегъ Краснаго моря. Съ большимъ трудомъ на значительной глубинѣ мы достали себѣ воды въ прибрежныхъ горахъ недалеко отъ впаденія уади Загарахъ и уади Назбъ. Хорошій родникъ возлѣ Пещеры Судебъ стоитъ въ сторонѣ дороги; о горькихъ колодцахъ Нукбъ, расположенныхъ южнѣе уади Райгабехъ, и говорить нечего.

Не богаты водою и остальные дороги Синайскаго полуострова. Нѣсколько непостоянныхъ источниковъ по дорогѣ отъ Акабы до уади Рхайбѣ слишкомъ недостаточны для четырехдневнаго пути по горячей пустыни. За уади Рхайбѣ воды нѣсколько больше. Изъ полуразрушенныхъ систернъ развалинъ семи древнихъ городовъ можно извлечь нѣсколько полупорядочной воды. То же и у развалинъ Элужы. Лучше вода въ колодцѣ уади Эль-Каласъ. Вирсавія (Биръ-Себа) уже богата водою; по пути къ Хеврону есть также нѣсколько порядочныхъ колодцевъ, а отъ Эль-Халила (Хеврона) на пути къ Іерусалиму колодезь на параллели Гелгуля и Соломоновы пруды обезпечиваютъ путь. Прямая дорога отъ Синая къ Хеврону, сходящаяся въ уади Рхайбѣ съ Акабинскою прямою до Рамле и Этъ-Тиха, почти совпадая съ дорогою на Суецъ, въ своихъ уади до Тиха имѣетъ достаточно воды; но послѣ перевала черезъ хребетъ, когда она идетъ по Этъ-Тихской пустынѣ, она не можетъ похвастаться даже достаточною водою. До самого Нахеля нельзя указать ни на одинъ постоянный источникъ порядочной воды; она бываетъ только послѣ дождливаго сезона. За Нахелемъ можно встрѣтить воду въ уади Агаба и очень

часто въ нѣкоторыхъ другихъ долинахъ. Обыкновенно можно встрѣтить воду въ уади Жеруръ, уади Эль Хаифэ, уади Серамъ; въ жаркое время высыхаютъ многія изъ этихъ водохранилищъ.

Самыми бѣдными по отношенію къ количеству и качеству воды надо признать дороги отъ Акабы мимо Петры по уади Эль-Араба, гдѣ, по словамъ нашего проводника, вода встрѣчается на всемъ пути всего только три раза, и то не всегда, и наконецъ, дорогу по южному берегу Синайскаго полуострова. Кромѣ негодныхъ колодцевъ Нукбъ въ юго-восточной его части, мы не можемъ указать болѣе ни на одинъ источникъ.

II.

Остановившись нѣсколько подробно на топографіи Сивайскаго полуострова и всего перешейка, соединяющаго Азію съ Африкой, мы тѣмъ самымъ облегчили себѣ пониманіе его этнографіи. Зная расположеніе плодородныхъ уади и главныхъ путей, перерѣзывающихъ страну во всѣхъ направленіяхъ, въ зависимости тѣхъ и другихъ отъ количества и постоянства воды, мы можемъ уже а priori судить о томъ, въ какихъ пунктахъ сосредоточивалось населеніе Каменистой Аравіи отъ эпохъ отдаленныхъ, доисторическихъ, вплоть до нашихъ временъ. Пустыни Этъ-Тиха и перешейка, прилежащія къ пустынямъ Нижняго Египта и Сиріи, а также песчанныя мертвыя степи Рамле, Ка'а, Эль-Айна и Эръ-Райгабехъ никогда не могли быть обиталищемъ даже степныхъ номадовъ, понынѣ величающихъ себя „сынами пустыни“. Если даже змѣи и другія пресмыкающіяся, не говоря уже о высшихъ животныхъ, бѣгутъ пустыни въ мѣста болѣе или менѣе оживленныя, то, разумѣется, и человѣкъ никогда не могъ жить въ этихъ обиженныхъ природою мѣстностяхъ. Какъ бы ни привыкъ дикій номадъ распинать свою плоть и закалять себя во всѣхъ лишеніяхъ, онъ не могъ никогда жить даже временно въ пустынѣ, потому что онъ погибъ бы очень скоро отъ абсолютнаго недостатка пищи и питья. Пустыни Синайскаго полуострова, такимъ образомъ, какъ и вездѣ, были мертвы и безжизненны отъ вѣка; онѣ оживлялись только временно при проходѣ черезъ нихъ каравановъ и отдѣльныхъ смѣлыхъ путниковъ, рисковавшихъ сложить свои кости въ пескахъ пустыни. Въ нихъ, поэтому, намъ нечего и искать слѣдовъ древняго обитателя страны; если они и есть, то схоронены глубоко подъ массами песку и гравіа. Наружныхъ слѣдовъ, по крайней мѣрѣ,

на поверхности земли, нѣтъ, да и быть не могло, хотя камней для мегалитическихъ построекъ повсюду болѣе чѣмъ достаточно.

Безжизненные, не орошаемые уади также никогда не могли быть обиталищами ни первобытнаго человѣка, ни кого изъ его позднѣйшихъ потомковъ, въ томъ числѣ и современныхъ обитателей Каменистой Аравіи. Эти уади служили только, какъ служатъ онѣ и понынѣ, болѣе или менѣе удобными дорогами на всемъ протяженіи Синайскаго полуострова; онѣ могли иногда пріютить дикаго номада съ его животными и дать ему временное кочевье, когда, подъ вліяніемъ дождей или таянья снѣговъ на высотахъ, обильныя воды орошали безжизненные каменистыя русла ихъ, и изъ мертвой почвы показывались зеленныя былинки степныхъ растений. Неприхотливому „кораблю пустыни“, составлявшему издревле лучшаго спутника и друга для человѣка пустыни, достаточно и немногихъ стеблей колючаго бурьяна, чтобы быть сытымъ; но для его хозяина мало было пищи въ этихъ уади, и онѣ бѣжали въ мѣста, болѣе богатныя дарами природы. Такими представлялись уади, имѣвшія постоянные источники, по крайней мѣрѣ—колодцы. Но такихъ было очень не много сравнительно съ уади, служащими только для временнаго стока водъ; большинство уади Синайскаго полуострова почти безжизненны; зеленѣющія уади представляются настоящими оазисами въ мертвой пустынѣ. Въ нихъ, поэтому, и сосредоточивались древніе обитатели страны, какъ кучатся понынѣ различныя племена Арабовъ.

Какъ а ргіогі по топографіи Синайскаго полуострова мы судимъ о распредѣленіи его обитателей съ древнѣйшихъ временъ, такъ изъ тѣхъ же данныхъ мы можемъ вывести нѣсколько заключеній о степени цивилизаціи этого населенія. Обитатель Каменистой Аравіи, какъ страны, не отличающейся удобствами путей сообщенія по абсолютному отсутствію развѣтвленной внутренней системы водъ, не могъ достигнуть той степени цивилизаціи, какой достигали его сосѣди. Постоянный транзитъ произведеній Египта и Сиріи черезъ Каменистую Аравію, постоянно существовавшее сообщеніе между образованнѣйшими народами древняго міра, проходившее черезъ эту страну, разумѣется, сильно вліяли на ея обитателей, не смотря на ихъ замкнутость; они, разумѣется, также воспринимали начала цивилизаціи, но масса жизненныхъ условій, обуславливаемыхъ географіей страны, не позволяла взойти плоду сторичному, и тѣ признаки кажущейся значительной цивилизаціи, которой слѣды мы находимъ въ развалинахъ городовъ Синай-

скаго полуострова, на самомъ дѣлѣ едва ли принадлежатъ собственно туземцамъ. Объ этомъ, впрочемъ, мы еще поговоримъ далѣе.

Еще въ 1869 году Ричардъ Оуенъ ¹⁾ заявилъ предположеніе, что пустыни Нижняго Египта, Суецкаго перешейка и Каменистой Аравіи составляютъ дно древняго моря, перемѣщеннаго поднятіемъ вулканическихъ частей перешейка. Это заключеніе знаменитый натуралистъ высказалъ, изучая почву и остатки, находимые на поверхности пустыни. Песчаники, известняки, мраморныя и алебастровыя залежи, слои нуммулитическаго известняка, гипса, кучи морскихъ раковинъ, а также цѣлыя пласты глинистаго известняка, смѣшаннаго съ пескомъ и грязью, образующіе неплотныя залежи на всей поверхности пустыни—все это подтверждаетъ предположеніе Р. Оуена. Огромное количество раковинъ и другіе органическіе остатки, въ связи съ другими геологическими данными, даже опредѣляютъ болѣе или менѣе приблизительно время поднятія этой части морскаго дна, заключающееся между эпохами верхняго оолита и мѣловыхъ формацій и эпохою третичною—слоями древняго эоцена и средняго міоцена. То же самое высказываетъ и Лартэ ²⁾, достаточно изучившій геологію Сиріи и Египта. Съ мнѣніями этихъ ученыхъ нельзя не согласиться тому, кто проѣхалъ хотя сотню верстъ по пустынямъ Синайскаго полуострова. Сходство его поверхности съ дномъ древняго моря, выдвинушагося вслѣдствіе какого-то колоссальнаго геологическаго переворота, имѣвшаго время въ эпоху сравнительно позднѣйшую—третичную, поразительно даже для человѣка, мало знакомаго съ геологіей. Присутствіе морскихъ раковинъ и нептуническихъ образованій въ центральныхъ частяхъ Каменистой Аравіи, какъ напримѣръ, въ пустынѣ Рамлэ и Этъ-Тиха, не говоря уже о прибрежныхъ пустыняхъ, дѣлаетъ это предположеніе Оуена и Лартэ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Но, становясь на подобную точку зрѣнія, мы тотчасъ же встрѣчаемся и съ данными другаго рода. Изысканія Леонарда Горнера и Гекекіанъ-Бея показали, что плодородныя долины Египта по берегамъ Нила образовались во времена историческія; изслѣдованія Мариетта въ Saggah и Мемфисѣ, подтверждая это предположеніе, даже опредѣляютъ время этого событія, соотвѣтствующее эпохѣ Хефрена или 3-му царствованію V-й династіи Манетона, то-есть, приблизительно за 6000

¹⁾ Richard Owen въ *Materiaux pour l'Histoire primitive et naturelle de l'homme*, изд. E. Carillaillac. 2 Ser. 1869 г.

²⁾ E. Lartet, *Essai sur la geologie de la Palestine, d'Arabie et d'Egypte*.

лѣтъ до Р. Х. ¹⁾). Къ тому же приводятъ и изысканія другихъ археологовъ.

Если мы представимъ себѣ согласно гипотезѣ, созданной трудами Оуена, Горнера, Марриетта и Арселлена, что географія сѣверо-восточнаго уголка Африки и юго-западнаго Малой Азіи была нѣкогда совершенно иною, то очевидно, и первобытные обитатели этой страны находились въ исключительныхъ условіяхъ, опредѣляемыхъ ея географическимъ положеніемъ.

Моста между Азіей и Африкой не существовало въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется нынѣ. Нижній Египетъ, Суецкій перешеекъ, Финикія составляли одно цѣлое съ поверхностью Средиземнаго и Чермнаго морей, воды которыхъ сливались однѣ съ другими. На границахъ этого внутренняго моря стояли на востокѣ горы Іудеи, Моавіи и Идумеи, переходившія въ цѣпи хребтовъ Собственной Аравіи; на западѣ ограничивали его горы Ливіи, за которыми начиналось море Ливійское на мѣстѣ нынѣшней Сахары, хотя, быть можетъ, эта послѣдняя уже перестала быть внутреннимъ моремъ въ то время, когда перешеекъ еще былъ скрытъ подъ водою. Отдѣльными островами, а быть можетъ, цѣпью или перешейкомъ на границѣ предполагаемаго и Краснаго моря стояли группы горъ Каменистой Аравіи. Горный Синайскій узелъ, цѣпи Акабинскихъ альпъ и Джебель Этъ-Тиха, а также Джебель этъ-Турфа (южный хребетъ полуострова, оканчивающійся мысомъ Расъ-Эль-Мухамедъ) и плоскогорье Атака (на западномъ берегу Суецкаго рукава)—все это были выдающіяся точки внутренняго моря, образовавшія своими соединеніями или островную цѣпь, или пересѣченный перешеекъ.

На этомъ перешейкѣ или на островахъ, образуемыхъ вершинами Синайскаго полуострова, только и могъ обитать первобытный туземецъ. Возвышенности Синайскаго полуострова дали всѣ тѣ немногіе слѣды первобытнаго человѣка, которые замѣчены доселѣ; равнины же и пустыни его оказались почти безплодными въ отношеніи первобытныхъ древностей, какъ безплодны онѣ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Точно также ничего не даютъ для антропологии, по крайней мѣрѣ доселѣ, берега Чермнаго и Средиземнаго морей.

¹⁾ О трудахъ названныхъ выше ученыхъ см. *Materiaux pour l'Histoire naturelle et primitive de l'Homme*. 1869.

Зеленѣющія уади съ постояннымъ запасомъ воды и древніе неизсякаемые источники прѣсной воды представляютъ благодарное поле для антропологическихъ изслѣдованій. Около колодцевъ и родниковъ всегда держался человѣкъ, какъ онъ держится и нынѣ, особенно въ безводной пустынѣ. На изученіе мѣстностей, лежащихъ около этихъ источниковъ, должно быть обращено особенное вниманіе изслѣдователя, тѣмъ болѣе, что положеніе ихъ представляетъ извѣстное отношеніе къ главнымъ дорогамъ страны. Арселленъ первый обратилъ особенное вниманіе, при изученіи археологіи страны, богатой пустынями, на встрѣчающіяся въ ней высокія террасы и „окрестности древнихъ источниковъ“. Тому же слѣдовалъ и Гами при изученіи остатковъ каменнаго вѣка въ Египтѣ.¹⁾ И такъ, забѣгая нѣсколько впередъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что на возвышенностяхъ Каменистой Аравіи обиталъ человѣкъ еще въ то время, когда окрестъ ихъ лежали еще обширныя моря, сливавшіяся въ одно съ окружающими бассейнами. Былъ ли тотъ человѣкъ—выходцемъ изъ Азіи или изъ Африки—сказать трудно, но понятно одно: что онъ не могъ быть автохтономъ почти безплодныхъ горъ. Трудно также рѣшить: предшествовало ли заселеніе Синайскихъ горъ заселенію Африки, или на оборотъ, обитатель послѣдней выслалъ свои колоніи въ пустыя мѣста ея сѣверо-восточнаго угла; впрочемъ, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, нужно предполагать, что колонизація Каменистой Аравіи шла изъ Азіи.

Человѣкъ, обитавшій на возвышенностяхъ Синайскаго полуострова въ то время, когда еще остальные части послѣдняго были подъ водою,—кромѣ частичнаго поднятія морскаго дна у подножія горъ, былъ свидѣтелемъ и другаго геологическаго явленія, которое дало окончательный нынѣшній видъ поверхности разсматриваемой нами страны. Послѣ того, какъ вокругъ возвышенностей разрослись обширныя, покрытыя нептуническими породами, низменныя пространства, наступилъ атмосферный кризисъ. Подобно тому, какъ это было и въ Европѣ, надъ поверхностью недавно только выступившихъ Нижняго Египта и Суецкаго перешейка, подъ вліяніемъ невѣдомыхъ теллурическихъ и атмосферныхъ условій, сухая дотолѣ атмосфера насытилась водными парами, и это насыщеніе продолжалось въ теченіе нѣкотораго времени. Вслѣдствіе атмосфернаго давленія на земли, недавно только образованныя, еще не получившія настоящей

¹⁾ *Bullet de la Soc. d'Anthrop.* 1869.

консистенціи, такъ сказать, не улегшіяся, ниспала масса воды въ видѣ дождя. Эта масса была на столько велика, что съ возвышенностей Каменистой Аравіи стекали въ продолженіе нѣкотораго времени огромные бурные потоки воды, механическая сила которыхъ превосходила даже теченіе водъ въ Европѣ. Эти страшные своею силою потоки прорывали цѣлые пласты земли, вырывали глубокія ложбины для русла даже въ твердыхъ слояхъ поверхности, ворочали огромные камни, подрывали самыя скалы... Такъ образовались уади Каменистой Аравіи. Географія страны представляетъ цѣлый рядъ примѣровъ въ подтвержденіе силы этого переворота. Уади Нукбъ Хеви, Слихъ, Леджа, Барагъ и др. носятъ очевидные слѣды ужасныхъ потоковъ послѣтретичной эпохи, которые совершенно видоизмѣнили видъ страны, придавъ ей разнообразную исчерченность. По Оуену, при помощи дождей, стекавшихъ съ горъ и хребтовъ въ огромномъ количествѣ, образовались самыя напластованія Нила. На этотъ великій кризисъ въ геологіи Египта обратилъ вниманіе Ларте ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ видоизмѣнилась физіономія страны, явились и новыя условія для ея заселенія. Тогда только впервые человѣкъ спустился въ уади Каменистой Аравіи, воспользовался ихъ естественными богатствами и обосновался у постоянныхъ источниковъ. Трудно однако, хотя бы приблизительно, опредѣлить — когда это случилось, хотя изъ гипотезы Оуена, Арселлена и др. слѣдуетъ, что это произошло уже во времена историческія, о которыхъ повѣствуютъ гіероглифы Египта.

Слѣдуя въ изученіи обитателей Каменистой Аравіи исторической послѣдовательности, мы сперва обратимъ вниманіе на слѣды человѣка первобытнаго, или, точнѣе сказать, на слѣды каменнаго вѣка въ предѣлахъ этой страны; потомъ перейдемъ ко временамъ историческимъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и наконецъ, займемся болѣе подробнымъ изученіемъ современныхъ обитателей Синайскаго полуострова. Во всякомъ случаѣ, уже теперь уместно высказать то замѣчаніе,

¹⁾ Для болѣе нагляднаго представленія о грандіозности этого событія четвертичной эпохи мы приведемъ изъ *Materiaux pour l'H. p. et nat. de l'homme*, 1870—71 г. свидѣтельство, что расположеніе рѣчныхъ древнихъ пластовъ показываетъ, что они мѣстами поднимаются даже на 130 ф. выше надъ поверхностью самыхъ высокихъ водъ. Въ этихъ пластахъ находятъ раковины, доселѣ живущія въ Нилѣ. Фигари-бей (*Materiaux*, 1870) старается также доказать, что Нильская долина образовалась во времена историческія.

что первобытный обитатель Каменистой Аравіи, откуда бы онъ ни происходилъ, не былъ въ совершенно изолированномъ положеніи, а постоянно соприкасался съ обитателями, съ одной стороны — Нильской долины, а съ другой — Палестины и Моавіи. Очевидно, слѣдовательно, и тѣ, и другіе должны были оказывать культурное вліяніе на древнихъ жителей Синайскаго полуострова.

III.

Былъ ли каменный вѣкъ у обитателей Каменистой Аравіи? Постановка такого вопроса не можетъ считаться излишнею даже и въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, согласно вышепредставленной гипотезѣ, что поднятіе Синайской пустыни совершилось во времена историческія, — такъ какъ понятіе о каменномъ вѣкѣ у того или другаго народа не исключаетъ возможности его существованія даже въ эпоху сравнительно позднюю. Каменный вѣкъ знаменуетъ собою извѣстную степень цивилизаціи, проходимую даннымъ народомъ въ неопредѣленный промежутокъ времени. Онъ наблюдался у всѣхъ народовъ, во всѣхъ странахъ земнаго шара, хотя и въ различныхъ стадіяхъ его развитія; слѣды его замѣчаются и донинѣ не только у племенъ, стоящихъ на низшей степени цивилизаціи, но даже у такъ-называемыхъ цивилизованныхъ народовъ. Такимъ образомъ каменный вѣкъ долженъ былъ существовать и у первобытныхъ обитателей Синайскаго полуострова. Мы уже видѣли, что первобытный челоѣкъ Каменистой Аравіи находился подъ вліяніемъ народовъ, обитавшихъ въ окрестныхъ странахъ. Но всѣ эти страны несомнѣнно имѣли свой каменный вѣкъ; слѣдовательно, весьма вѣроятно, что слѣды его можно найти и на Синайскомъ полуостровѣ. Какъ бы въ подтвержденіе этому заключенію служить то обстоятельство, что остатки каменнаго вѣка въ изучаемой нами странѣ имѣютъ замѣчательное сходство съ того же рода памятниками Сиріи, Аравіи и Египта. Чтобы провести болѣе полную аналогію, надо вкратцѣ сказать о томъ, что добыла нынѣ доисторическая археологія, изучая страны, прилежающія къ Синайскому полуострову.

Въ собственной Аравіи еще Пальгревъ ¹⁾ открылъ гигантскіе менгиры неизвѣстнаго происхожденія, а позднѣе тамъ были найдены орудія каменнаго вѣка; нашъ проводникъ Ахмедъ, путешествовавшій

¹⁾ *Palgrave, Travels in Arabia.*

въ Мекку, разказывалъ о нѣсколькихъ обложенныхъ камнями курганахъ, видѣнныхъ имъ по дорогѣ, а также о двухъ каменныхъ гробницахъ у подножья горъ Неджедъ эль-Аредъ, въ которыхъ, по преданію, были похоронены знаменитые великаны.

Въ Палестинѣ еще въ началѣ XIX в. Ирби и Менгльсъ ¹⁾ описали цѣлыя группы дольменовъ у Гезебона, Тира и въ окрестностяхъ Иордана; позднѣе изслѣдовалъ эти дольмены Ларте ²⁾. Обиліе каменныхъ орудій всѣхъ образцовъ, ряды менгировъ Палестины, кромлеховъ и дольменовъ Моавіи, описанныхъ Соси и Тристрамомъ, свидѣлствуютъ, что каменный вѣкъ былъ здѣсь распространенъ значительно.

Еще съ большимъ правомъ можемъ сказать мы это про Египетъ. Знаменитыя группы менгировъ Карнака, состоящія изъ нѣсколькихъ тысячъ камней, воздвигнутыхъ рукою человѣка ³⁾, дольмены Ливійской пустыни и многія тысячи каменныхъ орудій, пайденныхъ Геймсомъ въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ, Арселленомъ ⁴⁾ у Гизе, Саккара, Абумангара, Оивъ, Бибана эль-Молукъ и по всей долинѣ Нила отъ Каира до Ассуака, доказываютъ несомнѣнно, что въ Египтѣ былъ каменный вѣкъ, какъ неолитическій, такъ и палеолитическій ⁵⁾.

Если, такимъ образомъ, доказано присутствіе слѣдовъ каменнаго вѣка въ странахъ, окружающихъ Синайскій полуостровъ и составляющихъ съ нимъ одно цѣлое во всѣхъ физическихъ отношеніяхъ, то необходимо допустить, что обитатели этой центральной страны, составляющей звѣно между Египтомъ, Сирією и Аравіей, имѣли тотъ же самый каменный вѣкъ, въ аналогичныхъ его проявленіяхъ.

Уже давно, во всѣхъ путешествіяхъ въ Синайскій монастырь, описывались, въ разныхъ мѣстахъ Синайскаго полуострова, и особенно вокругъ монастыря, различной величины камни, которые или пора-

¹⁾ *Irby and Mangles, Travels in Egypt, Nubia and Asia Minor in the years 1817 и 1818. London.*

²⁾ *E. Lartet, Les traces de l'homme primitif en Orient въ Materiaux 1873 г.*

³⁾ *Materiaux 1872 г.; Fergusson, Monum. megal.; J. Miln, Fouilles faites au Carnac 1874—1876.*

⁴⁾ *L'âge de pierre et la classification préhistorique d'après les sources égypt. Paris.*

⁵⁾ *Materiaux, 1870—71 г. Въ одномъ изъ своихъ засѣданій въ декабрѣ 1879 г. Парижское антропологическое общество весьма категорически высказалось въ пользу существованія каменнаго вѣка въ Египтѣ, въ четвертичную эпоху.*

жали взоръ путешественниковъ своимъ виѣшнимъ видомъ, или обращали на себя ихъ вниманіе по связаннымъ съ ними преданіямъ и легендамъ. Разказы эти обыкновенно имѣли религіозную подкладку и приурочивали эти камни къ тѣмъ или другимъ библейскимъ событіямъ. Мусульмане-туземцы также склонны были разсматривать эти камни съ религіозной или суевѣрной точки зрѣнія. На самомъ же дѣлѣ многіе изъ нихъ суть ничто иное какъ мегалитическія постройки первобытныхъ обитателей Каменистой Аравіи. Точно также, находясь мѣстами орудія каменной эпохи долгое время не оцѣнивались достаточнымъ образомъ. На орудія, не поражающія своею формой или красотой, каковыхъ находятъ большинство, не обращалось никакого вниманія; предметы же болѣе красивой отдѣлки, или выдающіеся по качеству своего матеріала, подбирались Арабами пустыни и служили имъ въ качествѣ „синайскихъ камешковъ“, которыми снабжали они за извѣстную плату усердныхъ паломниковъ, или даже талисманами и украшеніями. Намъ самимъ удалось видѣть на груди шейха изъ племени Музеіну небольшой яшмовый, просверленный на одномъ концѣ ножъ. Около Акабы старый Арабъ ворожилъ на двухъ изящныхъ кремневыхъ оконечникахъ стрѣлы, а одинъ изъ моихъ проводниковъ лѣчилъ язвы на ногахъ верблюда, прикладывая къ нимъ каменные шарики, которые онъ носилъ въ мѣшечкѣ съ прочими лѣкарственными снадобьями. По его словамъ, въ горахъ Турфа есть цѣлый колодезь, наполненный этими шариками, но добыть изъ него цѣлебные камни дается не всякому.

Такимъ образомъ, несомнѣнные слѣды каменнаго періода были извѣстны давно и на Синайскомъ полуостровѣ, но ложное толкованіе ихъ значенія было на столько убѣдительно, что многіе изъ весьма компетентныхъ даже археологовъ, путешествовавшихъ въ этой странѣ, совершенно умалчиваютъ о нихъ, хотя невозможно допустить, чтобъ они не видѣли ихъ.

Не удивительно, поэтому, что только въ 70-хъ годахъ аббатъ Ришаръ ¹⁾ первый повѣдалъ ученому міру, что и обитатели Синая имѣли свой каменный вѣкъ. Въ сѣверо-восточномъ углу, образуемомъ уади Торъ и дорогою, проложенною Аббасомъ-пашею къ Синаю, по словамъ Ришара, есть нѣсколько маленькихъ холмиковъ (mamelon) изъ желтоватой глины, смѣшанной съ мелкозернистымъ гипсомъ. Въ нихъ ученый аббатъ нашелъ въ огромномъ количествѣ орудія каменнаго

¹⁾ *Richard—Materiaux* 1870—71 гг.

вѣка самой разнообразной формы. Тутъ были кремневые молоты темнаго цвѣта, испещренныя бѣловатыми крапинками, и какъ видно, довольно послужившіе первобытному человѣку. Особенно пострадавшими отъ употребленія оказались два топора отъ 7—8 сантиметровъ въ діаметрѣ. Тутъ же лежала масса каменныхъ ножей различной величины, отъ 9—15 сантиметровъ длины и 1—2 сантиметровъ ширины; отсутствіе рукоятки заставляетъ предполагать, что они употреблялись безъ ручки. Другіе ножи имѣли рукоятку, на которой были сдѣланы выступы, а не углубленія для прикрѣпленія ножей къ черенкамъ. Среди этихъ орудій есть вещи даже очень оригинальныя; такъ, два камня представляютъ видъ черепахи, другіе можно сравнить съ клиньями; третьи походятъ на конусъ, раздѣленный на двѣ части, въ которыхъ Ришаръ думаетъ видѣть ядрища. Между множествомъ стрѣлъ, описываемыхъ Ришаромъ, особенно замѣчательны двѣ: одна—изъ эврита треугольной продолговатой формы, другая—еще болѣе удлинненная. Четыре наконечника очень изящно зазубрены и имѣютъ вырѣзки, посредствомъ которыхъ ихъ легко приладить къ перу стрѣлы; величина ихъ различная.

Объ употребленіи каменныхъ орудій обитателями Синайскихъ горъ съ цѣлю разработки рудниковъ и для вырыванія колодцевъ, говоритъ І. Кистъ Лордъ ¹⁾. Указаній по этому предмету другихъ авто-

¹⁾ Сочиненіе его (*Keast-Lord, The Peninsula of Sinai—Leisure Hour 1870*) мы знаемъ только изъ цитатъ (*Isambart, Itineraire de L'Orient*); по словамъ Изабара, Кистъ Лордъ описываетъ въ уади Магара огромныя шахты, достаточныя даже для того, чтобы вмѣстить человѣка, сдѣланныя первобытнымъ человѣкомъ при помощи каменныхъ орудій. Такъ напримѣръ, есть цѣлая комната, вырубленная въ скалѣ, 20 ф. длиною, 14 ф. шириною и 5 ф. въ вышину, составляющая крайнюю границу минерныхъ работъ. Раскапывая тамъ слой песку, Кистъ-Лордъ нашелъ кремневые ножи, молоты и куски дерева, служившіе для рукоятокъ этихъ орудій, въ томъ числѣ кусокъ палки изъ акаціи. Во многихъ шахтахъ были найдены въ огромномъ количествѣ остатки двустворчатыхъ прѣсноводныхъ раковинъ (*Spatha chaziana*, живущая понынѣ въ Нилѣ). Около входа въ шахты есть холмъ, на которомъ Кистъ-Лордъ нашелъ даже слѣды обитанія примитивныхъ рудокоповъ въ видѣ сложеній изъ огромныхъ не обдѣланныхъ камней, не связанныхъ никакимъ цементомъ. При этомъ было также найдено много каменныхъ орудій всякаго рода, куски стекла, голубая краска, ожерелья изъ продыравленныхъ раковинъ и множество горшечныхъ осколковъ. Замѣчены были даже грубыя изображенія этихъ рабочихъ на стѣнахъ; большинство изъ нихъ съ длинными остроконечными бородами и высокими колпаками. Эти изображенія впрочемъ относятся къ египетскому періоду.

ровъ, исключая еще Пальмера, находившаго кремни (bearbeite Kieselsteine) въ изслѣдованныхъ имъ паванис, мы не знаемъ. Но и этихъ немногихъ указаній уже достаточно для того, чтобы подкрѣпить фактами высказанное выше предположеніе относительно существованія каменнаго вѣка у древнихъ обитателей Синайскаго полуострова. Къ счастью, мы еще можемъ добавить кое-что изъ собственныхъ наблюденій.

Въ различныхъ мѣстахъ Каменистой Аравіи мы не мало встрѣчали камней, напоминающихъ орудія; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы поднимали ихъ десятками, но камни эти такъ мало носятъ на себѣ слѣды обработки человѣческой рукою, что иногда только другія побочныя обстоятельства позволяютъ отнести эти куски кремней и порфира къ жалкимъ орудіямъ обитателей каменнаго вѣка. О такомъ богатствѣ и разнообразіи находокъ, какое выпало на долю Ришара, не можетъ быть и рѣчи съ нашей стороны; мы не встрѣтили ни разу орудія даже болѣе или менѣе совершенной формы. Не зная до своей поѣздки о находкахъ Ришара, мы не обратили особеннаго вниманія на мѣста его богатыхъ открытій; а между тѣмъ небольшіе холмики встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Синайскаго полуострова; но мы, зондируя ихъ шомполомъ ружья, никогда ничего въ нихъ не находили. Таковы холмики пустыни Каа, недалеко отъ Тора, курганчики у подножья Этъ-Тиха и многочисленныя возвышенія, попадающіяся по сторонамъ многихъ уади Этъ-Тихской пустыни, происхожденіе которыхъ надо относить ко временамъ позднѣйшимъ, или вѣрнѣе сказать, къ естественнымъ образованіямъ.

Въ виду того, что наши находки не богаты разнообразіемъ формъ (находки Пальмера также), мы прежде всего набросаемъ общій характеръ найденныхъ нами камней, которые причисляемъ къ орудіямъ каменнаго вѣка. Куски кремней, порфира, кварцита, эврита, гранита и другихъ твердыхъ камней различной формы и величины, обусловливаемой не столько обработкою, сколько естественными условіями, составляютъ здѣсь жалкія орудія первобытнаго человѣка. На нѣкоторыхъ изъ нихъ еще улавливается идея ихъ употребленія, замѣчаются плоскости, образованныя человѣческою рукою или при употребленіи этихъ орудій, или при ихъ изготовленіи. Эти плоскости обыкновенно легко угадываются присмотрѣвшимся глазомъ и отличаются отъ площадокъ натуральныхъ, образованныхъ въ плоскостяхъ спайванія, преимущественно по цѣлесообразности ихъ направленія. Всѣ видѣнныя нами орудія можно раздѣлить на три категоріи. Первая

будетъ заключать въ себѣ большіе или меньшіе куски камней, совершенно не обработанныхъ рукою человѣка и употребленныхъ имъ только случайно по естественной формѣ ихъ; къ нимъ можно причислить: а) простые куски кремня и кварца, послѣдняго всегда болѣе или менѣе округленной формы, употреблявшіеся, по всей вѣроятности, въ качествѣ метательныхъ орудій, какъ это дѣлалось и во времена историческія (напримѣръ, въ битвѣ при Гастингсѣ); б) куски твердыхъ камней, по своей формѣ случайно показавшіеся годными для житейскихъ надобностей, и потому нѣсколько приспособленные къ тому или другому употребленію; напримѣръ, кремни съ острыми рѣзущими краями, представляющіе простѣйшій типъ ножей каменнаго вѣка; куски порфира болѣе или менѣе крупной, величины продолговатой формы и съ неодинаковыми концами типа молотковъ и типа топоровъ, съ которыми они имѣютъ крайне отдаленное сходство; камни заостренной формы, получившіеся при раздробленіи матерыхъ кусковъ и могшіе служить въ качествѣ наконечниковъ стрѣлъ и т. п. Ко второй категоріи орудій мы причисляемъ точно такіе же куски твердыхъ камней, но болѣе или менѣе обработанные рукою человѣка и приспособленные для того или другаго употребленія. На нихъ легко можно замѣтить плоскости, сдѣланныя для какой-либо извѣстной потребности. Число этихъ плоскостей крайне неограниченно и прямо зависитъ отъ того, на сколько грубое искусство человѣка помогало ихъ естественной формѣ или величинѣ. Благодаря однако этой примитивной обработкѣ, въ этихъ кускахъ камней можно уже безъ натяжекъ видѣть настоящія орудія людей каменнаго вѣка, тогда какъ камни первой категоріи могутъ быть признаны за орудія только по условіямъ ихъ находки. Во вторую категорію орудій входятъ каменные ножи, топоры, молотки, наконечники стрѣлъ и копій и тому подобные предметы. Не смотря на такое болѣе или менѣе явное приспособленіе къ нуждамъ человѣка, все-таки это—орудія довольно грубой обработки и показываютъ не особенно высокую степень цивилизаціи людей, употреблявшихъ ихъ на свои домашнія потребности. Наконецъ, третью категорію каменныхъ орудій составляютъ камни болѣе или менѣе порядочной обработки, на которыхъ рука человѣка положила свои несомнѣнные слѣды. Плоскости, образованныя при обработкѣ этихъ орудій, довольно многочисленны и малы, что и характеризуетъ камни этой категоріи, тогда какъ орудія первыхъ двухъ, если и имѣютъ искусственныя площади, то онѣ довольно велики и немногочисленны. Уменьшеніе величины плоскостей въ связи съ увеличеніемъ числа

ихъ, или другими словами, усовершенствованіе въ видѣлѣхъ орудій, свидѣтельствуется уже прямо, во первыхъ, о большей степени умственнаго развитія людей, употреблявшихъ ихъ, а во вторыхъ, можетъ быть, о меньшей ихъ древности. Орудій этой категоріи мы встрѣтили такъ немного, что при дальнѣйшемъ разсужденіи мы перечислимъ ихъ по мѣсту ихъ нахожденія.

Принимая классификацію каменныхъ орудій, предложенную Мортелле ¹⁾, мы можемъ раздѣлить орудія, найденныя на Синайскомъ полуостровѣ на орудія типа Сентъ-Ашѣль и типа Мустье; типовъ Солютре и Маделенъ, которые характеризуются болѣе совершенною формою орудій, мы по крайней мѣрѣ не видали. Въ коллекціи же орудій, найденныхъ Ришаромъ, можно встрѣтить камни и двухъ послѣднихъ типовъ, даже еще болѣе совершенныхъ, чѣмъ типическія орудія эпохъ Солютре и Маделены. Такимъ образомъ вся палеолитическая эпоха у обитателей Каменистой Аравіи имѣетъ свое выраженіе, какъ это доказано, для Палестины и Египта, не говоря уже о другихъ странахъ Азіи и Африки (Тунисъ, Алжиръ, Сахара).

Скажемъ теперь о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ Каменистой Аравіи находимы были остатки каменной эпохи.

Мы видѣли, что Ришаръ сдѣлалъ свои интересныя находки въ уади Торъ, имѣющей постоянные источники, а потому всегда зеленѣющей и посѣщаемой людьми высокихъ горъ; Англичанинъ Уельксъ, проѣхавшій Синайскій полуостровъ по дорогѣ, описанной преосв. Порфиріемъ, говоритъ, что онъ находилъ куски камней, которые онъ считаетъ за орудія каменнаго вѣка, въ долинѣ Ферана, Солеифа, Леджа, у подножья Фурейа и другихъ Синайскихъ горъ и у источника Хавара. Кистъ-Лордъ сдѣлалъ свои открытія въ уади Магара, одной изъ лучшихъ уади полуострова. То же самое можемъ сказать и мы о своихъ находкахъ. Первые кремни первой и второй категоріи мы нашли въ уади Судръ, недалеко отъ извѣстнаго Арабамъ пустыни источника Судръ. Они лежали вмѣстѣ съ массою раковинъ и песку на каменистомъ основаніи. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли плоскости, явно сдѣланныя рукою чековѣка, огромное же большинство ихъ было безформенное, такъ что мы признали въ нихъ слѣды каменнаго вѣка только по ихъ скученному положенію совместно съ раковинами и костями рыбъ. Въ окружающей ихъ песчано-

¹⁾ Congrès préhistorique de Bruxelles, 1872, p. 432; Association scientifique de France, 1872, p. 768; *Bullet. de la Soc. d'anthropologie* 1876, p. 271.

известковой мѣстности мы не видали даже одиночно лежащихъ кремней. Очевидно, присутствіе такого множества кремней вмѣстѣ съ раковинами и костями въ одной небольшой кучѣ, покрытой небольшимъ камнемъ, не могло быть случайнымъ.

Въ сѣверо-западномъ углу, образуемомъ уади Тайбэ съ сосѣднею уади, среди густаго лѣса тарфъ находится груда камней различной величины, сложеніе которыхъ, по сказанію Арабовъ, приписывается джинамъ (злымъ духамъ) пустыни. Въ пространствѣ между этими камнями есть небольшіе холмики песку, которые даже на поверхности были покрыты множествомъ кремней различной формы и величины, но почти безъ малѣйшихъ признаковъ обработки. Присутствіе съ этими кремнями костей различныхъ животныхъ, разбитыхъ въ куски для добыванія мозга—этого самого лакомаго куса народовъ, питающихся мясомъ, а также нѣсколькихъ раковинъ и рыбьихъ костей, показывало, что мы имѣемъ дѣло съ такъ называемыми кухонными остатками, и что кремни, встрѣченные нами здѣсь, не что иное, какъ примитивныя орудія для раскрыванія сѣдобныхъ раковинъ. Интересъ этой находки увеличивался еще тѣмъ, что расположеніе этихъ кухонныхъ остатковъ въ довольно значительномъ разстояніи отъ моря, въ связи съ присутствіемъ въ нихъ морскихъ раковинъ, указывало на то, что они принадлежатъ времени, когда уади Тайбэ только что выходила изъ воды.

У подножій горъ Фурейа найдены были также кремни съ плоскостями, образованными при помощи человѣка, а у подножья Джебель Сербала мы нашли цѣлую груду кремней, не носившихъ даже слѣда обработки рукой человѣка, хотя количество ихъ въ одномъ мѣстѣ съ абсолютнымъ отсутствіемъ въ ближайшихъ окрестностяхъ заставляло думать, что эти кремни не случайно образовали кучу, лежащую при входѣ въ низкую пещеру, которая могла служить пристанищемъ человѣка. У родника сладкой воды въ дикомъ ущельѣ Нуэбъ-Хеви, ведущемъ въ монастырь, мы нашли и самое совершенное изъ орудій каменнаго вѣка, видѣнныхъ нами въ Синайской пустынѣ. Это былъ кусокъ кремня, тщательно оббитый и представлявшій пилу съ довольно правильными и ровными зубчиками. Другой лучшій образецъ ножа былъ вытасченъ нами изъ воды источника Назбъ; онъ представлялъ форму, весьма приспособленную къ данному употребленію, и имѣлъ нѣчто въ родѣ рукоятки съ зазубринами для прикрѣпленія его къ черенку. Кремни, отлично обточенные и принадлежащіе, по вышеуказанной классификаціи, къ третьей категоріи, были извлечены изъ

пещеры Судебъ, о которой мы еще поговоримъ впослѣдствіи, и изъ пещеры уади Ель-Тапсъ въ Акабинскихъ альпахъ. На подъемѣ съ южной стороны Хорива монахъ указалъ мнѣ пещерку, гдѣ на каменномъ ложѣ лежало до 200 кремней, почти не тронутыхъ рукою человека, и среди нихъ разбитыя кости, раковины и черепки грубой глиняной посуды, по видимому, кругло овальной формы. Пальмеръ также находилъ кухонные остатки около Синая, а Кистъ-Лордъ—въ уади Магара.

На самой вершинѣ Джебель Мусы сопровождавшій насъ Арабъ поднималъ нѣсколько кремней съ плоскостями, придающими имъ видъ наконечниковъ замѣчательной остроты. Цѣлыя кучи такихъ кремней, „какъ бы умышленно сложенныхъ“, встрѣчаются, по словамъ о. Іоанна, монаха Синайскаго монастыря, на разныхъ мѣстахъ Синайскихъ горъ—Хорива, пика св. Екатерины, Джебель Цебира.

Въ пещерахъ Ферана, рая Синайскаго полуострова, мы поднимали также порядочно камней, по всѣмъ даннымъ, служившихъ орудіями для первобытныхъ обитателей этой страны. Въ уади Леджа среди простыхъ голышей мы нашли огромный кусокъ порфира фунтовъ десять вѣсомъ—формы, дающей ему сходство съ молотами каменной эпохи. Въ руслѣ уади Гибранъ мы поднимали также кусокъ кварцита, напоминающій типъ каменнаго топора обитателей Египта и Палестины, хотя громоздкость его и вѣсъ (свыше 10 ф.) дѣлали это предположеніе не совсѣмъ удобнымъ.

А. Елисѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОДИНЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ XVI ВѢКА.

Предлагаемый вниманію историковъ памятникъ старинной русской литературы находится въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки, въ настоящее время входящей въ составъ библіотеки С.-Петербургской духовной академіи, и тамъ онъ помѣщенъ безъ указанія имени автора и даже безъ заглавія. По времени своего происхожденія памятникъ этотъ относится, по моему мнѣнію, къ XVI вѣку и скорѣе всего, къ первой его половинѣ.

Основаніемъ высказаннаго мнѣнія служитъ самый характеръ содержанія памятника. Въ немъ затрогиваются такого рода вопросы, которые возбуждены были и обсуждались въ первой половинѣ XVI вѣка, а нѣкоторые изъ нихъ исключительно только въ это время.

Первый вопросъ, котораго касается неизвѣстный авторъ въ своемъ произведеніи, это—вопросъ о правѣ церквей и монастырей владѣть вотчинами и крестьянами. Неизвѣстный авторъ является защитникомъ этого права и въ своемъ трактатѣ, какъ неоспоримое доказательство законности, приводитъ извѣстное по своей подложности правило пятого вселенскаго собора „на обидящія Божія церкви“. Извѣстно, что вопросъ о землевладѣльческихъ правахъ монастырей имѣлъ самое широкое развитіе въ первой половинѣ XVI вѣка. Онъ даже обсуждался на соборѣ 1503 года, на которомъ шла рѣчь о многихъ предметахъ церковнаго исправленія. Присутствовавшій на соборѣ 1503 года Нилъ Сорскій подалъ великому князю мысль объ отобраніи, въ цѣляхъ возвышенія нравственности въ современномъ монашествѣ, земельныхъ владѣній у монастырей. Находившійся также въ числѣ членовъ

собора Іосифъ Волоцкій выступилъ противникомъ Нила. Сторону Іосифа приняло большинство членовъ собора, и вопросъ о землевладѣльческихъ правахъ монастырей рѣшенъ былъ въ пользу послѣднихъ. Отцы собора 1503 года признали монастырскія земли неприкосновенными и въ такомъ смыслѣ дали отвѣтъ великому князю Іоанну III. Въ этомъ отвѣтѣ собора находились и извѣстныя уже ссылки на правило пятого все-ленскаго собора на обидящія Божія церкви ¹⁾. Нилъ Сорскій послѣ собора 1503 года, рѣшившаго дѣло не въ его духѣ, замолчалъ. Но вмѣсто его защитникомъ и проводникомъ его идей выступилъ извѣстный Вассіанъ Косой — князь Патрикѣевъ. Приблизительно около 1503 года, онъ распространилъ между грамотными людьми написанное имъ разсужденіе о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами ²⁾. Разсужденіе Вассіана произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ. Сторонники землевладѣльческихъ правъ монастырей поняли его какъ вызовъ на борьбу. Іосифъ Волоцкій въ отвѣтъ на разсужденіе Вассіана написалъ свое „Отвѣщаніе любозазорнымъ“, гдѣ онъ, защищая свои излюбленныя идеи, довольно прозрачно намекаетъ на личность своего гордаго противника ³⁾. Вслѣдъ за Іосифомъ выступили и другіе защитники вотчинныхъ правъ монастырей. Въ 1505 году явилось сочиненіе, написанное по повелѣнію какого-то епископа, въ которомъ защищалось право духовенства владѣть вотчинами ⁴⁾. Это сочиненіе еще болѣе усилило литературную полемику по вопросу о вотчинныхъ правахъ монастырей. Въ защиту этого права написаны были Іосифомъ Волоцкимъ посланія къ боярамъ: Борису Васильевичу Кутузову ⁵⁾ и Ивану Ивановичу Третьякову ⁶⁾. Кромѣ того, Іосифъ счелъ необходимымъ написать особый новый трактатъ о неприкосновенности церковныхъ имуществъ, извѣстный подъ краткимъ названіемъ „О грабите-

¹⁾ Отвѣтъ находится въ рукоп. Моск. дух. Акад. № 514/151, л. 426 — 433. Напечатанъ у Павлова: Историческій очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи, 41—47.

²⁾ Чит. въ Общ. ист. и древн. Росс. 1859 г., кн. III отд. III.

³⁾ Напечатано въ Великихъ Минеяхъ Четьихъ, изд. Археографич. комисіею, Сентябрь подъ 9-мъ числомъ.

⁴⁾ Это сочиненіе находится въ рукописяхъ: Москов. Син. биб. № 320/759 л. 195—255; Москов. Пуб. Музея № 1257 л. 191—263; графа Уварова № 221, въ листъ.

⁵⁾ Рукоп. Волоколам. мон., нах. въ мон. ризницѣ № 12/48; л. 220—253.

⁶⁾ Рукоп. Импер. пуб. библ. О. XVII, № 50, л. 77—91; рукоп. Моск. пуб. музея, № 1257, л. 86—121.

ляхъ церкви“¹⁾. Дружный отпоръ, данный противникамъ земельной монастырской собственности, сильно затронулъ Вассіана Косаго, который написалъ цѣлый рядъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ землевладѣльческихъ правъ монастырей и ихъ защитниковъ. Такъ, съ этой стороны, замѣчательно слово Вассіана противъ Іосифа: „Слово отвѣтно противу клянущихъ истину евангельскую“²⁾, гдѣ онъ иногда не безъ искусства дѣлаетъ сравненіе между заповѣдями Спасителя, излагающими христіанское ученіе о самоотреченіи и самопожертвованіи, и дѣйствительнымъ положеніемъ современнаго монашества, жившаго, благодаря владѣнію селами и помѣстьями, въ довольствѣ и среди всевозможныхъ удобствъ. Въ 1515 году Іосифъ Волоцкій, главный противникъ Вассіана Косаго, умеръ. Но Вассіанъ не успокоился. Около 1517—1518 года онъ написалъ новый трактатъ, уже чисто церковно-каноническаго характера, подъ названіемъ „Собраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего обѣщанія отъ святаго писанія о отверженіи міра“. Въ то же самое время съ полемическою цѣлью онъ составилъ особый сборникъ Кормчей книги и внесъ въ него значительныя измѣненія³⁾. Въ 1518 году явился въ Москву Максимъ Грекъ, который въ вопросѣ о вотчинныхъ правахъ монастырей сталъ поддерживать воззрѣнія Вассіана Косаго⁴⁾. Въ 1522 году престолъ русской митрополіи занялъ ученикъ преп. Іосифа Волоцкаго, Даніилъ. Онъ взглянулъ на полемику противъ вотчинныхъ правъ монастырей, которую вели Вассіанъ и Максимъ, какъ на проявленіе вреднаго и крайняго либерализма, и воспользовавшись разными благопріятными обстоятельствами, привлекъ ихъ въ 1525 и 1531 годахъ на судъ собора и въ концѣ концовъ разослалъ ихъ, какъ опасныхъ для церкви людей, по монастырямъ. Съ этого времени и литературная полемика по вопросу о правѣ монастырей на владѣніе вотчинами смолкаетъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVI вѣка и гражданское правительство подало поводъ къ прекращенію полемики путемъ простыхъ административныхъ распоряженій, запреща-

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 233/669, л. 532—556; рукоп. Моск. публ. музея № 1257, л. 264—297; рукоп. Соф. библ. № 1466, л. 368—389.

²⁾ *Православн. Собесѣдникъ* 1863 г. ч. III, 104—112.

³⁾ Рукоп. Импер. публ. библ. Ф. II. № 74, изъ собранія графа Толстаго, л. 376—381; рукоп. Моск. дух. акад. № 183/666, л. 207—218; рукоп. Софійской библ. № 1451, л. 98—102.

⁴⁾ Сочиненія Максима Грека, часть II, 5—52, 89—118, 157—185, часть III, 178—205.

шихъ монастырямъ пріобрѣтеніе новыхъ вотчинъ безъ особаго разрѣшенія великаго князя ¹⁾. Поэтому разсужденіе, защищающее права монастырей на владѣніе землями и крестьянами и находящееся въ издаваемомъ памятникѣ, ближе и естественнѣе всего слѣдуетъ относить къ первымъ тридцати годамъ XVI столѣтія.

Далѣе въ этомъ памятникѣ приводятся правила митрополита Кирилла II противъ симоніи или поставленія на церковныя должности за деньги или другое какое-либо вознагражденіе. Хотя всякая симонія строго запрещена соборными и апостольскими правилами, но въ Россіи издавна вошло въ обычай дѣлать нѣкоторые сборы съ поставляемыхъ на церковныя должности лицъ. Владимірскій соборъ 1274 года, вооружаясь противъ симоніи, тѣмъ не менѣе не уничтожилъ этихъ сборовъ окончательно, а только ограничилъ ихъ въ предупрежденіе злоупотребленій ²⁾. Въ началѣ XVI вѣка поднялись жалобы на симонію въ церкви. Въ 1503 году составилъ въ Москвѣ обширный соборъ, на которомъ были окончательно отмѣнены всякіе сборы съ духовныхъ лицъ при поставленіи въ церковныя должности ³⁾.

Равнымъ образомъ здѣсь подробно развивается мысль о высокомъ религіозномъ значеніи Москвы, какъ третьяго Рима, которая одна на всемъ земномъ мірѣ цвѣтетъ своимъ благочестіемъ и красуется чистотою своей вѣры. Точно такая же мысль высказывалась въ первой половинѣ XVI вѣка въ посланіяхъ старца Псковскаго Елизарова монастыря, Филофея, адресованныхъ имъ — одно къ великому князю Василию Іоанновичу (1505—1533 г.), другое — къ Псковскому намѣстнику Михаилу Мунехину ⁴⁾. Высказывать мысль о Московскомъ государствѣ, какъ сдѣлавшемся колыбелью истинной вѣры, чистаго православія, благовременнѣе было именно въ первой половинѣ XVI вѣка, когда съ одной стороны была еще свѣжа въ памяти русскихъ книжниковъ трагическая судьба Византіи, обратившейся въ рабу Турокъ, и когда съ другой — Россія осязательно для всѣхъ стала крѣпнуть и развиваться въ сильное, могущественное государство.

¹⁾ Павловъ. Историческій очеркъ секуляризаціи церковн. земель въ Россіи, 102—103. Рукоп. Импер. Публ. библ. изъ древне-хранилищъ Погодина № 1564. Грамота Іоанна о вотчинахъ монастырскихъ 1549 г.

²⁾ Опредѣленія Владимірскаго собора 1274 года. *Прав. Собесѣдникъ* 1863 г., часть I, 221—243.

³⁾ П. С. Р. Лвт., т. VI, 49; т. VIII, 243; Акты Археограф. экспед., томъ I, № 382.

⁴⁾ *Православ. Собесѣдникъ* 1861, част. II, 78 и 1863 г. ч. I, 337.

Неизвѣстный авторъ обнародываемаго памятника вооружается еще противъ порока своего времени—содомства. Извѣстно, что этотъ порокъ никогда не былъ такъ развитъ въ Россіи, какъ въ XVI вѣкѣ. Не смотря на общую скудость древне-русской письменности, можно указать довольно значительное количество литературныхъ памятниковъ, бичующихъ этотъ ужасный порокъ. Бѣольшая часть этихъ памятниковъ по времени относится къ первой половинѣ XVI вѣка. Противъ содомства писали: старецъ Филофей ¹⁾, Максимъ Грекъ ²⁾, митрополиты: Даниилъ ³⁾ и Макарій ⁴⁾, неизвѣстный авторъ посланія къ Іоанну Грозному ⁵⁾, и наконецъ, отцы Стоглаваго собора ⁶⁾. Неизвѣстный авторъ посланія къ Іоанну IV говоритъ о своихъ современникахъ, что они „доброе хулятъ женитву, а злое хвалятъ прелюбодѣянiе—содомскій грѣхъ; тьмою зовутъ жену, а свѣтомъ зовутъ дѣтину ⁷⁾“.

Кромѣ того, здѣсь находятся жалобы на слабость представителей церкви и потворство со стороны ихъ свѣтской власти. Этого рода жалобы сильнѣе всего раздавались въ первой половинѣ XVI вѣка. Максимъ Грекъ горько жаловался на современныхъ русскихъ пастырей, что между ними нѣтъ Самуила великаго, который ополчался противъ преступнаго Саула; нѣтъ ревнителей, подобныхъ Іліи и Елисею, обличавшихъ беззаконія царей Самарійскихъ, нѣтъ чуднаго Амвросіа, архіерея Божія, не убоявшагося царской высоты Феодосія Великаго, нѣтъ Іоанна Златоустаго, изобличавшаго сребролюбивую царицу Евдокію ⁸⁾. Ученикъ Максима Грека, князь А. Курбскій также высказывалъ жалобы на слабость высшихъ іерарховъ Русской церкви и писалъ о томъ, что „они не глаголютъ предъ цари, но паче потаковники

¹⁾ Рукоп. Импер. публ. библ., изъ древнехран. Погодина № 1294 л. 47. Здѣсь посланіе такъ и озаглавляется посланіемъ «о содомскомъ блудѣ».

²⁾ Слово Максима Грека на потопляемыхъ и погибаемыхъ гнуснымъ содомскимъ блудомъ. Сочиненія Максима Грека, част. II, XIX, 251—260.

³⁾ Посланіе о томъ «яко вредно есть бесѣдовати съ мужи женовидными». Рукоп. Соф. библ. № 1281 л. 292.

⁴⁾ Посланіе м. Макарія отъ 1552 года. Акты Ист. т. I, № 159, Никоновск. лѣтоп. VII, 111—113.

⁵⁾ Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс. 1874 годъ, кн. 1, отд. 1 статья: Сильвестръ и его писанія.

⁶⁾ Стоглавъ, изд. Казанск. дух. акад. 140—141.

⁷⁾ Чтен. въ общ. ист. и древн. Росс. 1874, к. 1, отд. 1, 81.

⁸⁾ Сочиненія Максима Грека, II, 336—337, част. III, 155.

бываютъ“, и почти буквально при этомъ повторялъ жалобу Максима Грека на отсутствіе въ русскихъ іерархахъ того времени самостоятельности и рѣшимости быть защитниками народа отъ произвола государей ¹⁾. Жалобы на слабость представителей церкви раздавались долгое время и послѣ, но онѣ особенною силою отличались въ первой половинѣ XVI вѣка — эпохѣ переходной, не опредѣлившейся, когда вѣковой авторитетъ „митрополитовъ въ всея Руси“, предъ которымъ благоговѣли и преклонялись Русскіе князья времени удѣловъ, сталъ расшатываться и подавляться абсолютизмомъ Московскихъ государей.

Неизвѣстный авторъ касается въ своемъ произведеніи и небрежнаго исполненія крестнаго знаменія. Жалобы на этотъ предметъ раздавались особенно въ первой половинѣ XVI вѣка. Тогда появлялись спеціальныя разсужденія „о крестномъ знаменіи“, въ которыхъ раскрывалась священная его важность ²⁾. Старецъ Филоеѣй обращался съ особымъ посланіемъ къ великому князю „о исправленіи крестнаго знаменія“ ³⁾. О томъ же самомъ предметѣ писали: митрополитъ Даниль ⁴⁾, Вассіанъ Косой князь Патрикѣевъ ⁵⁾, неизвѣстный авторъ посланія къ Іоанну Грозному ⁶⁾, отцы Стоглаваго Собора ⁷⁾, преп. Максимъ Грекъ ⁸⁾, и наконецъ, неизвѣстный авторъ поученія о глаголющихъ и смѣющихся въ церкви ⁹⁾.

Послѣдняя мысль издаваемого памятника сосредоточивается на изложеніи ученія о неизвѣстности и въ то же время неожиданности втораго пришествія сына Божія на землю и послѣдняго суда Божія. Эта мысль тѣсно связана съ распространеннымъ тогда ожиданіемъ

¹⁾ Три неизданныя доселѣ посланія князя А. Курбскаго. *Прав. Соб.* 1863 г. ч. II, 564—566; *Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс.* 1876 г. кн. 1, 157—160. Печалованіе духовенства за опальныхъ.

²⁾ *Тихонравовъ—Лѣтописи русск. литературы и древн.*, т. V, отд. III, 90—103.

³⁾ *Православн. Собесѣдникъ* 1863 годъ, I, 337—348.

⁴⁾ *Рукоп. Моск. дух. акад.* № 197, слово 4-е л. 92—121.

⁵⁾ *Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс.* 1859 годъ, кн. 3, отд. 3. Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, 13.

⁶⁾ *Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс.* 1874 г. кн. 1, отд. 1, 86—87.

⁷⁾ Стоглавъ изд. *Кожанчикова*, гл. 32, 107.

⁸⁾ *Макарій. Исторія русской церкви*, т. VIII, 120—125.

⁹⁾ Мое изслѣдованіе: Митрополитъ Даниль и его сочиненія. Приложение № XXIX.

кончины міра по истеченіи семитысячелѣтняго его существованія. Роковой 1492 годъ, когда, по вычисленіямъ книжниковъ, долженъ былъ послѣдовать конецъ міра, прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ и не принесъ съ собою того, чего съ такими тревогами ожидалъ отъ него Русскій народъ. По естественному порядку вещей всякій русскій человѣкъ долженъ былъ отказаться отъ предразсудка, но это было внѣ всякой психологической возможности тогда, когда на идеѣ о близкой кончинѣ міра онъ воспитывался цѣлые вѣка. Нѣкоторые писатели XVI вѣка идеѣ о скоромъ наступленіи кончины міра придали широкій смыслъ: они признали болѣе соответствующимъ истинѣ перенести на осьмую тысячу вообще то, чего ожидали въ концѣ седьмой. Увѣренность въ близкой кончинѣ міра высказывали: Максимъ Грекъ ¹⁾, Вассіанъ Косой ²⁾, Зиновій Отенскій ³⁾ инокъ, Артемій ⁴⁾, князь Курбскій ⁵⁾ и др.

Другіе писатели XVI вѣка, какъ напримѣръ, старецъ Филофей, игуменъ Псковскаго Елизарова монастыря ⁶⁾, проводилъ мысль о неизвѣстности вообще наступленія кончины міра. Ожиданіе кончины міра въ связи съ развитіемъ ереси жидовствующихъ и сильными нападками послѣднихъ на ошибочное мнѣніе православныхъ о времени наступленія конца міра, вызвало сильное броженіе умовъ въ современномъ русскомъ обществѣ. Явились разсужденія о цѣляхъ и дѣйствіяхъ Промысла Божія на землѣ, какъ будто въ данномъ случаѣ отступающаго отъ своихъ, предначертанныхъ имъ, законовъ. На сколько современное русское общество живо интересовалось этимъ вопросомъ, это можно отчасти видѣть изъ сочиненій митрополита Даніила (1522 — 1539 г.). „Что глаголеши досажая Христу Богу“, спрашиваетъ митрополитъ Даніилъ, имѣя въ виду излишніе споры своихъ современниковъ о дѣйствіяхъ Промысла Божія,—„еже бо испы-

¹⁾ Сочиненія Максима Грека част. I, 132—133; ч. II, 335.

²⁾ *Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс.* 1859 кн. 3, отд. 3. Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами. Выпись изъ государственной грамоты о сочетаніи втораго брака в. кн. Василия Іоанновича. *Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс.* 1847, № 8.

³⁾ Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи. Изд. Казанск. Акад. 48—49.

⁴⁾ Русск. Истор. библіотека изд. Археограф. Комиссіей, т. IV, посланія инока Артемія, 1221.

⁵⁾ Сказанія князя Курбскаго, ч. I, 115.

⁶⁾ *Православн. Собесѣдникъ* 1861, ч. 11, Май.

товати, и оглаголовати Божественный Его Промыслъ, безчестити Его (Бога) есть, якоже неиспытovati неизреченныя судьбы Его—славити Его есть; тыже много велерѣчьствуеши и опытуеши не свое, яже тебѣ не дана суть, и кто ты еси супротивъ отвѣщаваяй Богови (римл. IX, 20) и оглаголуя Судьба Его?“¹⁾

Такимъ образомъ каждая отдѣльная мысль издаваемаго памятника находитъ себѣ соотвѣтствующее мѣсто въ литературномъ движеніи первой половины XVI вѣка. Это обстоятельство даетъ нѣкоторое основаніе къ тому, чтобы появленіе его относить къ этому именно времени, а не къ какому-либо другому.

Благаго²⁾ убо и Преблагаго Бога нашего и Царя овѣи суть тому друзи, инѣи же вѣрніи раби, друзіи неключиміи, инѣи же всячески утуждени, другы убо мню, освященная главо, безтелесная ангельская существа, вѣрныя же рабы, иже волю Божию безпрестани творящая, неключимыя же иже вѣроу крещени мнящеся, дѣлыже отнещутся, утужденіи же иже не токмо сами не хотяще праведно жити, но иже по Бозѣ живущихъ крѣпце ратующе. О тѣхъ бо Павелъ, к Тимоѣю пиша, рече: чадо Тимоѣю, се вѣждь яко въ послѣдняя дни настануть времена бѣдна, будутъ человецы жестосерди, любители злату, сребролюбцы, а не боголюбцы, имуще образъ благочестія, крестившеся общавшеся Богу, а діаволу волю творять всегда учащеся, а николиже могутъ въ разумъ истинный пріити. Ты же чадо сихъ отвращайся, не твори тако, якоже они беззаконніи, погибель бо ихъ вѣдома будетъ всѣмъ, якоже прежде и инѣхъ, небоящихся Бога. О таковыхъ убо пророкъ Іеремея рыдая глаголаше: кто дастъ главѣ моей воду, и очима источникъ слезъ, яко да плачю къ достоянію Израиля (Іерем. IX). Также и Давидъ пророкъ глаголетъ: творяй неправду ненавидитъ своея душа.

Забывше реченнаго правила 6-го собора святыхъ отецъ рѣсе се полагаемъ писаніемъ преданія на обидящая святая Божія церкви, и на священныя власти ихъ, данное Богу въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ на память послѣдняго рода. Аще кто обидѣти начнетъ беззаконною

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 197 л. 353—354. Изслѣдованіе мое: Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, 361—362.

²⁾ Памятникъ находится въ рукописи Соф. библ. XVI в. № 1444, л. 430—439.

отъимая села и виноградъ, или судъ въсхищая, или привлекаши епископа и попа или діакона и всякаго священническаго чина, или монастыремъ данное грабленіемъ насилія дѣя, аще кто изъображается се творя бесчиніе веліе мятый святыми церквами, емля отъ нихъ скверныя прибутки, четверицею паки да отдасть церкви. Аще саномъ гордящися и святыхъ отецъ правиломъ истиннымъ непокоряющися, забывше вышній страхъ облекшися въ безстыдіе повелѣваетъ наша власть тѣхъ огнемъ съжещи, дома же ихъ святымъ церквамъ вдати, ихже обидѣша, аще же и самый венецъ носящій тако творити начнутъ надѣяся на богатство и на благородіе непокорятися начнутъ неотдающе ихъ же обидѣша прежде реченною виною повинни да будутъ, по святахъ же правилѣхъ да будутъ прокляти ¹⁾.

Паки же правила Кирила митрополита всея Русіи съ честными епископы съшедшимися на поставленіе Семіона, епископа Володимѣрскаго. Азъ Кирилъ митрополитъ всея Русіи съ святымъ соборомъ и съ преподобными епископы изложихомъ правила о церковныхъ вещехъ по преданію святыхъ апостолъ и по извѣщенію святыхъ отецъ 3 ми соборовъ. Прииде бо въ слухи наша яко нѣцїи отъ братія нашея дерзнуша предати священный санъ, причитати къ церквамъ игумены и попы и діаконы и взимати у нихъ нѣкія скверныя уроки забывше правила реченнаго святыхъ апостолъ: поставленный на мзѣ да извержется и поставивый его, и аще кто отъ мірскихъ властель продаетъ церковную власть аще и ключаря и въ своемъ степени бѣду прииметь, ходатайствующій же о таковомъ поставленіи аще суть іереи или діаконы да извергнутся, аще ли мірскіи чловѣцы, или мниси, да будутъ прокляти. Никто же бо благодати Божіа не продаетъ, туне бо, рече, прїясте, тунеже и дадите (Мѡ. X, 8). Видиши како негодова Петръ на Симона волхва: рече бо сребро твое да будетъ с тобою въ пагубу яко хочещи благодать Божію сребромъ стяжати. (Дѣян. VIII, 20), яко невозможно Богу работати и мамонѣ, (Лук. XVI, 13), яко таковыя емлюще мерзости насилующе святымъ церквамъ или монастыремъ или игуменамъ въ игуменство емля отъ него что, таковыи злїиши суть макидонїанскїя ереси. Макидони убо и прочїи духоборцы Духа Святаго хуляще, раба Богу глаголаху, сїи же раба себѣ сътворяюще, купующе и продающе съ Іудою и съ жиды сравниваются и съ ними часть имѣють наслѣдіе вѣчныхъ мукъ, по свя-

¹⁾ О цитуемомъ здѣсь правилѣ на обидѣшіа Божїа церкви см. *Прав. Собесѣдникъ* 1861, ч. III, 451—460.

тыхъ же правилѣхъ да будутъ прокляты. Да уже прочее, братіе, услышимъ вси да не презираемъ божественныхъ правилъ, да не како отпаднемъ и горе наслѣдуемъ яко видимъ и слышимъ и въ прочихъ странахъ преступившихъ Божія заповѣди. Не разсѣяли ны Богъ по лицу всея земля, не взяти ли быша грады наша, не падоша ли сильныя князи наша острѣмъ меча, не заустѣша ли святыя Божія церкви, якоже въ царствующемъ градѣ содѣяся, не томими ли есмы отъ безбожныхъ поганъ, не поведени ли быша въ плѣнъ чада наша? Сія вся бывають намъ грѣхъ ради нашихъ, за не несъхранимъ заповѣдей правилъ святыхъ отецъ, яко не серебромъ ни златомъ искуплены быхомъ отъ суетнаго сего житія, но драгою кровію непорочнаго Агнца Божія Пречиста Христа ¹⁾).

О пресвѣтлая и небесе крѣплейша Христова церкви, о христіанское прибіжище, и очистилище нашимъ съгрѣшеніемъ, поражающи насъ святымъ крещеніемъ и питѣши насъ не брашномъ гибнущимъ, но пребывающимъ въ животѣ вѣчнѣмъ! Како отъ рукъ человѣческихъ предаешися яко рабу бѣжащу продающе и купующе, како нынѣ въспоеси пророческія пѣсни радуйся зѣло дщи Сіонова, красуйся и веселися отъ всего сердца твоего, отъятъ убо Господь поношеніе твое (Лук. 1, 25), и избавилъ тя отъ рукъ врагъ твоихъ и воцарится Господь посреди тебе и не узриши зла к тому миръ на тебе до вѣка времена? Како нынѣ твоя чада тебѣ пресвѣтлой своей матере сѣчивомъ и оскордомъ священныя двери разсѣкоша и отъ всѣхъ обидима зришися? Глаголетъ убо возлюбленный богословесный Іоанъ, иже на тайнѣй вечери, возлегъ на перси Господня, и оттуду почерпъ неизреченныя тайны, въ своемъ откровеніи пиша рече: видѣхъ се знаменіе веліе явися на небеси: жена облечена въ солнце, и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ 12, въ чревѣ имущи, вопіетъ болящи, стражущи родити. Се змій великъ черменъ имѣя главъ 3 и рогъ 1, на главахъ 3 (семь) вѣнецъ. И хоботъ его влекій третью часть звѣздъ небесныхъ. Змій стояше предъ женою, хотящею родити, и егда родить, да чадо ея снѣсть. И даны быша женѣ обѣ крылѣ великаго орла да бѣжитъ въ пустыню вмѣсто свое, змій же пусти изъ устъ своихъ воду яко рѣку да ся в рѣцѣ потопить (Апок. XII, 1—4; 14—15). Толкованіе. Жену глаголетъ святую церковь; оболчена въ праведное солнце—въ Христа, луну же подъ ногами

¹⁾ Правила митроп. Кирилла II напечатаны въ *Русскихъ Достопамятностяхъ*, ч. I.

имущу—ветхій законъ, на главѣ ея вѣнецъ—обоюнадесять апостолу ученіе, болящи ражаючи претворяючи святымъ крещеніемъ плотская чада въ духовная. Змія же діавола глаголетъ, чермность убійство его и кровопійство, 3 главъ злыя его противныя силы, 1 же рогъ потребленіе царствомъ назнаменуетъ яже ромейское и константинопольское, египетское и прочая. Чадо жены змій хотяше пожрети поражаемыя челоуѣки отъ святыя церкви святымъ крещеніемъ влагаетъ діаволь въ оскверненія по святомъ крещеніи всякій въ свою погибель. Бѣжаніе жены въ пустыню отъ стараго Рима опрѣсночнаго ради служенія, понеже весь великій Римъ падеся и болитъ невѣріемъ Аполинаріевы ереси неисцѣльно. Въ новыи же Римъ бѣжа еже есть Константинъ градъ, но ни тамо покоя обрѣтѣ съединенія ихъ ради с латынею на осьмомъ соборѣ. И оттолѣ Константинопольская церкви раздрушися и положилися въ погнѣніе яко овощное хранилище. И паки въ третій Римъ бѣжа иже есть въ новую великую Русію. Се есть пустыня, понеже святыя вѣры пусти бѣша, и иже божественіи апостоли въ нихъ не проповѣдаша, но послѣди всѣхъ просвѣтися на нихъ благодать Божія спасительная ею же познати истиннаго Бога. И едина нынѣ святая соборная апостольская церковь восточная паче солнца во всей поднебеснѣй свѣтится и единъ православный великій русскій царь во всей поднебесной якоже Ной въ ковчезѣ спасенный отъ потопа правя и окормяя Христову церковь и утвержая православную вѣру. А еже змій изпусти изъ устъ своихъ воду яко рѣку хотя жену въ водѣ потопити видиши ли яко вся царства потопишася невѣріемъ.

Новыя же Русія царство аще и стоитъ вѣрою въ православіи, но добрыхъ дѣлъ оскудѣніемъ и неправда умножися: святыя церкви обидими, божественнаго и животворящаго креста знаменіе съ оскудѣніемъ на себе полагающе яко вмалѣ срамляющеся имъ иже гордящеся прелцами. О нихъ же Павелъ пиша рече: братіе подобни ми бывайте, смотрите како бесчину ходящая, онихъ же многаши глаголахъ вамъ, нынѣ же плача глаголю, враги креста Христова: имъ же кончина погибель и имъ же Богъ чрево и слава въ студѣ, понеже земленая мудрствующе (Филип. III, 17—19). Пастыріе умолкоша страха ради еже не отпаднути своея тщетныя славы, или отъ своихъ дѣлъ обличаеми нерадяще о стадѣ Христовѣхъ словесныхъ овецъ, простіи отъ ученія оскудѣша, вси уклонишася вкупѣ. Но о пресвѣтлѣйшая и богоизбранная Христова невѣсто, святая Божія церкви, иже кровію Христовою окроплена, пророки дозрима, патріархи во-

ображаемая, апостолы основана, и мученики совершена, святители украшена, пріими нынѣ Рахилинъ плачъ, возопи къ Богу о чадѣхъ своихъ не въ Рамѣ Палестинстей, но въ рустей земли, не о тѣхъ токмо иже отъ тебе святымъ крещеніемъ порождени, но о тѣхъ паче, иже во чревѣ матерей своихъ небыша, не отъ Ирода но своихъ отецъ убіенныхъ и діаволомъ пожренныхъ. Чтѣй же да разумѣть. Прочее же помолчу, яко да не будетъ дивное се жилище безаконія наполнено. Глаголетъ бо Іуда апостолъ и братъ Господень по плоти въ соборномъ своемъ посланіи: воспомянути же вамъ хочу, возлюбленіи, вѣдающимъ вамъ едино сіе, яко Господь люди отъ земли Египетскія спасе, а невѣровавшая погуби, ангелы же несоблюдшая своего начальства, но оставиша свое жилище на судъ великаго дне юзами нерѣшимыми подъ мракомъ свята яко Содомъ и Гомора и окрестныя сихъ грады въ наказаніе огню вѣчному судъ подъемше (Іуд. 1, 5—7).

Петръ, иже апостоломъ верхъ, въ своемъ посланіи пиша рече: возлюбленіи се второе посланіе пишу вамъ возбужая васъ воспоминаніемъ чистаго житія помянути прежде реченныя глаголы отъ святыхъ пророкъ, и апостолъ заповѣди Господа Спаса. Сіе же вѣдающе, яко въ послѣдняя дни пріидутъ ругатели, по своимъ похотѣхъ ходяще и глаголюще: гдѣ есть обѣтъ прішествія его? Отнелъ бо отцы упоша все тако пребываетъ отъ начала созданію. Утаитъ бо ся отъ нихъ сіе хотящимъ въ погибель нечестивымъ человѣкомъ. Едино же се да не утаится вамъ возлюбленіи яко единъ день отъ Господа яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко единъ день. Не опоздитъ Господь обѣтованія якоже нѣціи мѣдленіе мнятъ, но долготерпитъ на насъ нехотя нѣкія погубити но вся въ покаяніе вмѣстити. Пріидетъ бо день Господень яко тать въ нощи, вонъ же небеса искорене мимоидутъ, стихія же съжгаемы разорятся, и земля, яже на ней дѣла згорятъ. Симъ убо всѣмъ разоряемомъ кацѣмъ убо вамъ подобаетъ явитися въ святыхъ пребываніяхъ и благочестіихъ, чающихъ и тщащихся прішествія Божіяго дне. Новаже небесе и земля нова по обѣтованію его чаемъ, въ нихъ же правда живетъ. Тѣмъ же возлюбленіи сихъ чающе потщитесь нескверни и непорочни тому обрѣстися въ мірѣ. И Господа нашего Ісуса Христа долготерпѣнія спасенія чающе блюдетесь отъ ученій неразумныхъ, развращающихъ писанія къ своей гибели имъ да не нечистыми лестями сведени бывше отпадете своего утвержденія. Вы же убо возлюбленіи прежде вѣдающе хранитесь и растете благодатию и разумомъ Господа нашего Спаса Ісуса Христа, Тому слава и нынѣ и присно. (2 Петр. глава III).

Издаваемый памятникъ не сопровождается, какъ сказано выше, указаніемъ имени своего автора. Думается, не будетъ лишнимъ, если я внесу нѣкоторыя предположенія относительно имени его автора. Судя по предметамъ, о которыхъ трактуется въ памятникѣ, авторомъ его скорѣе всего слѣдуетъ признать, по моему мнѣнію, Филоою, старца Псковскаго Елизарова монастыря, уже извѣстнаго исторической наукѣ нѣсколькими своими посланіями. Въ посланіи старца Филоою, адресованномъ имъ къ великому князю Василию Іоанновичу, находятся разсужденія, одинаковыя по мыслямъ съ тѣми, которыя нашли себѣ мѣсто и въ издаваемомъ памятникѣ. Старецъ Филоою выступаетъ въ своемъ посланіи къ великому князю защитникомъ неприкосновенности церковныхъ недвижимыхъ имуществъ. То же самое дѣлаетъ и неизвѣстный авторъ издаваемаго произведенія. Только то, что въ посланіи Филоою высказано въ видѣ одного положенія съ прямою ссылкой на опредѣленія пятаго вселенскаго собора, то у неизвѣстнаго автора подкрѣждено, напротивъ, доказательствомъ, именно мнимымъ опредѣленіемъ пятаго вселенскаго собора, приведеннымъ *in textu*. То же самое нужно замѣтить и относительно мысли о высокомъ религіозномъ и политическомъ значеніи Москвы, какъ хранилища и единственной представительницы истинной и православной вѣры во всей поднебесной. Въ посланіяхъ Филоою къ великому князю Василию Іоанновичу и къ дьяку Михаилу Мунехину эта мысль высказана болѣе кратко, въ общихъ чертахъ; здѣсь та же самая мысль развивается уже съ нѣкоторою подробностью. Какъ въ посланіи Филоою къ Василию Іоанновичу, такъ и въ произведеніи неизвѣстнаго автора, имѣютъ мѣсто разсужденія о крестномъ знаменіи, о плотскомъ противоестественномъ порокѣ, которые по самому своему изложенію очень близки между собою. Правда, въ посланіи Филоою встрѣчаются мысли совершенно новыя, каковы, напримѣръ, его совѣтъ великому князю о томъ, чтобы церкви Божіи не вдовствовали, то-есть, чтобы епархій не оставались по нѣскольку лѣтъ сряду безъ епископовъ. Точно также и въ издаваемомъ произведеніи находятся мысли, не имѣющія себѣ ничего соотвѣтствующаго въ посланіи Филоою, напримѣръ, разсужденіе противъ симоніи. Но подобнаго рода частныя отличія одного памятника отъ другаго ничего не говорятъ противъ принадлежности ихъ одному и тому же автору. Въ заключеніе нужно сказать, что при подробномъ сравненіи посланій Филоою съ издаваемымъ памятникомъ нерѣдко встрѣчаются мысли, выраженные почти буквально одними и

тѣми же словами. Я не привожу дословныхъ сравненій потому, что всякій можетъ это сдѣлать самъ.

Позволительно предполагать, что старецъ Филоѳей, втянутый въ кругъ литературныхъ дѣятелей своего времени и заинтересовавшійся современнымъ умственнымъ движеніемъ, могъ и не ограничиться двумя-тремя посланіями и затѣмъ закончить свою литературную дѣятельность. Скорѣе было такъ, что онъ задался цѣлью написать болѣе обстоятельный трактатъ, въ которомъ были бы разсмотрѣны всѣ вопросы, волновавшіе умы его современниковъ. Одною изъ попытокъ Филоѳея въ этомъ направленіи и могъ быть издаваемый памятникъ, но не въ настоящемъ его видѣ, а въ болѣе обширномъ. Въ настоящемъ видѣ нашъ памятникъ есть, по моему мнѣнію, отрывокъ изъ болѣе обширнаго и цѣлаго трактата, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ ясныя черты незаконченности, что особенно замѣтно въ самомъ началѣ издаваемаго сочиненія, которое не сопровождается ни заглавіемъ, ни другими какими-либо подходящими къ тому замѣчаніями.

В. Жмакинъ.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

Надписи Персидскихъ царей изъ рода Ахеменидовъ. Транскрипція и переводъ ассирійскаго текста трехъязычныхъ надписей; составилъ *И. Радлинскій*. Выпускъ I-й. Надписи царя Дарія. Варшава. 1881.

Въ послѣднее время изученіе клинообразныхъ надписей стало все болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе нашего литературнаго міра; въ лучшихъ нашихъ журналахъ стали чаще появляться сообщенія о работахъ западно-европейскихъ ученыхъ по этой спеціальности. Къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ, такого рода журнальныя статьи, составляя переводъ или извлеченіе изъ иностранныхъ изданій, лишены самостоятельности, иногда же и надлежащей критики. Уважая всякое стремленіе къ самостоятельному труду, всякую попытку работать по первымъ источникамъ, привѣтствуемъ съ особеннымъ удовольствіемъ появленіе на русскомъ языкѣ изданія, заключающаго въ себѣ весьма важные и любопытные документы по исторіи Востока. Книга, которой заглавіе приведено выше, издана г. Радлинскимъ весьма опрятно, прекраснымъ, достаточно крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ большаго формата—достоинства не малыя для книги, предназначенной быть настольною и справочною. Въ предисловіи сказано: „Настоящая работа, уже три года тому назадъ готовая къ печати, не могла найти издателя; авторъ долженъ былъ отказывать себѣ во многомъ, чтобы накопить средства, потребныя для печатанія хотя бы перваго выпуска своего труда“. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія появившееся изданіе, не смотря на нѣкоторые его недостатки, которые постараемся объяснить.

Совершенно невозможно, какъ намъ кажется, говорить или писать обстоятельно, толково и подробно о надписяхъ Ахеменидовъ, не указавъ лучшихъ изданій, въ которыхъ напечатанъ подлинный ихъ текстъ, и въ такомъ случаѣ, не упомянувъ объ *Inscriptiones Palaeopersicae* К. А. Коссовича, трудъ капитальномъ по этой части, хорошо извѣстномъ ученымъ западной Европы; но по странной случайности, мы не нашли въ изданіи г. Радлинскаго о немъ ни слова.

Другое собраніе тѣхъ же надписей, въ переводахъ на англійскій языкъ, составленное Оппертомъ, въ недавнее время было помѣщено въ издаваемыя подъ покровительствомъ общества библейской археологии *Records of the Past* (ч. IX, 1877 г.), подъ заглавіемъ: *Corpus Inscriptionum Persicarum*. Въ краткомъ предисловіи, указавъ на подготовительныя работы Гротефенда, Раска, Беера, Оппертъ въ слѣдующемъ порядкѣ перечисляетъ ученыхъ, наиболѣе заслуженныхъ передъ наукою по этой отрасли изученія Востока: Burnouf, Lassen, sir H. Rawlinson, Benfey, Spiegel и Kossowicz. Такимъ образомъ, извѣстный французскій оріенталистъ воздаетъ должное уваженіе трудамъ нашего русскаго ученаго, которыми г. Радлинскій какъ будто бы пренебрегаетъ.

Книга г. Коссовича, о которой мы упомянули, издана въ 1872 г. С.-Петербургскимъ университетомъ, по случаю 200-лѣтняго юбилея преобразованія Россіи и посвящена памяти Петра Великаго. Она составляетъ самый полный сводъ всѣхъ извѣстныхъ древне-персидскихъ клинообразныхъ надписей и заключаетъ подлинный ихъ текстъ, впервые напечатанный весь клинообразнымъ шрифтомъ, шрифтомъ, нарочно изготовленнымъ для этого изданія. Къ тексту надписей приложена латинская ихъ транскрипція и латинскій переводъ съ подробными комментаріями, а въ концѣ книги—превосходное по своей сжатости и точности руководство къ изученію и разбору древне-персидскаго клинообразнаго письма, и глоссарій, составляющій, въ сущности, самый полный лексиконъ всѣхъ извѣстныхъ намъ древне-персидскихъ словъ и выраженій. При такомъ пособіи всякій образованный человѣкъ, вовсе не будучи специалистомъ по филологіи, безъ затрудненія можетъ читать древне-персидскія надписи въ подлинникъ и ихъ понимать. Не можетъ быть, чтобы книги г. Коссовича не имѣлось въ Варшавѣ, напримѣръ, въ библіотекѣ университета: она необходима для всякаго изучающаго языковѣдніе и

древнюю исторію; изучающій клинообразныя надписи не имѣетъ права игнорировать подобное изданіе ни въ какомъ случаѣ.

Надписи Ахеменидовъ, какъ извѣстно, вырѣзаны на скалахъ и дворцахъ на трехъ языкахъ. Уже начиная съ XVI вѣка, ученые Европы обратили на нихъ вниманіе, но только въ началѣ текущаго столѣтія сдѣланы были, преимущественно Гротендумъ, первыя удачныя попытки къ ихъ разбору. Позднѣе, разборъ и чтеніе персидскаго текста трудами Лассена, Бюрнуфа и Раулинсона значительно подвинулись впередъ; въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ персидскій отдѣлъ надписей свободно читали.

Около того же времени приступили къ изученію другихъ двухъ отдѣловъ. Опредѣливъ сначала, при помощи прочитанныхъ собственныхъ именъ персидскаго текста, соотвѣтствующіе знаки въ другихъ двухъ отдѣлахъ надписей, начали постепенно разбирать и предложенія, заключающіяся между именами. Тогда обнаружилось, что второй отдѣлъ надписей (вторая строка или вторая таблица) составленъ на нарѣчій, принадлежащемъ къ семьѣ урало-финскихъ или тюркскихъ языковъ. Въ настоящее время это нарѣчіе изучено, хотя и неизвѣстно, какому народу оно принадлежало; не далѣе, какъ въ 1879 г., издано Оппертомъ новое и подробное о немъ изслѣдованіе ¹⁾. Ассириологи его называютъ различными именами: нарѣчіемъ второй системы знаковъ, нарѣчіемъ письменъ не-арійскихъ (*écriture anarienne*), языкомъ скиѳскимъ, древне-мидійскимъ или протомидійскимъ, послѣдними названіями потому, что предполагаютъ его принадлежность или первымъ поселенцамъ Мидіи, или Скиѳамъ (Сакамъ), обширному племени, преобладаніе надъ которымъ себѣ приписывали Персы.

Третій отдѣлъ надписей Ахеменидовъ оказался составленнымъ на нарѣчій изъ семьи семитическихъ языковъ, весьма похожемъ, и по грамматической конструкціи, и по корнямъ словъ, на языкъ древне-еврейскій. Изслѣдователи догадывались, что на этомъ нарѣчій говорили завоеванные Персами Ассиріане, и вскорѣ раскопки въ окрестностяхъ Ниневіи, начатыя Боттою съ 1842 г., вполне подтвердили ихъ предположенія: множество найденныхъ Боттою надписей ассирійскихъ царей оказались вырѣзанными тѣми же знаками и на томъ же нарѣчій.

Такимъ образомъ, ассирійскій текстъ надписей Ахеменидовъ,

¹⁾ Le peuple et la langue des Mèdes.

дѣйствительно, какъ замѣчаетъ г. Радлинскій, сослужилъ ту службу наукѣ, что далъ ключъ ученымъ къ разбору и чтенію массы вновь открытыхъ въ Ниневіи историческихъ документовъ и не менѣе любопытныхъ литературныхъ произведеній, по различнымъ отраслямъ знанія, сохранившихся въ развалинахъ дворцовой библіотеки ассирійскихъ царей. Независимо отъ сего, ассирійскій и мидійскій тексты тѣхъ же древне-персидскихъ надписей имѣютъ нѣкоторое значеніе и для толкованія основнаго персидскаго текста тѣхъ же надписей: они объясняютъ значеніе иныхъ древне-персидскихъ словъ и выраженій, которыхъ смыслъ не могли опредѣлить съ точностью оріенталисты на основаніи сличеній съ родственными нарѣчіями ново-персидскимъ, зендскимъ и санскритомъ; они же способствуютъ къ восстановленію тѣхъ мѣстъ персидскаго текста, которыя случайно разрушены временемъ и непогодой; мѣстами, они не составляютъ подстрочнаго, точнаго перевода персидскаго текста, но дополняютъ его различными новыми подробностями. Иностранные ученые хорошо поняли такое значеніе ассирійскаго и мидійскаго переводовъ для объясненія основнаго текста надписей, и занялись изданіемъ этихъ дополнительныхъ текстовъ, ихъ транскрипцій латинскими или еврейскими буквами и ихъ переводовъ на западно-европейскіе языки. Радлинскій указываетъ на подобныя изданія и переводы Раулинсона, Опперта, Шрадера. Надъ разборомъ и переводомъ персидскаго текста, кромѣ г. Коссовича, преимущественно потрудились: Лассенъ, Бюрнуфъ, Раулинсонъ, Оппертъ, Бенфей и Шпигель ¹⁾; надъ разборомъ и переводомъ ассирійскаго—Раулинсонъ, де-Соси, Оппертъ и Шрадеръ; мидійскаго—Вестергардъ, де-Соси, Норрисъ, Голцманъ, Оппертъ и Мордтманъ. Приведенное нами выше изданіе Опперта, *Corpus Inscr. Persic.*, составляетъ собственно сводъ переводовъ на англійскій языкъ по всѣмъ тремъ текстамъ; подобное же изданіе, сводъ переводовъ по всѣмъ тремъ версіямъ на французскій языкъ, съ подробными къ нимъ комментаріями, было предпринято въ 1872 г. Менаномъ ²⁾.

При такомъ положеніи дѣла спрашивается: какое же значеніе имѣетъ предпринятое г. Радлинскимъ изданіе? Стоило ли издавать русскій переводъ надписей Ахеменидовъ, и притомъ, слѣдую ассирійскому тексту, который мѣстами, случайно, какъ напримѣръ, въ Би-

¹⁾ Die alt-persischen Keilinschriften. 1862.

²⁾ Les Achéménides et les inscriptions de la Perse.

зутунской надписи, болѣе другихъ двухъ версій пострадалъ отъ порчи, когда мы имѣемъ превосходное изданіе персидскаго текста (г. Коссовича) съ латинскимъ переводомъ, провѣреннымъ по ассирійскому и мидійскому, и переводы всѣхъ трехъ версій на главныхъ иностранныхъ языкахъ? Трудно предположить, чтобъ ученый, занимающійся древнею исторіей, или даже не ученый, но образованный человѣкъ, интересующійся чтеніемъ древне-персидскихъ надписей, не зналъ языка латинскаго, или по крайней мѣрѣ, одного изъ новыхъ иностранныхъ языковъ.

Для примѣра, чтобы показать, до какой степени испорчена мѣстами ассирійская версія Визутунской надписи, приведемъ слѣдующее изъ нея извлеченіе:

Таблица IV-я ¹⁾.

Слова, сохранившіяся въ ассирійской версії:

... 9 царей ихъ захватилъ: Гумата имя его, Магъ, онъ лгалъ и говорилъ. . .

... Сузіану возмutilъ; Нидинтаббилъ имя его, Вавилонянинъ, онъ лгалъ и говорилъ: я Набу-кудур-усур. . .

... возмutilъ; Парувартисъ имя его, Мидіецъ, онъ лгалъ и говорилъ: «я Хшатритъ». . .

Слова, сохранившіяся въ персидской версії:

§2. Говоритъ Дарій царь: то, что я совершилъ, по волѣ Ормузда, все было совершено. Когда возмutilись цари, я 19 сраженій выдержалъ. Властью Ормузда я ихъ разбилъ и 9 царей захватилъ: 1, Гумата по имени, который былъ Магъ, этотъ лгалъ, такъ утверждая «я Бардія (Смердисъ), сынъ Кира», онъ Персію возмutilъ; 2, Атрина по имени, изъ Сузіаны, этотъ лгалъ, такъ утверждая «я царь Сузіаны», онъ Сузіану мнѣ возмutilъ; 3, Надитабира по имени, Вавилонянина, этотъ лгалъ, такъ утверждая «я Набу кудрачаръ (Навуходоносоръ) сынъ Набонида», онъ Вавилонъ возмutilъ; 4, Мартія по имени, Перса, этотъ лгалъ, такъ утверждая «я Иманисъ царь Сузіаны», онъ Сузіану возмutilъ; 5, Фравартиса (Фраорта) по имени, Мидіца, этотъ лгалъ, такъ утверждая «я Хшатритъ изъ потомства

¹⁾ Переводъ нами сдѣланъ съ подлинника персидскаго (изд. г. Коссовича) и съ ассирійской транскрипціи Шрадера.

... Увакистара», онъ жителей Ис-
картаи возмutilь; Парада имя его,
изъ Маргіаны. . .

... онъ Персію возмutilь; Арахъ
имя его, Ураста (Армянинъ). . .

... захватило и убило войско мое
въ сраженіяхъ.

Увахшатара (Кіаксара)», онъ Мидію
возмutilь; 6, Чптратахма по имени,
изъ Сагартіи, этотъ лгалъ, такъ ут-
верждая «я царь Сагартіи изъ потом-
ства Увахшатара (Кіаксара)», онъ
Сагартію (Асагартам) возмutilь; 7,
Фраада по имени, изъ Маргіаны, этотъ
лгалъ, такъ утверждая «я царь Мар-
гіаны», онъ Маргіану возмutilь; 8,
Вахiazдата по имени, Перса, этотъ
лгалъ, такъ утверждая «я Бардіа сынъ
Кира», этотъ Персію возмutilь; 9,
Араха по имени, Армянина, этотъ
лгалъ, такъ утверждая «я Набу куд-
рачаръ сынъ Набонида», онъ возму-
тилъ Вавилонъ.

§ 3. Говоритъ Дарій царь: этихъ 9
царей я взялъ въ плѣнъ во время
тѣхъ сраженій.

Въ такомъ же отрывочномъ и полуразрушенномъ видѣ сохранился почти весь ассирійскій текстъ длинной Бизутунской или Бегистанской надписи ¹⁾. Пробѣлы пришлось г. Радлинскому пополнять по персидской версіи. Всего же, въ 1-мъ выпускѣ его изданія помѣщены, кромѣ этой, пять надписей: три короткія надписи Персеполитанскаго дворца, Элвендская, также незначительная по объему, и Накши-Рустамская. Послѣдняя, по всей вѣроятности, самая любопытная изъ надписей царя Дарія Гистаспа, начертанная на его гробницѣ, никогда еще не была списана во всей ея полнотѣ. При такихъ условіяхъ опять недоумѣваемъ и спрашиваемъ себя: стоило ли приниматься за изданіе надписей?

Указанія нами несообразности отъ того произошли, что г. Радлинскому захотѣлось совмѣстить двѣ цѣли, совершенно несовмѣстимыя: онъ пожелалъ издать русскій переводъ надписей Ахеменидовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составить руководство къ изученію ассирійскаго языка. Имѣя въ виду, что персидскія надписи помогли ученымъ при первыхъ попыткахъ разбирать ассирійскіе тексты, онъ полагалъ, что и впредь слѣдуетъ всегда тѣмъ же порядкомъ приступать къ изученію ассиріологии. Вполнѣ съ нимъ соглашаясь, что было бы весьма

¹⁾ Το Βαγίσταυον ὄρος въ Мидіи, Діод. Сицил. 2, 13.

пріятно имѣть хорошій русскій переводъ означенныхъ персидскихъ надписей, и даже съ одною транскрипціей текста, но правильною, въ виду перевода (*en regard*), если по типографскимъ затрудненіямъ невозможно издать подлинный текстъ клинообразнымъ шрифтомъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ предлагаемою методою изученія ассирійскаго языка.

Персидское клинообразное письмо заключаетъ въ себѣ не болѣе 34 или 35 знаковъ-группъ, постоянно повторяющихся. Трудно было сперва опредѣлить значеніе каждой изъ этихъ 35 буквъ клинообразнаго алфавита; но какъ скоро ученые достигли ихъ опредѣленія, ни чтеніе персидскаго текста не представляетъ болѣе затрудненій, ни языкъ, употребляемый въ тѣхъ же надписяхъ, по его сходству съ родственными нарѣчіями—зендскимъ и новоперсидскимъ, съ языкомъ санскритскимъ, отчасти даже съ армянскимъ. Въ иномъ положеніи находится разборъ ассирійской клинописи, въ которой насчитываютъ до 500 или 600 различныхъ сочетаній клинообразныхъ знаковъ-группъ. Новыя надписи продолжаютъ открываться; предполагаютъ, что значительное число памятниковъ ассирійской и халдейской письменности еще лежитъ, сокрытое подъ землею, на территоріи Ассиріи и Вавилона; съ появленіемъ новыхъ надписей, въ нихъ обнаруживаются новыя группы знаковъ, которыхъ значеніе не извѣстно. Изученіе этихъ знаковъ и составляетъ по настоящее время одну изъ главныхъ задачъ ассиріологів; въ языкѣ же надписей, ассирійскомъ, не встрѣчается большихъ затрудненій по его близкому сходству, какъ уже сказано, съ древне-еврейскимъ языкомъ, библейскимъ, съ языкомъ Пятикнижія и другими семитическими языками. Лексикографія и грамматика ассирійскаго языка не имѣютъ, поэтому, столь важнаго, первенствующаго значенія, какое, по видимому, имъ приписываетъ г. Радлинскій.

Надписи Ахеменидовъ, составляя ничтожную долю въ массѣ письменныхъ памятниковъ, открытыхъ на ассирійскомъ языкѣ, едва ли не могутъ служить руководствомъ къ его изученію. Эти надписи намъ представляютъ любопытное доказательство, что въ позднее даже время племена, для которыхъ онѣ были составлены въ ассирійской версіи, говорили тѣмъ же нарѣчіемъ, какое употреблялось въ глубокой древности, во времена царя Урук, одного изъ первыхъ извѣстныхъ намъ владѣтелей города Уръ въ Халдеѣ, жившаго, какъ полагаютъ, ранѣе Авраама, когда Ассирія еще не существовало, и страна, ими occupied, была частью ССХІ, отд. 2.

слѣдствіи занимаемая, еще называлась страной языковъ, гутіум или гоим. Надписи Ахеменидовъ свидѣтельствуютъ, что это нарѣчіе, которое мы будемъ продолжать называть ассирійскимъ, мало измѣнилось въ теченіе 15-ти или 17-ти вѣковъ; другаго значенія для изученія этого нарѣчія онѣ не имѣютъ.

Слѣдуетъ къ сказанному добавить, что первыя племена, которыя говорили на томъ же семитическомъ нарѣчіи (Сумиры?), заимствовали письменные знаки для своего употребленія у народа туранскаго происхожденія (Аккадовъ), и что знаки, ими заимствованные, не соотвѣтствуютъ строю семитическихъ языковъ; что транскрипція этихъ знаковъ на наши алфавиты русскій или латинскій не даетъ яснаго понятія, ни о значеніи корня слова, ни его флексіи. Удобнѣе транскрипція еврейскимъ алфавитомъ, но и она даетъ поводъ къ недоумѣніямъ—другаго только рода; а потому Менанъ, Сейсъ, Норрисъ и другіе ассиріологи признавали всякую транскрипцію недостаточною для изученія лексикографіи и грамматики ассирійскаго языка, и въ своихъ изданіяхъ по этому предмету употребляютъ клинообразный шрифтъ. Такимъ шрифтомъ издана грамматика Менана и грамматика Сейса, изданія Багстера, предназначенныя собственно для начинающихъ¹⁾; а грамматика Опперта, изданная въ 1868 г. (*Duppe Lisan Assur*), не смотря на всѣ ея внутреннія достоинства, для начинающихъ наименѣе полезна, именно потому, что въ ней употреблена одна транскрипція еврейскими буквами, безъ клинообразныхъ знаковъ. Ни Оппертъ, ни Сейсъ, ни Менанъ въ своихъ грамматикахъ не упоминаютъ, или рѣдко упоминаютъ, о надписяхъ Ахеменидовъ, и разумѣется, не придерживаются той странной методы, которую придумалъ г. Радлинскій. Послѣднему слѣдовало бы вышеизложенное относительно языка, способа его изученія и транскрипціи объяснить въ предисловіи къ своему изданію и указать, какъ на первое руководство, необходимое для желающихъ приступить къ изученію ассирійскаго языка, на изданную г. же Коссовичемъ еврейскую грамматику, составленную по Гезеніусу, и въ которой весьма правильно опредѣлено значеніе и мѣсто ассирійскаго нарѣчія въ семьѣ семитическихъ языковъ. Касаясь методы ознакомленія съ ассиріологіей, вовсе не бесполезно было бы

¹⁾ Полное ея заглавіе: *An Elementary Grammar, with full Syllabary and progressive Reading Book of the Assirian language in the cuneiform type. A. H. Sayce, London 2-е изданіе.*—Грамматика Менана издана въ 1868 г. подъ заглавіемъ: *Exposé des Eléments de la Grammaire Assyrienne.* Норрисъ издалъ извѣстный лексиконъ того же языка.

указать на это руководство, приспособленное для начинающих, продающееся во всѣхъ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ по цѣнѣ недорогой и всякому доступной. Такое указаніе значительно облегчило бы задачу г. Радлинскаго: ему осталось бы объяснить, въ приложеніи къ своему труду, только различіе въ грамматическихъ формахъ языковъ ассирійскаго и еврейскаго. Во всей западной Европѣ, и у насъ въ Россіи, древне-еврейскій языкъ служитъ основаніемъ къ изученію всѣхъ отраслей семитическихъ нарѣчій, и безъ его знанія, хотя бы поверхностнаго, едва ли возможны занятія ассиріологіей.

Обратимся снова къ изданію г. Радлинскаго.

Тексту надписей онъ предпосылаетъ краткій историческій очеркъ постепеннаго хода работъ, предпринятыхъ въ текущемъ столѣтіи, по разбору (дешифровкѣ) клинообразныхъ надписей; краткое описаніе мѣстъ, гдѣ онѣ найдены; общія разсужденія объ историческомъ ихъ значеніи¹⁾. Желательно было бы видѣть въ этомъ введеніи болѣе исторической точности, болѣе вниманія къ своей работѣ, во избѣжаніе грубыхъ ошибокъ, и менѣе напыщенности. Надписи Ахеменидовъ говорятъ сами за себя; нѣтъ надобности съ натяжкой преувеличивать или скрывать факты, чтобы придать имъ болѣе значенія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ невниманія и недостатка точности.

На стр. 8-й сказано, что раскопки ассирійскихъ дворцовъ начались съ 1843 г., а на стр. 4-й: въ началѣ пятидесятихъ годовъ, то-есть, 8 или 10 лѣтъ позднѣе. На стр. 3-й, авторъ весьма неудачно сравниваетъ ассирійскій языкъ съ санскритскимъ, забывая, что нарѣчіемъ Ассиріанъ говорили немногочисленные племена, обитавшія прибрежіе Тигра и Евфрата и перемѣшанные съ чуждыми племенами туранскаго происхожденія, подъ вліяніемъ которыхъ развился ихъ языкъ, отъ которыхъ заимствовали и письмена; а по сосѣдству съ ними находились переполненные Семитами обширныя пространства Арамеи и Сиріи, густо населенная Палестина (Филистим, Канаанъ), Финикія, не менѣе древняя, чѣмъ Ассирія и Вавилонъ, и многочисленныя племена Арабовъ, которыхъ языкъ, по богатству и разнообразію древнихъ формъ, скорѣе, нежели ассирійскій, можетъ занять то мѣсто въ отрасли семитическихъ языковъ, какое занимаетъ санскритскій въ области индо-европейскихъ.

¹⁾ Историческіе обзоры работъ по дешифровкѣ появлялись уже неоднократно въ иностранныхъ изданіяхъ и нашихъ журналахъ; укажемъ, напримѣръ, на статью—г. Астафьева въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за дек. 1876 г.

Преданія, передаваемыя Ктезіемъ, г. Радлинскій объявляетъ вымыслами этого историка, не представляя тому доказательствъ, хотя Ктезий, жившій при дворѣ Персидскихъ царей, по всей вѣроятности, лучше насъ зналъ исторію Передней Азіи. Египетъ назывался по еврейски Мицраим и никогда не назывался Миц-ур, какъ полагаетъ г. Радлинскій (стр. 22). Въмѣсто примѣненія термина „идеограмма“ (знакъ, обозначающій какое-либо понятіе), авторъ упоминаетъ о какомъ-то инструментѣ подъ названіемъ „идеографъ“; вмѣсто „Верхній Забъ“ употребляетъ выраженіе: „Высшій Забъ“ и дозволяетъ себѣ столь же неправильныя выраженія: Туранійцы, Арменецъ (Армянинъ), надписи „были сняты“ (со скалы) Раулинсономъ и т. п. ¹⁾ Едва ли тонкія глиняныя таблицы, на которыхъ писали Ассиріяне, можно называть кирпичами; въ этомъ выраженіи мы усматриваемъ непростительное смѣшеніе двухъ различныхъ терминовъ, общеупотребительныхъ въ ассиріологіи: кирпичъ и плитка (*briques, tablettes*).

Указывая наиболѣе важныя изданія, касающіяся ассирійскихъ памятниковъ, и упомянувъ о капитальныхъ изданіяхъ Ботты, Пласа, объ изданіи Британскаго музея (Норриса и Раулинсона): *The cuneif. inscr. of Western Asia*, о мелкихъ изданіяхъ Лайарда (стр. 9), слѣдовало указать и большія изданія того же Лайарда: *The Monuments of Niniveh*, 2 ser. in-f^o, 1853 г. и его *Cuneiform Inscriptions*.

Въ трехязычныхъ надписяхъ оказалось не сто, какъ полагаетъ г. Радлинскій,—а нѣсколько сотъ собственныхъ именъ. Изъ изложеннаго на стр. 10 видно, что авторъ ошибочно считаетъ персидскій алфавитъ чисто буквеннымъ, а не силлабическимъ; однако же имена: Виштâсна, Набукудрачара, Дâрайавуш, Хакâманишійа, пишутся: Вштасп, Нбукдрчр, Дарйвуш, Хкамнишій ²⁾. Знаки опредѣлительныя (*determinatives*) едва ли возможно называть указательными. Описывая гробницы Персидскихъ царей вблизи Персеполиса (стр. 20), онъ считаетъ четыре колонны, высѣченныя съ оголовками въ скалѣ, „и два по краямъ такого же рода столба“; послѣдніе два столба придуманы авторомъ,—ихъ въ натурѣ не существуетъ. „Возвышеніе, на которомъ находится царь, поддерживаютъ.... воины“; надпись же царя Дарія объясняетъ, что указанная здѣсь фигуры, поддерживающія его тронъ, изображаютъ народы, которыми онъ владѣлъ, а не войска.

¹⁾ Слова «трехязычный», которое употребляетъ г. Радлинскій, не существуетъ въ русскомъ языкѣ; это понятіе въ академическомъ словарѣ обозначается словомъ: трехязычный.

²⁾ Ср. Коссовича *Inscr. Pal. Pers., Literarum Enumeratio*, pp. 6 и 7.

По мнѣнію автора, Дарій предвидѣлъ непрочность зданій и чертилъ свои надписи на скалахъ; его предвѣдѣніе оправдалось: дворецъ, имъ построенный въ Персеполисѣ, состоялъ лишь до взятія города Александромъ (327 до Р. Х.), надписи на окнахъ, дверяхъ, колоннахъ и стѣнахъ во дворцѣ исчезли, вмѣстѣ съ разрушеннымъ зданіемъ,—остались только двѣ коротенькія на окнѣ и дверяхъ, и одна побольше на столбѣ. Въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ иное: дворецъ въ Персеполисѣ составляли нѣсколько зданій, построенныхъ или перестроенныхъ разными царями, въ разное время—Даріемъ, Ксерксомъ, Артаксерксомъ; дворецъ не былъ разрушенъ при вступленіи въ городъ Македонянь, Александръ въ немъ задавалъ пиры; даже послѣ случившагося во время пира пожара, который побѣдитель Персовъ, по свидѣтельству Плутарха, поторопился затушить, дворецъ, по всей вѣроятности, былъ исправленъ, и македонскій завоеватель въ немъ отдыхалъ, какъ полагаютъ, по возвращеніи изъ похода въ Индію. Истакхаръ, какъ стали называть эту мѣстность послѣ Р. Х., продолжалъ служить царскою резиденціей, и въ этомъ городѣ еще жилъ въ 632 г. послѣдній изъ Сассанидовъ Іездеджердъ. Надписи во дворцѣ, на его лѣстницахъ, террасахъ, столбахъ, стѣнахъ и т. д., довольно многочисленны. Едва ли не лучше другихъ сохранилось зданіе, построенное Даріемъ, покрытое скульптурными украшеніями; тамъ была найдена надпись (С), въ которой, между прочимъ, прочитали слѣдующее:

„Ксерксъ, великій царь, говоритъ: По волѣ Ормузда, Дарій царь, мой отецъ, построилъ это жилище (эти покои)“.

Тутъ же на трехъ дверяхъ повторяются портреты царя во весь ростъ, съ надписями (В) такого содержанія: „Дарій царь великій, царь царей, царь земель различныхъ, сынъ Гистаспа, Ахеменидъ, который построилъ этотъ дворецъ“. Этими надписями воспользовался Гротефендъ при первыхъ своихъ опытахъ чтенія клинообразнаго письма. Надпись (L) на дверяхъ и въ углубленіяхъ повторяется 18 разъ и заключаетъ въ себѣ слѣдующія слова: „Зданіе (ардастана аthaгина), построенное во дворцѣ Дарія царя“.

Г. Радлинскій объ этихъ обстоятельствахъ умалчиваетъ, и хотя помѣстилъ въ своемъ изданіи двѣ послѣднія надписи, но не говоритъ, что онѣ повторяются 21 разъ ¹⁾.

¹⁾ *Ménant*, *Les Achéménides* (v. s.), pp. 91, 53—57, и друг. источн. Надпись L подаѣла поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ, *Коссовичъ*, *Inscr.* p. 108.

Ссылаясь на Опперта, г. Радлинскій утверждаетъ, что параграфъ Бизутунской надписи, въ которомъ упоминается объ Авестѣ, о молитвѣ, древней книгѣ и божественномъ законѣ, существуетъ только въ мидійскомъ текстѣ, въ другихъ же двухъ версіяхъ уничтоженъ. Оппертъ этого не говоритъ, указывая только на начало того же параграфа въ персидской версіи и не упоминая объ ассирійской; по мнѣнію Менана, этотъ спорный параграфъ написанъ только по мидійски, но переводитъ онъ его совсѣмъ иначе, ни слова не упоминая объ Авестѣ, законѣ, молитвѣ и книгѣ ¹⁾).

Въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, укажемъ на странный вопросъ, который задаетъ себѣ г. Радлинскій; онъ спрашиваетъ: почему же говорятъ ассиріологія, и не говорятъ—грекологія, латинологія? Мы рѣшаемся ему отвѣчать на этотъ наивный вопросъ: потому, что область науки, обнимающая изученіе литературы, искусства и древностей греческихъ и римскихъ уже носитъ иное, болѣе правильное названіе — классическая филологія. Греція и Римъ составляли въ историческомъ своемъ развитіи цѣльный и нераздѣльный міръ, который и въ наукѣ не слѣдуетъ разрознивать.

Перейдемъ къ тексту надписей, къ ихъ транскрипціи и переводу, но предварительно коснемся еще разъ вопроса о клинообразныхъ знакахъ и о способахъ ихъ изученія.

Въ предисловіи г. Радлинскій пишетъ: „Изученіе ассирійскаго языка совмѣстно съ письменными знаками представляетъ на первыхъ порахъ почти непреодолимую трудность“. Мы не согласны съ такимъ его мнѣніемъ. Еслибы трудность была такъ велика, то изученіе ассиріологій не распространялось бы столь быстро, какъ авторъ объясняетъ на первой же страницѣ предисловія.

„Предварительное изученіе ассирійской грамматики и сотни ассирійскихъ словъ можетъ сдѣлаться вѣрнѣйшимъ пособіемъ при дешифровкѣ текстовъ“. Если трудность почти непреодолима, то какъ можетъ пособить дѣлу знаніе сотни словъ и грамматики, хоть, напри- мѣръ, спряженій кал, нифал, паел, шафел, ифтаал, ифтанаал, иштафал, и другихъ видовъ глагола, свойственныхъ ассирійскому языку?

Въ обломкахъ Ниневійской глиняной бібліотеки сохранились ясныя указанія на то, что группы клинообразныхъ знаковъ образовались изъ грубыхъ изображеній какого-либо предмета или символическаго знака: „читаху и гадаху чертами и рѣзами“, какъ выражается

¹⁾ Ср. *Records of the Past*, VII, 109; *Ménant*, *Les Achéménides*, p. 125 L.

мнихъ Храбръ. Изъ этого первобытнаго способа развились три или четыре разныя направленія. Стали изображать предметы и символы съ бѣльшимъ искусствомъ, приближаясь къ ихъ прототипу, данному въ природѣ; съ такимъ искусствомъ и точностью стали изображать, напримѣръ, льва, собаку, дерево, человѣка въ разныхъ движеніяхъ, что читающій не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ значеніи этихъ изображеній, опредѣляя даже съ неимовѣрною точностью породу птицы, породу собаки, дерева или рыбы: отсюда произошло монументальное гіероглифическое письмо Египтянъ, которое имѣетъ во многихъ случаяхъ поразительное сходство съ приѣмами ассирійскаго письма. Стали тѣ же грубые, примитивные гіероглифы изображать краской и мягкой кистью: отсюда произошла изумительная каллиграфія, употребляемая Китайцами. Стали тѣ же примитивные гіероглифы чертить прямыми линіями на глинѣ или на камнѣ; и вотъ начало ассирійскаго письма. Кривую, выгнутую линію изображали прямолинейными сторонами угла, кругъ замѣнили квадратомъ, треугольную палочку, которою писали *σῦλος*, вдавливали въ глину и проводили черту; такимъ образомъ получили изображеніе клина, фигуры, служащей основаніемъ этому способу составленія письменныхъ знаковъ. Иное направленіе, можетъ быть, выразилось у другихъ народовъ: тамъ искали сокращенія числа знаковъ, стремились приблизиться къ выраженію знакомъ интонацій голоса, членораздѣльныхъ звуковъ, которыми говорили, и такимъ образомъ, по всей вѣроятности, образовались алфавиты санскритскій, пехлевійскій (временъ Сассанидовъ) и финикійскій, лежащій въ основаніи нашего алфавита латинскаго или греческаго (русскаго). Въ финикійскомъ алфавитѣ и въ квадратномъ еврейскомъ видимъ явные слѣды первобытнаго гіероглифическаго письма: алеф изображаетъ голову быка, бейт—домъ, гиммел—верблюда, далет—дверь, хе—окно и т. д. Результатомъ того же стремленія къ сокращенію числа знаковъ и фонетическому ихъ назначенію, несомнѣнно слѣдуетъ считать и древне-персидскій клинообразный алфавитъ. То же направленіе весьма явно опредѣляется и въ ассирійскомъ письмѣ; но между персидскими 35 буквами и ассирійскими 522 знаками цѣлая пропасть. Постепеннаго перехода отъ древнѣйшаго письма къ новому наука еще не указала.

Отсюда—убѣжденіе ассиріологовъ въ возможности облегченія и упрощенія способовъ, употребляемыхъ для чтенія клинообразныхъ древнѣйшихъ письменъ. Многіе знаки очевидно повторяются; такъ напримѣръ, знакъ КА означаетъ понятія—ротъ, лицо; но если въ

него вписано солнце или день—означаетъ битву, имя, памятникъ—славу, языкъ во рту—разговоръ, доброе во рту—пищу, вода во рту—пить, умирать во рту—здѣ, чистое во рту—жажда, постъ, вѣтеръ во рту—дыханіе, ночь во рту или ночь на лицѣ—темноту, закатъ солнца во рту или на лицѣ—„онъ сгорѣлъ, его пожрали“; знакъ Е или БИТ означаетъ домъ, если же въ него вписанъ знакъ АН, богъ или анна—небо, божество въ домѣ или небеса, рай въ домѣ, означаетъ—мать. На нѣкоторыя составныя части указываютъ и силлабаріи, найденныя въ Ниневійской библіотекѣ: знакъ МУЛ как-кабу, звѣзда, называется—ана-ешише-ку, то-есть, ана три раза; знакъ ВА, часто попадающійся, означающій нашъ союзъ и (et, ve, que), называется иги-диппи, то-есть, составленный изъ знаковъ иги и диппи (иги, между прочимъ, значитъ впередъ, диппи—закрывать); другой знакъ носитъ названіе ша-гираку-а-иги-иду, то-есть, кир, въ который вписаны а и иги.

При постепенномъ разборѣ и изученіи этихъ письменныхъ знаковъ, продолжавшемся болѣе 40 лѣтъ, многимъ изъ нихъ было присвоено значеніе, которое впослѣдствіи оказалось или еще можетъ оказаться ошибочнымъ. Послѣдующее ихъ изученіе, по всей вѣроятности, значительно уменьшитъ приписываемую имъ полифонію; и въ этомъ отношеніи могутъ сослужить новую службу наукъ надписи Ахеменидовъ, для болѣе точнаго опредѣленія значенія письменныхъ знаковъ, а не правилъ языка. По мнѣнію Менана, полезно, при современныхъ успѣхахъ науки, повѣрять ея выводы относительно письменныхъ знаковъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ производились первыя изслѣдованія, начиная съ означенныхъ трехъязычныхъ надписей.

Въ обширномъ своемъ словарѣ письменныхъ знаковъ ¹⁾ этотъ ученый уже указывалъ, что каждый произносимый слогъ имѣетъ въ письмѣ только одинъ знакъ, ему соответствующій и постоянно употребляемый въ фонетическомъ значеніи. Другіе знаки употребляются въ видѣ сокращеній или украшеній. Слоги онъ раздѣляетъ на открытые или простые (simples), состоящіе изъ гласной и согласной (ад или да), и замкнутые или сложные (complexes), состоящіе изъ гласной между двухъ согласныхъ (дуб, составленный изъ ду-уб), при чемъ указываетъ на болѣе важное значеніе первыхъ.

¹⁾ Le Syllabaire Assyrien, въ *Mém. présentés par des savants à l'Acad. des Inscri. et Bell. Lettres*, т. VII, 1869 и 1873 гг. 2 части.

Сейсъ, въ грамматикѣ, нами вышеприведенной, изданія Багстера, придерживаясь того же мнѣнія, составилъ таблицу открытыхъ слоговъ и соотвѣтствующихъ имъ знаковъ по 15 буквамъ еврейскаго алфавита, и требуетъ, чтобъ его ученики изучили эти знаки на память прежде, нежели начинать чтеніе и грамматику. Инымъ буквамъ еврейскаго алфавита соотвѣтствуютъ 2, 3, 4 способа произношенія, напри- мѣръ: буквѣ далет—звуки де, те, the (наша Θ не выражаетъ въ точности этого послѣдняго звука). Шипящими онъ считаетъ 3 звука: с (самех), з и ц; отъ нихъ отличаетъ и считаетъ самостоятельную букву ш и нъ, которая въ квадратномъ алфавитѣ имѣетъ поразительное сходство, по начертанію, съ ассирійскимъ ш а. Въ слогахъ, оканчивающихся гласною, да, те, the, интонаціямъ согласной соотвѣтствуютъ отдѣльные знаки; но слоги обратные, начинающіеся гласною, имѣютъ одинъ только общій знакъ для выраженія интонацій согласной: уд можетъ быть произносимо—ут, yth. Такимъ образомъ является возможность значительно упростить изученіе письменъ; обозначилось около 100 знаковъ, постоянно повторяющихся, и которые легко запоминаются при первыхъ попыткахъ къ чтенію. Ихъ изученіе въ 5 разъ легче изученія полнаго силлабарія, не труднѣе санскритскаго алфавита, и въ 3 раза труднѣе алфавита древне-персидскаго или нашего русскаго, гражданской печати.

Всю морфологію именъ существительныхъ и прилагательныхъ Сейсъ излагаетъ на одной страницѣ. Къ его грамматикѣ приложены весьма полезныя для справокъ списки именъ числительныхъ, мѣстоименій, нарѣчій, предлоговъ, союзовъ, и только о глаголахъ онъ распространяется подробнѣе, особенно богатыхъ видами въ ассирійскомъ языкѣ. Къ основнымъ правиламъ приложены примѣры, напечатанные клинообразнымъ шрифтомъ, съ транскрипціей и безъ нея, съ переводомъ и безъ него, въ видѣ упражненій для начинающихъ.

Въ составъ ассирійскаго языка вошло много словъ туранскаго происхожденія, подъ вліяніемъ туранскихъ племенъ, отъ которыхъ заимствованы и письменные знаки. Не всякій звукъ (слогъ), обозначаемый отдѣльнымъ знакомъ, имѣетъ какое-либо значеніе на языкѣ ассирійскомъ; но постоянно соотвѣтствуетъ какому-либо слову, съ опредѣленнымъ смысломъ, на языкѣ Аккадовъ. Слова или корни словъ на аккадскомъ языкѣ преимущественно — односложные, на семитическихъ языкахъ — двусложные, составленные изъ трехъ согласныхъ ¹⁾. Отсюда явилась счастливая мысль у Оксфордскаго профес-

¹⁾ Напримѣръ, аккад. пан, апин, ассир. ушшу основаніе; бар, ассир. парацу

сора соединить съ силлабаріемъ, съ объясненіемъ значенія ассирійскихъ письменныхъ знаковъ, и глоссарій языка Аккадовъ.

При всѣхъ этихъ пособіяхъ и приложеніяхъ, грамматика Сейса заключаетъ не болѣе 130 страницъ. Она имѣла такой успѣхъ, такъ быстро разошлась въ продажѣ, что не болѣе, какъ черезъ годъ, авторъ вынужденъ былъ приступить ко второму изданію. Желательно было бы перевести ее на русскій языкъ; но безъ клинообразнаго шрифта подобное руководство теряетъ свои достоинства: что пользы ознакомиться съ организмомъ языка, когда остаются недоступны его памятники, по неумѣнію читать ихъ.

Нельзя не признать совершенно правильнымъ избранный г. Радлинскимъ способъ транскрипціи—съ раздѣленіемъ слоговъ, хотя этотъ способъ утомителенъ для чтенія; по крайней мѣрѣ, можно отгадывать, хотя далеко не всегда, какой знакъ употребленъ въ подлинникѣ для выраженія каждаго слога. Издателю слѣдовало въ самомъ предисловіи объяснить, что слоги со сходными буквами въ цезурахъ, гласными или согласными, читаются слитно; такъ, напримѣръ, имя Навуходносора, едва ли не первое, прочитанное Гротефендомъ на вавилонскомъ кирпичѣ¹⁾, написанное На-би-ув-ку-ду-ур-ри-у-цу-ур, читается: Набу-кудур-уцур.

Нельзя, съ другой стороны, не порицать стараній издателя смягчать въ русской транскрипціи звукъ л, прибавленіемъ къ этой буквѣ мягкаго ь или гласныхъ мягкихъ и іотированныхъ я, ю. Чѣмъ докажетъ г. Радлинскій, что Ассиріяне произносили ля, уль, эль, а не ла, уль, эль? Онъ не можетъ сослаться на древне-еврейскій языкъ потому, что его произношеніе утрачено: португальскій Еврей иначе выговариваетъ нѣкоторыя буквы, нежели сирійскій. Если онъ подражалъ Французамъ и Нѣмцамъ, у которыхъ списалъ транскрипцію, то упустилъ изъ виду, что они пишутъ: *paschalik, sultan, baschlik, balik, Boulaq, Latona, Latini*, тогда какъ мы пишемъ—пашалыкъ, султанъ, башлыкъ, балыкъ, Булакъ, Латона, Латины, Аллахъ, Алладинъ, Абдуль-Рахманъ, Абдуль-Латыпъ, Мехметъ-улла, а не Булякъ, Лятона, Лятины, Аляхъ, Алядинъ, Абдуль, уля и т. д.

Не отрицаемъ, что въ русской транскрипціи трудно передавать гортанные звуки, которыми такъ богаты семитическіе языки, и нѣ-

раздѣлять; мах, ассир. *циру* верховный; ун, ассир. *нису* человекъ; гал, ассир. *рабу* великій; аккад. *сар* (ун-гал), ассир. *сарру*—царь.

¹⁾ *Ménant, Les écritures cunéiformes, pp. 145, 221.*

которые другіе. Въ выпискахъ, ниже приводимыхъ, *spiritus lenis* мы совсѣмъ опускаемъ; звуки хе, хет, хайн замѣняемъ одною буквою *x*, не дѣлая различія и между звуками каф и коф. Буква *z* неудобна для передачи придыханій, потому, что имѣетъ въ ассирійскихъ письменахъ соотвѣтствующую ей букву гимел, которой произношеніе ближе подходитъ къ звуку *k*, нежели къ нѣмецкому *h*. Звукъ йод, обозначаемый буквою *y*, въ соединеніи съ звуками а, э, у, образуетъ въ русской азбукѣ самостоятельныя буквы *я, е, ю* и послѣ согласныхъ выражается прибавкою *ъ* или *ь*, напримѣръ, въ словахъ: предъявилъ, подъемъ. Мы будемъ употреблять этотъ способъ транскрипціи, для облегченія чтенія, хотя сознаемъ, что правильнѣе было бы, по аналогіи съ составомъ другихъ слоговъ, употребленіе буквы *y*, даже послѣ согласныхъ, для выраженія ассирійской дифтонги *ya*; правильнѣе писать: *йа, йум, Дарйавуш*, нежели—*я, юмъ, Даръявуш*.

Для передачи интонацій голоса г. Радлинскій употребляетъ условные знаки: *г* съ запятою, *к* съ запятою, *с* съ запятою; но ему слѣдовало бы въ предисловіи объяснить, что они обозначаютъ: безъ этого указанія не знаешь, какъ читать его транскрипцію. Можно догадываться, что *г* съ запятою изображаетъ легкое придыханіе (*г'а-га-а* слѣдуетъ произносить *ага*), *к* съ запятою—тяжелый, усиленный звукъ коф; но гдѣ же тутъ логика?

Слѣдовало бы издателю также пояснить: откуда онъ взялъ транскрипцію, принялъ ли на себя трудъ ее свѣрить съ подлиннымъ клинообразнымъ текстомъ; слѣдовалъ ли, безъ повѣрки, транскрипціи Шрадера или другаго ученаго. Безъ этого объясненія, его транскрипція не заслуживаетъ вѣры.

Надписи Дарія Гистаспа приводили въ энтузіазмъ многихъ ученыхъ, ими занимавшихся. Указывали на проявляющіяся, въ его разказахъ о себѣ, его высокія качества и добродѣтели, на его мудрые совѣты, его горячую любовь къ отечеству, его близкія къ монотеизму понятія о верховномъ божествѣ. Лучшимъ способомъ ознакомить читателя съ содержаніемъ этихъ надписей, намъ представляется сообщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ извлеченій. Исповѣданіе вѣры Дарія помѣщено въ началѣ надписей Накши-Рустамской, Персеполитанской и Элвендской. Вотъ отрывокъ изъ послѣдней ¹⁾:

¹⁾ Въ транскрипціи, вездѣ, гдѣ возможно было по законамъ благозвучія, мы дозволили себѣ выпускать короткое *й*, которое и въ персидскомъ текстѣ не обозначается особымъ знакомъ.

Баг вазарка Аур мазда, хъя ¹⁾ имам бумим ада, хъя авам асма-
нам ада, хъя мартіам ада, хъя шіятим ада мартіяхъя, хъя Даръя-
вум хшаяthiam акунуш, аивам парунам хшаяthiam, аивам парунам
фраматарам.

Переводъ:

Богъ великъ Ормуздъ, который (кій или кой) эту землю сотво-
рилъ (сѣзда), который это небо сотворилъ, который человека (смерт-
наго) сотворилъ, который могущество (шіятим) сотворилъ человека,
который Дарія сдѣлалъ царемъ, одного надъ многими царемъ, одного
надъ многими правителемъ.

Транскрипція ассирійскаго текста:

Илу рабу Ахурумазда, ша каккару ага иддину, ша шами аннуту
иддину, ша ниси иддину, ша габби нухсу ана ниси иддину, ша ана
Даріавуш сарра ибну, истин ина сарри махруту, истин ина мути-
хими махруту ²⁾.

Въ началѣ Накш-Руст. встрѣчаемъ слѣдующіе варианты:

Илу илуи рабу Ахурмазда (А-ху-ур-ма-аз-да) ша шами ва ирци-
тив ибну, ва ниси ибну, ша дунка ана ниси иддину, ша ана Да-
ріавуш сарра, ша сар сарри мадутув ибну.

Переводъ:

Великъ богъ боговъ Ормуздъ, который небо и землю сотворилъ,
и людей сотворилъ, который далъ могущество людямъ, который
сдѣлалъ Дарія царемъ, (такимъ царемъ), что царь (онъ) многихъ
царей ³⁾.

¹⁾ Въ подл. хй, можно читать: хайа, хйа или хай.

²⁾ Для указанія способа транскрипціи г. Р., полагаетъ достаточнымъ слѣ-
дующій примѣръ: И-лю рабу-у А-хи-ру-ма-аз-д са как-ка-ру га-га-а ид-дин-ну
са сами ан-ну-ту ид-дин-ну са ниси ид-дин-ну са габ-би ну-ух-су а-на ниси ид-
дин-ну са ана Да-а-ри-іа-а-вус Сарра иб-ну-у истин ина сарри ма-ду-у-ту истин
ина му-те-е-и-ми ма-ду-у-ту. Не раздѣленные слоги, вѣроятно, означаютъ идео-
граммы. Далѣе слѣдуемъ своей транскрипціи; персидскій текстъ списанъ съ под-
линника (изд. Коссовича), ассирійскій—преимущественно слѣдуя Шпрідеру: Die
assyri.-babylon. Keilinschrift. въ Zeitschr. d. D. Morgenbl. Ges. 1872 г. т. 26-й.

³⁾ Относ. мѣстоим. ша, употребительно и въ еврейскомъ: наше что, кото-
рый. Союзъ ва, ау, у: еврейск. ве, у, латин. et, ve, que. Ага указ. мѣст., встрѣ-
чающееся только въ надписяхъ Ахеменидовъ. Ирцит, Ирцитив: еврейск. эрец
земля; каккару почва; ша каккару ага иддину, «который далъ эту почву подъ
ногами».

Надпись I-я Персеп. (Н) начинается согласно Накши-Рустамской, но со слѣдующими отъ нея отступленіями:

Урумазда раби (У-ру-ма-аз-да), ша рабу ина-ели илуи габби... ша дунка ¹⁾ габби иддинува ниси ина либби балтухе, ша ана Даріавуш сарра ибву, ва ана Даріавуш сарра сарруту иддина ина каккар ага рапшатув, ша матат мадихитув ина либби-су: Парсу, Мадаи, ва матат санити, ва лисану санитув, ша сади ва матув, ша аханаи ага ша марратув, ва ахуллуан улли ша марратув...

Переводъ:

Ормуздъ, великій, величайшій между всѣми богами... который всякое могущество далъ людямъ среди животныхъ, который Даріа сдѣлалъ царемъ и Дарію царю далъ царство надъ землею этою странною, заключающею въ себѣ (въ сердцѣ ея) многія страны: Персію, Мидію, и страны другія, и языки другіе, что на горахъ и въ долинахъ, по эту сторону у этого моря, и по ту сторону у того моря...

Въ приведенныхъ здѣсь отрывкахъ обращаемъ вниманіе, прежде всего, на различное произношеніе имени Ормузда: ассирійскія транскрипціи Элв. и Накш. Руст. надписей указываютъ на произношеніе съ придыханіемъ передъ у—Ахурмазда, Ахурумазда, болѣе сходное съ зендскимъ—Ахура-Мазда; Перс. указываетъ произношеніе безъ придыханія—Урумазда, которое ближе къ греческому Ὀρομαζδης. Слово шіятим переведено въ Элв. словомъ нухсу, могущество, сила; въ Накш. Руст. и Перс. это понятіе передано (по транскр. Шрадера) аккадійскимъ словомъ дунка. Въ силлабаріѣ Сейса ²⁾ слово дун, тум, тув переведено hero, strong, ассир. данну; суффиксъ КА (коф: кка) составляетъ опредѣлительное мѣры (determinative of measure) и сходственный аккадск. корень дугу (дунгу), ассир. нухсу, пумалу, означаетъ благополучіе, могучій (prosperity, powerful).

Къ сожалѣнію, г. Радлинскій не помѣстилъ въ своемъ изданіи подробнаго и точнаго описанія Персеполитанскихъ надписей Даріа, которое мы поэтому заимствуемъ у Менана ³⁾: вышеприведенныя нами мелкія надписи, повторяющіяся 21 разъ, найдены вмѣстѣ съ портретами Даріа и другими скульптурами въ томъ зданіи, которое, по всей вѣроятности, служило жилищемъ Дарію Гистаспу, его внутрен-

¹⁾ У г. Радлинскаго опечатка: думку.

²⁾ Assyrian Grammar, №№ 20, 393, 414.

³⁾ Les Achéménides, изд. 1872 г., р. 79 sqq.

ними аппаратами; но главныя его дворцовыя надписи вырѣзаны въ другомъ мѣстѣ; онѣ находятся на южной сторонѣ той грандіозной каменной террасы, на которой основаны всѣ дворцы и прочія зданія, построенныя Даріемъ и его преемниками. Здѣсь сохранились 4 таблицы надписей—2 персидскія, 1 мидійская, 1 ассирійская, и каждая съ текстомъ самостоятельнымъ, не служащимъ переводомъ другой какой либо таблицы.

Таблица 1-я, обыкновенно означаемая буквою Н:

„Ормуздъ великъ, величайшій изъ боговъ, который сдѣлалъ Даріа царемъ“... и т. д.

„Говоритъ Дарій царь: Эту страну Персію, которую далъ мнѣ во власть Ормуздъ, прекрасную, благодатную, богатую людьми, которая подъ властью Ормузда и моею (властью) Даріа царя никакого врага чужеземнаго не боялась.

„Говоритъ Дарій царь: Да окажетъ мнѣ помощь Ормуздъ съ богами моей родины! Да хранитъ Ормуздъ эту страну отъ нашествія непріятеля, отъ лжи (обмана)... Эту милость я прошу у Ормузда съ богами моей родины. Да даруетъ мнѣ это Ормуздъ съ богами нашими родовыми“¹⁾.

Таблица 2-я, означаемая буквою І:

„Адам Даръявуш хшааthia вазарка²⁾... Я, Дарій, царь великій, царь царей, царь многихъ этихъ странъ, сынъ Виштаспа (Гистаспа) Ахаманишіа (Ахеменидъ).

„Говоритъ Дарій царь: Волею Ормузда вотъ страны, которыя я держалъ (подъ своею властью, *tenui*, адарсій), вмѣстѣ съ этимъ же народомъ, съ Персами, которыя меня боялись, мнѣ дань приносили“... слѣдуетъ перечисленіе 24 провинцій, увѣщаніе Даріа, обращенное къ своему преемнику, и молитва³⁾.

Двухъ здѣсь выписанныхъ нами надписей и мидійскаго текста у г. Радлинскаго не помѣщено; текстъ ассирійской таблицы, 4-й по порядку приведенъ нами выше почти весь. Третья таблица (Н I-bis), мидійская, по переводу Менана, заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

„Я, Дарій, великій царь, царь царей...“ и проч.

¹⁾ Хада витхибиш, багибиш, cum dūs gentilibus, vath stirps, gens, domus. Коссовичъ, Inscr.

Адам, Zendск. ахам, санскр. асам, наше азъ, я.

³⁾ Ни въ мидійск., ни въ ассир. текстахъ нѣтъ перечисленія странъ; въ ассир. только сказано, что ихъ 24 (у Шрадера, вѣроятно, по ошибкѣ 14).

„Говоритъ Дарій царь: Обширные эти дворцы построены на мѣстѣ, на которомъ до меня не было никакого дворца. Я построилъ эти дворцы по волѣ Ормузда и Ормуздъ со всѣми богами благосклонно взиралъ на эти дворцы. Я построилъ ихъ для свидѣтельства о милости Его ко мнѣ.

„Дарій царь говоритъ: Да покровительствуетъ мнѣ Ормуздъ со всѣми богами, да хранитъ эти дворцы со всѣмъ, что въ нихъ заключается, и да не коснется ихъ намѣреніе злаго человѣка“¹⁾.

Въ этихъ надписяхъ Менанъ видитъ ясныя доказательства, что построеніе дворцовъ въ Персеполисѣ, и въ особенности коллоссальной террасы, на которой они стоятъ, послѣ тысячелѣтій еще и нынѣ поражающей своею массивностью и прочностью, всецѣло принадлежитъ Дарію. До него здѣсь ничего не существовало, его преемники только продолжали начатое этимъ царемъ. Такое мнѣніе прямо противоположно высказанному г. Радлинскимъ относительно пренебреженія, которое онъ приписываетъ Дарію, ко всякаго рода постройкамъ.

Перечисленіе провинцій, которыми владѣлъ Дарій, помѣщенное въ Персеп. надписи, повторяется въ Бизут. и Накши-Руст. Въ Бизут. недостаетъ Индіи; надо поэтому полагать, что надпись вырѣзана на скалахъ Багистана до завоеванія прибрежій р. Инда и до построенія Персеполиса. Въ Накши-Руст. прибавлены: Іоняне Такабара, Путъ или Понтъ, Кушъ и Карка; Саки (Скиѣ) раздѣлены на три племена—Хаумаварка, Тиграхуда и тѣяій (тѣаіі) тарадарая (заморскіе).

Вотъ списокъ перечисляемыхъ провинцій, съ ихъ именами на персидскомъ и ассирійскомъ языкахъ и переводомъ²⁾:

<i>Персидскія.</i>	<i>Ассирійскія.</i>	<i>Переводъ.</i>
1. Парса	Парсу	Персія
2. Мада	Мадаи	Мидія
3. Уваджа	Иламти	Сузіана
4. Бабируш	Бабилу	Вавилонъ
5. Athura	Ассур	Ассирія
6. Арабая	Араби	Аравія
7. Мудрая	Ми-цир	Египетъ
8. Армина	Урасту (Урарту)	Арменія

¹⁾ Id ne videam, id quod homo impius meditatur. Oppert—*Rec. of the Past*, IX, 73.

²⁾ Основаніемъ нашего списка служитъ Персеп. надпись, соотвѣтствующаго списка нѣтъ въ ассир. ея текстѣ, но тѣ же названія повторяются въ Бизит. и Накш.-Руст. надписяхъ.

9. Катпатука	Катпатука	Каппадокія
10. Спарда	Сапарда	Спарта ¹⁾
11. Іуна (или Іауна, чит. Юна, Јуна или Иона) тѣя ушкахѣя уга тѣя дарахѣя... ²⁾ .		

Іоняне, которые на сушѣ (на твердой землѣ) и которые на морѣ (на островахѣ), и страны, которыя къ востоку:

12. Асагарт	(Биз. Искартан)	Сагартія
Н. Р. Скудра (?)	Н. Р. Искадару ³⁾	
13. Парѣава	Парту	Парѣяне
14. Зара(н)ка	Заранга	Дрангіана
15. Харива	Ариву	Аріи (Аріака)
16. Бахтриш	Бахтар	Бактрія
17. Сугда ⁴⁾	Сукду	Согдіана
18. Уваразмія ⁴⁾	Хуварисму	Хоразмія (Хива)
19. Татагус	Сатагусу	Саттагиды
20. Харуватиш	Арухати	Арахозія
21. Хиндуш	Инду	Индія
22. Гандара	Н. Р. Гандари	Παροπάνισος (Птол.)
	Биз. Парупанисан ⁵⁾	Гандарія (Кандахарѣ)
23. Сака	Биз. Гимири	Саки (Скиѣы)
24. Мака	Н. Р. Мадцу	Масае (Matiene)
Н. Р. Мачія		Коссовичъ.
25. Н. Р. Сака	Н. Р. Наммири	Скиѣы
Хумаварка	Умурга	Амиргіи
— Сака	Наммири... ⁶⁾	Sacae Sagittarii
Тиграхуда		(Коссовичъ).
26. Н. Р. Сака тѣя тарадарая	(Искадару?)	Скиѣы заморскіе.
27. Н. Р. Іуна (Іауна) Такабара		
ассир. Іавану санутав ша магината ана каккаду-суну насу ⁷⁾ .		

¹⁾ Спарта, по мнѣнію Раулинсона и Фоксъ Талбота; Лидія (Сварда, Сарды) по Коссовичу, Ликія по Опперту, Фригія по Менану.

²⁾ Накш.-Руст. персид. текстъ просто: Іуна, ассир. Іавану (чит. Јвану); Бизит. персидск. текстъ: *тѣя дарахѣя Спарда, Іауна*, ассир. *ина маррати Сапарду, Іавану*—которые за моремъ Спарта, Іонія.

³⁾ Слово ассир. текста Н. Р. надписи «Искадару» соотвѣтствуетъ въ персид. слова: сака тѣя тарадарая Скудра (сравн. ниже 26).

⁴⁾ Бизит: Сугуда, Уваразмиш.

⁵⁾ По чт. Менана (le Nisan Supérieur); у Шрадера: Парупараисанна.

⁶⁾ Шрадеръ не разобралъ мѣста; Менанъ читаетъ: *Gimirri sa Karbalti suni rapa, les Scythes aux bonnets pointus*, сравн. Герод. VII, 64.

⁷⁾ Καρχηρόωντες.

Іоняне, другіе, которые шлемы съ гривами на своей головѣ носятъ:

28. Н. Р. Путія или	Пута	Путь или
Паунтія		Понтъ
29. Кушія	Кушу	Кушъ (Эѳіопія)
30. Карка	Карка	Колхида (по Коссовичу).

Въ надгробной надписи на скалѣ Накши Рустамской, послѣ перечисленія странъ, которыми владѣлъ Дарій, сказано:

„Когда подумаешь ты, какъ разнообразны эти страны, которыя Дарій царь держалъ (въ своей власти), изображенія осмотри, которыя несутъ мой тронъ (помость, на которомъ я стою, мана gathum), тогда познаешь, какъ далеко залетало копье мужа Перса, тогда тебѣ ясно будетъ, что мужъ Персъ далеко отъ Персіи въ битвахъ обращался“.

Бизутунская надпись посвящена преимущественно разказу о возстаніи и поимкѣ тѣхъ 9 царей, которыхъ имена нами приведены выше, въ выписанномъ изъ нея извлеченіи. На баральефѣ, вырѣзанномъ изъ той же скалы, изображенъ Дарій, упирающій ногою въ грудь, повергнутаго передъ нимъ Гумата; позади царя стоятъ два оруженосца, а передъ нимъ остальные 8 лже-царей, привязанные за шею къ общему канату, и 9-й, позднѣе добавленный, предводитель возставшихъ Сакковъ. Въ надписи объясняется: происхожденіе Дарія изъ царскаго рода; какъ сынъ Кира, Камбизъ, убилъ своего брата Смердиса; какъ убилъ себя Камбизъ ¹⁾, воцареніе и низверженіе Лже-Смердиса, возобновленіе храмовъ и богослуженія, разоренныхъ Магомъ, походы противъ возставшихъ, казни бунтовщиковъ („я отрѣзалъ ему носъ, уши, языкъ; я распялъ ихъ на крестѣ“), сообщаются имена шести заговорщиковъ, помогавшихъ Дарію при низверженіи Гуматы.

Сдѣланныхъ извлеченій, мы полагаемъ, достаточно, чтобы показать, какіе любопытные вопросы затрогиваетъ изданіе г. Радлинскаго, сколько свѣдѣній, исторически достовѣрныхъ, можно получить, при сличеніи изданнаго текста съ другими источниками, относительно жизни, религіи, нравовъ, хронологіи и географіи древнихъ народовъ. На вопросъ же, нами предложенный въ началѣ нашего обзора: возможно ли считать появившееся изданіе полезнымъ въ томъ видѣ, какъ оно составлено, отвѣчаемъ, что, за недостаткомъ на русскомъ языкѣ лучшаго изданія, мы его считаемъ во всякомъ случаѣ не бесполезнымъ, и что попытка, даже не вполне удачная, издать столь важные историческіе документы на русскомъ языкѣ, по нашему мнѣнію, заслужи-

¹⁾ Упавъ нечаянно съ лошади на стрѣлу (Геродотъ).

ваетъ уваженія и вниманія; притомъ же, недостатки изданія легко исправимы при слѣдующихъ выпускахъ. Мы вполнѣ сознаемъ, что издатель вовсе не будетъ намъ благодаренъ за высказанную строгую правду; но желали бы, чтобъ онъ воспользовался нашими указаніями, чтобъ онъ побинулъ цѣли чисто-лингвистическія и занялся болѣе точною обработкою издаваемого текста и перевода, приложивъ, пожалуй, и глоссарій, и указатель грамматическихъ формъ, сравнивая ихъ преимущественно съ еврейскими; чтобы посѣщилъ въ предисловіи къ слѣдующему выпуску (а не въ заключеніе работы) объяснить условные знаки, которые употребляетъ для транскрипціи чуждыхъ намъ звуковъ.

Сожалѣемъ, что и первый выпускъ сборника г. Радлинскаго не появился годомъ позже; онъ могъ бы воспользоваться послѣдними изслѣдованіями экспедиціи Андреаса въ южную Персію, и тогда его изданіе было бы драгоцѣнною новинкою въ русской ученой литературѣ. Фотографическіе снимки съ архитектурныхъ и скульптурныхъ памятниковъ и надписей Персеполиса, исполненные д-ромъ Штолце въ іюнѣ 1878 г., на обратномъ его пути съ г. Андреасомъ въ Европу, были представлены на разсмотрѣніе послѣдняго съѣзда оріенталистовъ въ Берлинѣ и произвели сильное впечатлѣніе на собраніе ¹⁾. Ихъ изданіе въ свѣтъ, по желанію, выраженному съѣздомъ, уже опубликовано въ декабрѣ 1881 г., при участіи и подъ наблюденіемъ Шрадера; предполагалось издать въ 2-хъ томахъ 150 таблицъ большаго формата in f^o, подъ заглавіемъ: *Persepolis, die achämenidischen und sasanidischen Denkmäler und Inschriften von Persepolis, Istakhr, Pasargadae, Shahpur, zum ersten Male photographisch aufgenommen, von F. Stolze im Anschlusse an die epigraph. archäolog. Expedit. v. F. C. Andreas, mit einer Besprechung der Inschriften von Th. Nödleke* ²⁾. Въ составъ издаваемыхъ фотографій между прочимъ, войдутъ: изъ дворца Дарія—два портрета царя и надписи; надписи Дарія съ южной стороны главной террасы; общій видъ гробницы Дарія и ея надписи—верхняя, нижняя и боковая; общій видъ гробницъ и храма огня (Kaabah i Zardusht); извѣстный портретъ Кира съ его трехязычною надписью, другой столбъ съ трехязычною надписью того же Кира и фотограмметрические планы всѣхъ построекъ. Появленія перваго тома ожидали къ апрѣлю 1882 года.

¹⁾ Verhandl. des V Oriental. Congres. I, p. 60 и 73, засѣданіе 16-го сент.

²⁾ Объявленіе о подиискѣ торговаго дома Asher въ Берлинѣ.

Исторія русской словесности. Составилъ *И. Порфирьевъ*. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Отъ Петра Великаго до Екатерины II. Казань. 1881.

Первая часть „Исторіи русской словесности“ явилась впервые въ свѣтъ болѣе десяти лѣтъ назадъ и успѣла выдержать уже нѣсколько изданій. Она несвободна отъ недостатковъ, но не смотря на то, до сихъ поръ остается у насъ лучшимъ учебнымъ пособіемъ по исторіи древней русской литературы. И это весьма естественно: г. Порфирьевъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ тружениковъ по работѣ нашей древней словесности, какъ авторъ многихъ статей по этому предмету, изъ года въ годъ появлявшихся на страницахъ Казанскаго Православнаго Собесѣдника, и издатель массы литературныхъ памятниковъ древней Руси, увидѣвшихъ свѣтъ въ томъ же журналѣ. Но до сихъ поръ онъ чуждался исторіи новой русской литературы, и книга, названная во главѣ нашей статьи, — первый его опытъ въ этой области. Это обстоятельство не осталось безъ вліянія на достоинство его труда.

Авторъ начинаетъ изложеніе исторіи новой русской литературы опредѣленіемъ характера Петровской реформы и новаго образованія. „Новое образованіе“, говоритъ онъ, — „вызванное государственными потребностями, должно было служить вообще государственнымъ цѣлямъ“. Этимъ оно отличалось отъ образованія до-петровской эпохи, которое „имѣло характеръ религіозно-церковный и служило преимущественно религіозно-церковнымъ цѣлямъ“ (стр. 5), хотя, тѣмъ не менѣе, было съ нимъ въ связи: „Все, что до Петра Великаго было сдѣлано для образованія, не только не осталось напраснымъ, но и принесло большую пользу во время реформы. Прежніе труды и попытки приготовили почву для новаго образованія и дали на первый разъ пужныхъ работниковъ. Юго-западная наука искоренила (?) существовавшее прежде въ Россіи предубѣжденіе противъ образованія и воспитала много такихъ людей, которые были дѣятельными помощниками Петру въ его реформахъ. Кіевскіе и московскіе ученые явились первыми учителями въ училищахъ, переводчиками книгъ съ иностранныхъ языковъ и объяснителями и защитниками всѣхъ (?) преобразованій. Изъ Кіевской и Московской академій долго брали воспитанниковъ для отправления за границу учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ, въ разныя учрежденія для службы, въ гимназію и университетъ при Академіи Наукъ“ (стр. 4). Все это справедливо, хотя и

далеко не вполнѣ: и въ древнемъ періодѣ образованіе не всегда служило исключительно религіозно-церковнымъ цѣлямъ, и въ новомъ оно служило государственнымъ цѣлямъ только при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, но дѣло не въ этомъ. Г. Порфирьевъ удовлетворяется тѣмъ, что сказалъ объ образованіи, и не находитъ уже нужнымъ касаться вопроса о связи новой русской литературы съ древнею, хотя этотъ вопросъ въ высшей степени важенъ, и его рѣшеніе тѣсно связано съ пониманіемъ литературы не только переходнаго Петровскаго времени, но и послѣдующей эпохи.

Уже въ третьей четверти XVII столѣтія русская публика зачитывалась переведенными съ польскаго „Римскими Дѣянiями“, средневѣковыми рыцарскими романами, фацеціями и т. п. и смотрѣла на театральныя представленія пастора Грегори, поставившаго на русскую сцену пьесы нѣмецкихъ странствующихъ актеровъ; еще раньше явился на русской почвѣ псевдо-классицизмъ — псевдо-классицизмъ польско-іезуитскихъ школъ, отличный отъ псевдо-классицизма французскаго, но тѣмъ не менѣе имѣющій съ нимъ очень много общаго. Западно-европейскіе романы и ихъ русскія передѣлки и подражанія, явившіяся у насъ во множествѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, не были для русской публики чѣмъ-нибудь новымъ; она была къ нимъ уже подготовлена, и подготовлена хорошо: вѣдь не только такіе романы, какъ „Жизнь Сиса, царя Египетскаго“, переведенная Фонъ-Визинымъ, но и такіе, какъ „Приключенія маркиза Г.“, переведенныя Елагинымъ и Лукинымъ, сравнительно немногими отличаются отъ „Петра-Златоключи“ и т. п. Трагедіи Сумарокова недалеко отстоятъ отъ школьных драмъ кіевскихъ ученыхъ, съ одной стороны, и отъ пьесъ репертуара Грегори — съ другой, а его комедіи близки къ тѣмъ комическимъ сценкамъ, которыя подъ названіемъ интерлюдій входили въ составъ школьной драмы. Наконецъ, стихотворенія Тредіаковскаго и Ломоносова имѣли предшественниковъ въ до-петровской литературѣ въ стихотворныхъ произведеніяхъ Симеона Полоцкаго и другихъ. Такимъ образомъ связь древней литературы (въ послѣднюю эпоху ея существованія) съ новою литературой очевидна. Она объясняетъ, почему новой литературѣ не пришлось бороться съ своею предшественницей, почему она почти совсѣмъ не встрѣтила протестовъ со стороны читающей публики.

Первый писатель, на которомъ останавливается авторъ, — Стефанъ Яворскій. Сперва излагается его краткая біографія, потомъ приводятся заглавія его сочиненій, и выписываются наиболѣе характеристическія

мѣста изъ его проповѣдей, съ кое-какими поясненіями. Подобнымъ же образомъ г. Порфирьевъ поступаетъ и относительно другихъ писателей. О „Камень Вѣры“ Стефана Яворскаго говорится всего на одной страницѣ, да и то болѣе о причинахъ, вызвавшихъ это сочиненіе, чѣмъ о немъ самомъ. Стефанъ Яворскій, говоритъ г. Порфирьевъ, — написалъ „Камень Вѣры“ „для предохраненія православныхъ христіанъ вообще отъ протестантскаго ученія, которое заносили въ Россію иностранцы... Такое сочиненіе было весьма важно и необходимо въ то время, когда на разныхъ мѣстахъ государственной службы было много протестантовъ, и въ русскомъ обществѣ начали распространяться протестантскія воззрѣнія, нравы и обычаи“ (?) (стр. 34). Этими словами „Камень Вѣры“, конечно, слишкомъ недостаточно характеризованъ. Въ немъ есть сторона, на которую необходимо обратить особенное вниманіе, и которая уже указана изслѣдователями (между прочимъ Юр. Самаринымъ); это — католическій духъ, которымъ вѣетъ отъ этого произведенія. Г. Порфирьевъ старается оправдать „старую партію“ (выраженіе очень не точное), и въ числѣ ея Стефана Яворскаго, отъ обвиненія въ склонности къ латинству (стр. 65), но самъ же упоминаетъ о сильной бурѣ, произведенной „Камнемъ“, какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и въ иностранномъ, и о полемикѣ, которая возникла по поводу его между католиками, выступившими на его защиту, съ одной стороны, и протестантами, горячо возставшими противъ него, — съ другой, и которая не имѣла бы никакого смысла, если бы „Камень“ былъ совершенно чуждъ латинству.

Точно также недостаточно характеризованы и сочиненія Посошкова, главнымъ образомъ его трактатъ „О скудости и богатствѣ“. Г. Порфирьевъ выписываетъ заглавія его главъ и приводитъ изъ него нѣсколько выдержекъ—о необходимости завести училища, о недостаткѣ грамотныхъ людей, о злоупотребленіяхъ въ судахъ. Эти выдержки, конечно, очень важны по содержанію, но ими не возможно ограничиться; необходимо указать еще: во-первыхъ, на мѣры, которыя предлагаетъ Посошковъ, и на степень ихъ выгоды и примѣнимости (здѣсь г. Порфирьевъ могъ бы взять въ руководство сочиненіе г. Брикнера „Иванъ Посошковъ“); во-вторыхъ, на средства, которыя онъ считаетъ необходимыми для приведенія въ исполненіе предложенныхъ имъ мѣръ, и на ихъ крутой, насильственный характеръ, какъ на одну изъ отличительныхъ особенностей Петровской эпохи, и третьихъ, на отношеніе Посошкова къ иностранцамъ. Безъ этого нельзя сдѣлать правильной оцѣнки сочиненій Посошкова.

Отдѣлъ беллетристики Петровской эпохи (если позволительно при-
мѣнить это названіе къ произведеніямъ того времени) оставленъ г. Пор-
фирьевымъ безъ вниманія. Онъ ограничивается однимъ упоминаніемъ
о поздравительныхъ стихахъ Андрея Виніуса, о „Лавреѣ“ Кременец-
каго, о стихахъ Валдайскаго „пастушка“ Михаила (изъ послѣднихъ,
впрочемъ, выписано имъ нѣсколько строкъ), какъ о представителяхъ
„старой силлабической поэзіи“ въ Петровское время, и причисляетъ
къ нимъ даже прозаическую „Политиколѣпную апотеозисъ россійскаго
Геркулеса Петра I“ (стр. 102), которая имѣетъ своимъ предметомъ
объясненіе триумфальныхъ вратъ, воздвигнутыхъ въ честь Петра Мо-
сковскою академіей и не находится ни въ какой связи съ силлаби-
ческой поэзіей; что же касается до оригинальной русской повѣсти пе-
тровскаго времени „Гисторія о россійскомъ матросѣ Василии Коріот-
скомъ“ и переведенныхъ при Петрѣ съ польскаго разнаго рода повѣ-
стей, то о нихъ г. Порфирьевъ даже и вовсе не упоминаетъ. Правда,
послѣднія до сихъ поръ еще не изслѣдованы, но можно съ достаточ-
ною вѣроятностію относить къ нимъ разказы о Совѣсдралѣ или Эйлен-
шпигелѣ, о которыхъ, въ ихъ печатномъ изданіи конца XVIII сто-
лѣтія, говорится какъ о переведенныхъ съ польскаго, и рыцарскій ро-
манъ о Францелѣ Венеціанѣ, дошедшій до насъ, между прочимъ, въ
рукописи 1729 года и въ видѣ лубочной книжки, ходящей въ народѣ
даже въ наши времена; что же касается до „Гисторіи о Василии Ко-
ріотскомъ“, то о немъ существуетъ изслѣдованіе г. Л. Майкова, по-
явившееся значительно ранѣе книги г. Порфирьева („Неизвѣстная
русская повѣсть Петровскаго времени“, Журн. Мин. Нар. Просв.
1878 г. № 10).

Къ драмѣ, современной Петру, какъ кіевской, такъ и москов-
ской, г. Порфирьевъ относится также съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.
Онъ удѣляетъ менѣе, чѣмъ четверть страницы, московскимъ пьесамъ:
„Страшное изображеніе втораго пришествія Господня“ и „Божіе уни-
чижителей гордыхъ уничиженіе“ (къ нимъ онъ присоединяетъ еще
„Преславное торжество освободителя Ливоніи“, но это вовсе не драма),
на четырехъ строкахъ излагаетъ содержаніе трагедо-комедіи Тео-
фана Прокоповича „Владиміръ“ (стр. 103) и совершенно умалчиваетъ
о переведенныхъ съ нѣмецкаго театральныхъ пьесахъ репертуара
Куншта и Фиршта¹⁾. Относительно „Страшнаго изображенія“ и „Бо-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что и въ первой части «Исторіи русской словесности»

жія... уничиженія" слѣдуетъ сказать, что они еще не изданы и не изслѣдованы, и это нѣсколько извиняетъ г. Порфирьева въ томъ, что онъ слишкомъ кратко говоритъ объ этихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ піесахъ; но „Владиміръ“ Оеофана Прокоповича и піесы Куншта и Фиршта подробно изслѣдованы г. Тихонравовымъ: первый—въ его статьѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1879 г. № 5, а послѣднія—въ извѣстной брошюрѣ „Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра“ (М. 1873). Пренебреженіе г. Порфирьева къ „Владиміру“ для насъ совершенно непонятно, такъ какъ онъ излагаетъ содержаніе и приводитъ выдержки изъ интерлюдій Петровскаго времени (стр. 104—105) и изъ школьныхъ драмъ послѣ-петровской эпохи (стр. 310—315), которыя сравнительно съ „Владиміромъ“ можно назвать незначительными.

Прежде чѣмъ начать говорить о Кантемирѣ, Тредіаковскомъ и проч., г. Порфирьевъ удѣляетъ четыре страницы происхожденію и характеру французскаго псевдо-классическаго направленія. Такого рода введеніе рѣшительно необходимо для пониманія всей русской псевдо-классической школы, и г. Порфирьевъ заслуживалъ бы за него полного одобренія, еслибъ онъ исполнилъ дѣло какъ слѣдуетъ. Онъ говоритъ: „Сюжеты для своихъ произведеній европейскіе поэты брали изъ греческой міѳологіи и героической легенды, изъ греческой и римской исторіи, а иногда и просто передѣлывали греческія и римскія произведенія“ (стр. 108). Здѣсь сдѣлана очень крупная ошибка: г. Порфирьевъ отнесъ ко всѣмъ видамъ псевдо-классической поэзіи то, что относится только къ трагедіи, и то не вполне: въ „Сидѣ“ Корнеля, „Гоѳоліи“ Расина, „Танкредѣ“ Вольтера и друг. дѣйствующихъ лица—и не греческіе боги, и не дѣятели классической исторіи. Псевдо-классическая комедія и сатира никогда не брали содержанія изъ классическаго міра; онѣ постоянно находились въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ современностью (на это г. Порфирьевъ самъ указываетъ, когда говоритъ о сатирахъ Кантемира и комедіяхъ Сумарокова), и псевдо-классическое направленіе заявляетъ себя только въ ихъ формѣ. Псевдо-классическая поэма всего чаще брала содержаніе изъ національной исторіи и легенды („Лузіада“ Камоэнса, „Генріада“ Вольтера, „Петръ Великій“ Ломоносова, „Россиада“ Хераскова) и отъ древности заимствовала только приемы. Г. Порфирьеву

о древне-русскихъ переводныхъ повѣстяхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, и о театральныхъ піесахъ репертуара Грегори также вовсе не упоминается.

необходимо было изложить псевдо-классическую теорію каждаго вида литературныхъ произведеній въ отдѣльности; при этомъ ему слѣдовало привести выдержки изъ „L'Art Poétique“ Буало и „Эпистолы о стихотворствѣ“ Сумарокова (впрочемъ изъ послѣдней нѣсколько выдержекъ сдѣлано г. Порфирьевымъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о литературной дѣятельности этого писателя).—Но послѣднемъ за нашимъ авторомъ. „Поступивши подъ покровительство двора“, говоритъ онъ,—„поэзія неизбежно сама должна была сдѣлаться придворною, и измѣнивъ свой характеръ, получила придворный колоритъ. Чтобы поэтическія произведенія могли быть достойны вниманія двора, поэты должны были выводить въ нихъ только высокія лица: боговъ, героевъ, царей, полководцевъ. Выведенныя лица должны были вести себя, разсуждать и говорить сообразно съ установившимися при дворѣ приличіями, сообразно съ придворнымъ этикетомъ, придворными правилами и обычаями“ (стр. 109). Здѣсь опять крупная ошибка: придворному этикету слѣдовали только трагическіе герои, а въ комедіи, въ сатирѣ далеко не всѣ дѣйствующія лица могли и должны были вести себя *comme il faut*, и придворный колоритъ въ этихъ видахъ литературныхъ произведеній, если и замѣтенъ, то очень мало.

Говоря о литературной теоріи, перенесенной къ намъ съ запада, г. Порфирьевъ не упомянулъ объ одномъ обстоятельстве, хотя и не особенно важномъ, именно о томъ, что въ то время, когда она стала водворяться у насъ, на западѣ явилась такъ-называемая мѣщанская драма, совершенно несогласная съ псевдо-классическою теоріей трагедіи, и вслѣдъ за трагедіей перешла и къ намъ. Этимъ должно объяснять, почему по поводу постановки на московской сценѣ „Евгеніи“ Бомарше въ русскомъ переводѣ Сумароковъ поднималъ тотъ шумъ, о которомъ упоминаетъ г. Порфирьевъ на стр. 241.

Мимоходомъ коснувшись отношенія школьнаго польско-іезуитскаго классицизма къ классицизму французскому, г. Порфирьевъ дѣлаетъ потомъ нѣсколько замѣчаній о существовавшемъ у насъ въ XVIII вѣкѣ взглядѣ на литературу и ея дѣятелей. „Поэтамъ и литераторамъ“, говоритъ онъ,—„не отдавали должнаго значенія.... Личность самихъ поэтовъ такъ невысоко стояла въ обществѣ, что ихъ могли оскорблять не только бранными словами, но и дѣйствіемъ“ (стр. III). Мы не намѣрены утверждать, что положеніе литератора въ XVIII вѣкѣ было особенно почетнымъ, но думаемъ, о немъ никакъ не слѣдуетъ судить на основаніи поступка Волинскаго съ Тредіаковскимъ. Впервые, это фактъ единственный въ своемъ родѣ и относится

къ царствованію Анны Іоанновны, воторыхъ, онъ былъ отчасти слѣдствіемъ личнаго характера Тредіаковскаго, который (добровольно или невольно, не беремъ рѣшить) взялъ на себя роль придворнаго шута; что особеннаго, что Волинскій обошелся съ нимъ не-церемонно, такъ, какъ въ то время обходились съ шутами? При Елизаветѣ и Екатеринѣ II положеніе русскаго писателя не имѣло ничего общаго съ положеніемъ Тредіаковскаго въ царствованіе Анны: Ломоносовъ объявляетъ сильному Шувалову, что онъ не хочетъ разыгрывать шута не только передъ нимъ, но и предъ самимъ Господомъ Богомъ; Сумароковъ смотритъ на свою литературную дѣятельность, какъ на государственную заслугу, а Державинъ при помощи своей музы дѣлаетъ блестящую карьеру. „При такомъ положеніи литературы и писателей“, продолжаетъ г. Порфирьевъ,—„очень понятно стремленіе поэтовъ искать себѣ защитниковъ и покровителей—меценатовъ“ (стр. 111). Это стремленіе дѣйствительно было, но знатный меценатъ нуженъ былъ писателю XVIII вѣка не для того, чтобъ имѣть возможность свободно писать, а для того, чтобы получать вознагражденіе за свой трудъ, въ томъ или другомъ видѣ; меценатъ долженъ былъ не доставлять писателю безопасности, а хлопотать о почестяхъ, повышеніяхъ и наградахъ для него и дѣлать о нихъ представленія высочайшей власти. Нѣкоторыя письма Ломоносова къ Шувалову какъ нельзя лучше указываютъ на это.

Не будемъ останавливаться на Кантемирѣ и Тредіаковскомъ и обратимся прямо къ Ломоносову. О немъ у насъ существуетъ обширная литература, но она почти вся отличается однимъ общимъ недостаткомъ—излишне хвалебнымъ тономъ. На Ломоносова смотрятъ только какъ на великаго патріота и ученаго, всѣ его поступки объясняютъ только любовью къ Россіи и къ наукѣ, хотя они могутъ имѣть отчасти и другія, болѣе простыя и естественныя объясненія. Вліяніе нѣмецкаго общества сказалось въ Ломоносовѣ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ; отъ него онъ позаимствовался не только тѣми буршескими замашками, которыя выказалъ въ первое время своей службы въ Академіи Наукъ, но также крайнимъ самолюбіемъ и страстью къ чинамъ и отличіямъ. Онъ несказанно гордился своимъ чиномъ статскаго совѣтника, хотя въ то же время возставалъ противъ глупой спѣси дворянства, которое корило его низкимъ происхожденіемъ. Ему всегда хотѣлось возвыситься, на зло своимъ недругамъ, и какъ онъ заботится о томъ, чтобы сдѣлаться членомъ какой-нибудь иностранной академіи или попасть въ вице-президенты своей

академіи! Конечно, онъ горячо любилъ Россію и оказалъ ей немаловажныя услуги, но часто прикрывалъ именемъ любви къ ней и такіе поступки, въ которыхъ нельзя не видѣть личныхъ побужденій: укажемъ на его доносъ въ сенатъ на Шлецера. Онъ горячо любилъ и науку, но въ ней не всегда могъ возвыситься надъ своимъ временемъ: извѣстно, что Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другими академиками, настоялъ на томъ, чтобы выпустить изъ „Описанія Сибирскаго царства“ Миллера замѣчаніе объ участіи Ермака въ разбояхъ; извѣстно, что онъ возсталъ противъ рѣчи того же Миллера о варяжскомъ происхожденіи Руси, какъ несогласной съ національнымъ достоинствомъ Русскихъ, между тѣмъ какъ Тредіаковскій не былъ на его сторонѣ.

Какъ на одну изъ заслугъ Ломоносова, г. Порфирьевъ указываетъ на то, что онъ усовершенствовалъ русскій литературный языкъ и составилъ первую риторику на русскомъ языкѣ. Онъ полагаетъ, что до Петра Великаго нашимъ литературнымъ языкомъ былъ „славянскій“ (терминъ, нуждающійся въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ), и что только Ломоносовъ въ своемъ разсужденіи „О пользѣ книгъ церковныхъ“ опредѣлилъ надлежащее мѣсто славянскаго языка и его значеніе для языка русскаго (стр. 186). Это—невѣрно. Русскій языкъ (съ болѣе или менѣе незначительною примѣсью церковныхъ словъ и формъ) употреблялся въ нашей литературѣ задолго до Петра Великаго, и имъ писаны Стоглавъ, Домострой, сочиненіе Котошихина, повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ и друг.; онъ употреблялся у насъ и при Петрѣ (сочиненія Посошкова), и послѣ Петра, прежде чѣмъ Ломоносовъ успѣлъ написать свое разсужденіе. Ломоносову нужно было только расширить его употребленіе, распространивъ его на всѣ литературныя произведенія, но онъ не только этого не сдѣлалъ, а можно сказать, узаконилъ еще употребленіе церковныхъ словъ и формъ въ русской книжной рѣчи и продолжалъ его еще почти на цѣлое столѣтіе. Что касается до риторики Ломоносова, то г. Порфирьевъ хотя и признаетъ, что она не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, тѣмъ не менѣе приводитъ по поводу ея замѣчаніе Пекарскаго, очень лестное для Ломоносова (стр. 189). Мы, съ своей стороны, считаемъ нужнымъ замѣтить, что эта риторика есть не что иное, какъ отчасти переводъ, отчасти передѣлка нѣмецкой риторики Готтшеда, и что Ломоносову не нужно было ни особаго труда, ни обширныхъ познаній, чтобы составить ее.

Изъ произведеній Сумарокова мы остановимся прежде всего на его комедіяхъ. Авторъ хорошо знаетъ, что они по большей части

представляют передѣлку (болѣе или менѣе плохую, добавимъ мы) комедій Мольера, но это не мѣшаетъ ему признавать ихъ очень важными. „Въ заимствованные сюжеты и формы“, говоритъ онъ,— „Сумароковъ, подобно Кантемиру, вставлялъ картины изъ русской жизни, осмѣивалъ пороки и недостатки, глупости и предразсудки русскаго общества“ (стр. 220). Не будемъ отрицать, что кое-гдѣ въ комедіяхъ Сумарокова дѣйствительно встрѣчаются указанія на русскій бытъ и нравы, но это бываетъ и довольно рѣдко, и совершенно случайно. Самыя имена дѣйствующихъ лицъ не имѣютъ въ себѣ ничего общаго съ русскою дѣйствительностію: они или иностранныя (по крайней мѣрѣ похожія на иностранныя): Клитандръ, Оронтъ, Дюлижъ, Кимаръ, Бомбембіусъ, или русскія, но не общеупотребительныя, а придуманныя самимъ Сумароковымъ: Чужехватъ, Желтозеръ. Дѣйствіе хотя и считается происходящимъ въ Россіи, но не имѣетъ ничего общаго съ русскою жизнью и состоитъ постоянно въ томъ, что добродѣтельный молодой человѣкъ и добродѣтельная молодая дѣвица любятъ другъ друга, при помощи своихъ хитрыхъ слугъ и служанокъ проводятъ своихъ суровыхъ родителей и опекуновъ, и наконецъ, благополучно соединяются брачными узами. Всѣ главныя лица не имѣютъ ничего общаго съ русскими типами и представляютъ прямой сколокъ съ соотвѣствующихъ лицъ французской комедіи; изъ второстепенныхъ только отъ одного подьячаго иногда еще вѣетъ русскимъ духомъ, хотя въ большей части случаевъ и онъ разыгрываетъ роль французскаго нотаріуса или клерка.

Изъ другихъ качествъ комедій Сумарокова г. Порфирьевъ подмѣтилъ ихъ аляповатость, грубость, комизмъ очень не высокой пробы, карикатурность комическихъ лицъ (стр. 221), но ему нужно было бы указать также на отсутствіе характеровъ и на множество вставочныхъ эпизодовъ, задерживающихъ и заслоняющихъ собою ходъ главнаго дѣйствія.

При изданіи Трудолюбивой Пчелы, по мнѣнію г. Порфирьева, послужили Сумарокову образцомъ англійскіе моральные журналы Стиля и Аддисона (стр. 232). Это несовсѣмъ вѣрно. Сумароковъ изъ иностранныхъ языковъ зналъ хорошо только французскій и потому могъ имѣть въ виду не упомянутые англійскіе журналы, а ихъ французскія подражанія. Въ критикахъ Сумарокова, печатавшихся въ его журналѣ, г. Порфирьевъ справедливо видитъ мелочность и внѣшность (стр. 238), но за это едва ли слѣдуетъ упрекать Сумарокова: онъ въ нихъ слѣдовалъ литературному кодексу псевдо-классической школы „L'Art

poétique" Буало, который предписывалъ критику разсматривать въ литературномъ произведеніи только слова и формы и не говорилъ ничего о разсмотрѣніи цѣлыхъ произведеній по отношенію къ ихъ содержанію.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о мемуарахъ и школьной драмѣ послѣ-петровскаго времени. Авторъ указываетъ на записки княгини Долгорукой, Нащокина, Шаховскаго, Данилова и излагаетъ вкратцѣ ихъ содержаніе, но почему-то не находитъ нужнымъ даже упомянуть о любопытныхъ запискахъ Якова Марковича, пріятеля Оофана Прокоповича, относящихся къ 1718—1768 гг. и изданныхъ въ 1859 г. въ Москвѣ, ни о „Діаріумъ“ Николая Ханенка, старшаго канцеляриста гетманской канцеляріи, относящемся къ 1722 году (о немъ въ Чтеніяхъ Моск. общества ист. и др. 1858 г. кн. 1, смѣсь). По важности оба памятника не ниже записокъ Нащокина. Изъ піесъ, относящихся къ школьной драмѣ, г. Порфирьевъ излагаетъ содержаніе нѣсколькихъ (стр. 310—315), но не находитъ нужнымъ не только изложить одну изъ нихъ („Милость Божія, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидѣ людскихъ чрезъ Богдана-Зиновія Хмельницкаго свободившая“), но и привести сколько-нибудь полно ея заглавіе. Эта пьеса, изданная уже дважды (сначала Максимовичемъ въ Чтеніяхъ 1858 г. кн. 1, потомъ гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ во 2-мъ томѣ „Историческихъ пѣсень Малорусскаго народа“), гораздо выше во многихъ отношеніяхъ другихъ изложенныхъ г. Порфирьевымъ піесъ, и такое пренебрежительное отношеніе къ ней для насъ не совсѣмъ понятно.

Мы коснулись только немногаго во второй части „Исторіи русской словесности“. Она по достоинству ниже первой части и обнаруживаетъ въ авторѣ недостатокъ самостоятельнаго изученія предмета и неполноту знакомства съ его научною разработкой. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не пожелать ей успѣха: при всѣхъ своихъ недостаткахъ, она имѣетъ и несомнѣнныя достоинства, и въ виду недостатка у насъ хорошихъ учебниковъ по исторіи русской литературы, можетъ быть очень полезнымъ учебнымъ пособіемъ по этому предмету.

А. Соболевскій.

Alwin Schultz. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger) *Альвинг Шульц*. Придворная жизнь во время миннезингеровъ). Leipzig, 1877 — 80. Два тома.

I.

Задача Шульца не культурно-историческая въ широкомъ смыслѣ этого слова: изображеніе духовнаго облика нѣмецкаго рыцарства въ его цвѣтушую пору (между 1150 и 1300 гг.) не было задачей автора, специалиста по исторіи искусства. Эта специальность опредѣлила ближайшія задачи труда—характеризовать внѣшній бытъ высшихъ классовъ по памятникамъ свѣтскаго искусства и художественнаго ремесла. Ихъ молчаливыя показанія приходилось истолковывать, бытовое значеніе того или другаго предмета выяснять при помощи живыхъ показаній лѣтописи, лирической пѣсни, романа. Литература, преимущественно поэтическая литература среднихъ вѣковъ явилась комментариемъ къ археологическимъ даннымъ, и въ свою очередь, выиграла отъ такого сопоставленія. Съ этою цѣлью Шульцъ прочиталъ свыше двухъ милліоновъ стиховъ!

Можно усумниться въ пригодности поэтическаго матеріала для работъ культурнаго характера. Поэзія идеализуетъ, преувеличиваетъ, какъ преувеличиваютъ, въ особыхъ цѣляхъ, сатира и проповѣдь. Крайности идеала и отрицанія искажаютъ лежащую въ срединѣ истину факта, которую вѣрнѣе, хотя не такъ конкретно, воспроизведетъ лѣтопись, дѣловой актъ. Легко представить себѣ, на примѣръ, какую яркую, и вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣрную картину средневѣковой нравственности мы создали бы себѣ, руководясь характеристиками фавль, одностороннимъ освѣщеніемъ романовъ Круглаго Стола или нареканіями завзятыхъ рачителей Домостроя. Все это касается, впрочемъ, той внутренней культуры, которую Шульцъ устранилъ изъ своего обзрѣнія. Но и относительно культуры внѣшней можно, хотя и менѣе рѣшительно, повторить наше сомнѣніе относительно пригодности поэтическихъ изображеній для воспроизведенія отношеній реальныхъ. Шульцъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ: Средневѣковые поэты ничего не выдумывали (разумѣется, въ смыслѣ бытовыхъ характеристикъ), ихъ показанія всегда безусловно достовѣрны, они окружаютъ своихъ героевъ и героинь роскошью и великолѣпіемъ, загромождаютъ драгоценностями ихъ замки, одѣваютъ ихъ въ самыя рѣдкія, дорогія одежды: но вѣдь эта роскошь дѣйствительно существовала, хотя она

и рѣдко, лишь по праздникамъ, являлась на показъ; то, что поэты изображаютъ, они либо видѣли сами, либо имъ о томъ рассказали; они ничего не выдумывали. Сохранившіеся памятники, показанія писателей даютъ намъ возможность ихъ повѣрить: „Мнѣ ни разу не пришлось уличить ихъ во лжи“ (Vorgrede, стр. IX—X).

Роскошь въ дѣйствительности показывалась рѣдко, въ торжественные дни; но вѣдь и поэзія изображаетъ исключительно праздничныя, необыденныя положенія, гнушается оловянною посудой, бывшею въ ежедневномъ обиходѣ, и если описываетъ какую, то серебряную (I 315) и т. п. Поэтический реализмъ, не гнушающійся прозой житейской грязи,—порожденіе новаго времени: реализмъ фабль есть несомнѣнный шаржъ, аляповато-грубые и потѣшные крестьяне Нитгарта—родные братья пастухамъ Астреи. Праздничная поэзія, стало быть, связана была своею темой, и какъ поэзія, преувеличивала, только въ другомъ направленіи: герои—богатыри, ихъ возлюбленные—красавицы; на ихъ обстановку тратится все, что можно было придумать, и что фактически, либо въ этомъ роскошномъ накопленіи, никогда не существовало. Дѣйствительность осталась гдѣ-то позади, глубоко подъ широкими горизонтами этой поэзіи, и надо спуститься на нѣсколько тоновъ ниже, чтобы разглядѣть ту черту, гдѣ поэтическая идеализація выдѣляется изъ почвы реально-бытовыхъ отношеній.

Если сказанное вѣрно, то нѣкоторыя изъ заключеній Шульца окажутся сомнительными. Средневѣковые поэты говорятъ намъ о живописныхъ, иногда сложныхъ фрескахъ, которыми они украшаютъ стѣны измышленнымъ ими палатъ. Въ дѣйствительности не сохранилось ни одного слѣда подобной живописи, говоритъ Шульцъ (I, 51);—но поэты ничего не измышляютъ, стало быть, имъ слѣдуетъ вѣрить. То же заключеніе предоставляется сдѣлать намъ (I, 96) по поводу поэтическихъ описаній стѣнъ замка, стѣнныхъ зубцовъ, расписанныхъ красками и золотомъ. Позволено ли заключить по художественной драпировкѣ статуй XIII вѣка о соответствующемъ впечатлѣніи, какое производили люди того времени—это вопросъ обоюдоострый, тѣсно связанный съ нашимъ пониманіемъ отношеній между искусствомъ и дѣйствительностью (I 246). Остановлюсь еще на одномъ примѣрѣ того же рода. Въ средніе вѣка любили до страсти охоту, сокола, какъ охотничью птицу по преимуществу; писали трактаты о соколиной охотѣ, объ уходѣ за соколами, которымъ не рѣдко занимались и дамы. Любимую птицу холили; на печатяхъ она перѣдко изображается сидящею на рукѣ женской фигуры. Поэзія беретъ свои

образцы изъ жизни и обстановки быта, выбираетъ въ нихъ свои символы, свои общія мѣста. Чѣмъ проще условія быта, тѣмъ проще и одностороннѣе употреблялся образъ: такимъ явился, напримѣръ, быстрый, «ясный» соколъ, въ славянской и румынской народной поэзіи. Но когда соколиная охота развилась въ цѣлый культъ, обставилась, извѣстнаго рода обрядностію, каждая черта послѣдней можетъ послужить поэтическому образу. Разница между приёмами искусственной и естественной поэзіи состоитъ въ болѣе или менѣе сложномъ употребленіи образовъ и зависящей оттого большей или меньшей ихъ прозрачности. Когда въ *der Minne Falkner* соколиное дѣло является аллегоріей любовныхъ отношеній, то это на столько же отзывается школой, на сколько искусственно въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* сравненіе перстовъ, возлагаемыхъ на струны, съ десятью соколами, которыхъ напустили на стадо лебедей. Съ другой стороны, кажется совершенно естественнымъ приравненіе милаго, котораго голубили долгое время, и который оказался невѣрнымъ, измѣнилъ, — съ соколомъ, котораго холили, приручали, а онъ снялся и улетѣлъ въ другія страны. Такъ, въ одной изъ древнихъ нѣмецкихъ пѣсенъ, еще отзывающихся народнымъ стилемъ:

Ich zôch mir einen valken mêre danne ein jâr,
Dô ich in gezamete, als ich in wolte hân
Und ich im sîn gevidere mit golde wol bewant
Er huop sich ûf vil hohe und vloug in anderiu lant
(Der von Kûrenberg).

Это—не соколъ, а молодецъ; сравненіе, то-есть, одностороннее отождествленіе, влечетъ за собою обоюдное перенесеніе несходныхъ признаковъ, на сколько то не нарушаетъ поэтической вѣроятности. Когда дѣвушка или женщина говоритъ, что она обвивала золотомъ перья своего молодца-сокола, мы имѣемъ передъ собою образъ, явившійся результатомъ такого перенесенія, и я не заключилъ бы вмѣстѣ съ Шульцемъ (I, 374), что средневѣковыя дамы въ самомъ дѣлѣ обвивали золотою ниткою перья своихъ любимыхъ соколовъ. Если идти этимъ путемъ, то и богато разукрашенный мудрый воронъ въ поэмѣ объ Освальдѣ, и чудеса храма во второмъ Титурелѣ, и поющія пуговицы Чурилы явятся отраженіемъ какой-то сходной дѣйствительности. Но надо же выдѣлять въ поэзіи и долю фантазіи.

Я остановился на этихъ мелочахъ, потому что, мнѣ кажется, они помогутъ освѣтить вопросъ методологіи въ области культурно-историческихъ изысканій.

II.

Значительная часть археологическихъ и литературныхъ матеріаловъ, на которыхъ построено изслѣдованіе Шульца, заимствована изъ французскихъ источниковъ. И въ самомъ дѣлѣ: немыслимо написать исторію нѣмецкаго рыцарства, хотя бы только со стороны внѣшняго обихода, не коснувшись рыцарства французскаго, вліянія Франціи вообще. Здѣсь впервые сдѣлана была попытка уточнить, облагородить отношенія общественной жизни; другимъ культурнымъ народамъ оставалось лишь заимствовать и подражать готовому. „Въ этомъ отношеніи Франція уже въ средніе вѣка стала силой и авторитетомъ, который она сохранила за собою, съ короткими перерывами, до нашего времени. Нѣмецкіе поэты заимствуютъ содержаніе, оригиналы своихъ произведеній у Французовъ; такъ-называемый готическій стиль, усвоенный Германіей и всѣми католическими странами, собственно французскій; французскій языкъ сталъ языкомъ, на которомъ говорили, который, по крайней мѣрѣ, понимали всѣ образованные люди; множество французскихъ выраженій для понятій комфорта перешло въ нѣмецкую рѣчь; покрой платья, сервировку обѣда надлежало устроить по французской модѣ, такъ что вся жизнь высшихъ классовъ руководилась французскими образцами. Но весь этотъ утонченный, галантный обиходъ жизни еще не проникнулъ въ плоть и кровь, и первобытная грубость сказывалась нерѣдко, особливо когда разгорались страсти. Культура и природная грубость стоятъ лицомъ къ лицу въ борьбѣ, которая въ первыя десятилѣтія XIII вѣка обѣщала разрѣшиться въ пользу культуры. Но уже тогда поэты жалуются на упадокъ нравовъ, сѣтуютъ о „добромъ старомъ времени“, и эти жалобы повторяются на всѣ лады: когда они были молоды, все обстояло лучше, на свѣтѣ становится съ каждымъ днемъ хуже. Разумѣется, эти жалобы не имѣютъ особаго значенія: съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, старики хулили современность, находя ее печальною въ сравненіи съ золотыми днями своей юности. Но со второй половины XIII вѣка упадокъ дворянства, рыцарскаго общества становится очевиднымъ и для насъ: забываются хорошія стороны культурной общности, и лишь изощренное, искусственное въ ней остается потребностью рыцарей; но удовлетворять ей не позволяютъ имъ средства, и вотъ они косятся на разцвѣтающіе города, на разбогатѣвшихъ крестьянъ, стремившихся послѣ долгаго воздержанія, восполь-

зоваться благами жизни; открытый разбой доставляетъ средства къ удовлетворенію тѣхъ потребностей роскоши, которыя, въ понятіяхъ рыцарей, соотвѣтствовали ихъ общественному положенію. Между тѣмъ на ихъ плечахъ поднимается и получаетъ новое значеніе трудовое, промышленное сословіе горожанъ, становящееся съ XIV вѣка носителемъ національной культуры" (I, 2—3).

Направленіе общественнаго развитія, начертанное Шульцемъ, не спеціально нѣмецкое: съ нѣкоторыми измѣненіями то же можно повторить и о Франціи. Но въ Германіи огрубѣніе рыцарскихъ нравовъ имѣло и свои особыя, не однѣ социальныя причины: эти нравы были привнесены, не явились результатомъ народнаго роста и потому не вошли глубоко „въ плоть и кровь“. Франція создала рыцарство съ его блестящимъ внѣшнимъ обиходомъ, турнирами, кодексомъ чести и любви; въ средніе вѣка она естественно стала законодательницей рыцарской общественности, какою позднѣе, въ области болѣе широкихъ духовныхъ интересовъ, стала для Европы Италія. Сами Французы сознавали себя на высотѣ своего образовательнаго призванія: Франція явилась имъ наслѣдницей Греціи и Рима. *Che nos ont nostre livre apris*, говоритъ *Chrestiens de Troies* въ своемъ *Gliges* (по Туринской рукописи),—

*Que Gresce ot de chevalerie
Le premier loz et de clergie,
Puis vint chevalerie à Romme,
Et de la clergie la somme
Qui ore est en Franche venue.
Diex doinst qu'elle i soit retenue
Tant que li lieus li embielisse
Si que jamais de stanche n'isse.*

Настоящее образованіе можно получить только во Франціи: молодой *Cléomades*, въ романѣ Аденета того же имени, отправился

*Ou roiaume de France droit
Que on adont Gaule nommoit
Pour aprendre sens et honnour
Et se qu'il afeit à valour.
Fu lons tans en celui pays,
Car en es anciens escriis
Trueve on que toujours a esté
France la flours et la purté
D'armes, d'onnour, de gentillece,
De courtoisie et de largece;
Ce est la touche et l'exemplaire
De cec'on doit laisser et faire.*

Какъ въ X вѣкѣ знатныя саксонскія семьи держали французскихъ боннѣ, обучая своихъ дѣтей двумъ главнымъ языкамъ тогдашней Франціи, такъ и Adenet (Berte as grans pies) говоритъ о такомъ же обыкновеніи Нѣмцевъ:

... tout li grant seignor, li conte et li marchis
 Avoient entour eus gent française tout dis
 Pour aprendre français leurs filles et leurs fils.
 Li rois et royne et Berte o le cler vis
 Sorent près d'aussi bien le français de Paris
 Com se il fussent né el bour à saint Denis.

Знали по французски и тѣ, кто не умѣлъ читать на модномъ языкѣ, испестрившемъ нѣмецкую рѣчь такими словами, какъ *turnieren* = *tournoyer*, *failieren* = *faillir*, *schantieren* = *chanter*, *blamensier* и даже *mensier blâ* = *blanc manger*! Французское вліяніе надвигалось съ прирейнскихъ областей и лишь постепенно достигало восточныхъ и сѣверныхъ окраинъ, куда рыцарство заглянуло позднѣе; тамъ дольше держится и лирическая пѣснь народнаго склада, и любовь къ народной *сarf*, тогда какъ ближе къ западу уже воцарились „*frau Aventure*“ (*aventure*), переводятся и вызываютъ подражанія французскіе романы, и рыцарскій культъ дамы даетъ новыя формы общенію половъ и новое содержаніе лирикѣ, въ уровень съ франко-провансальскою.

Я съ умысломъ говорю о формахъ общенія. Высшіе классы нѣмецкаго общества, которые осѣнило откровеніе рыцарскаго идеала, въ сущности недалеки по симпатіямъ и нравственному развитію отъ крестьянъ и горожанъ, на которыхъ они пріучились смотрѣть свысока. Они такіе же реалисты, люди природнаго быта. Характерна въ этомъ отношеніи присущая имъ любовь къ животнымъ, къ радостямъ весны: это симпатія неисторченнаго культурой человѣка. И теперь еще, какъ въ старыя годы, крестьянинъ чувствуетъ пришествіе весны пляской и пѣснями, драматическимъ поѣздомъ *Maigrat'a*. Зима пораженная удаляется, крѣпнеть сила солнца, подавая надежды на урожай. Феодальный властелинъ, закупоренный въ своемъ замкѣ, не менѣе, если не болѣе, сильно ощущалъ эти весеннія вожделѣнія. Надо помнить неуютную обстановку средневѣковаго замка, красиваго какъ декорація въ романѣ: комнаты съ ограниченнымъ числомъ мебели, тепла и свѣта; полъ съ остатками цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтокъ, которыми усыпали его въ праздничный день, и которые обратились въ кучу грязнаго сора; печи, нагрѣвающія одни углы, холодъ въ по-

кояхъ отъ сквознаго вѣтра; окна, высоко продѣланныя въ стѣнѣ, въ предупрежденіе непріятельской стрѣлы, глубокиа какъ амбразуры, куда приходилось взбираться, и гдѣ устроены были сидѣнья: средневѣковая красавица принуждена сидѣть именно въ окнѣ, не у „косящата окна“. Присоедините ко всему этому церемонный, стѣснительный этикетъ и разобщенность феодальнаго быта. Для тѣхъ, кто жилъ въ его условіяхъ, весна была вдвойнѣ любя, она была освобожденіемъ. Все стремилось въ природу, обѣдало въ садахъ, на лугу; молодыя дамы устраивали себѣ ванны въ тѣни деревьевъ; цѣлымъ обществомъ отправлялись въ лѣсъ, жили въ шатрахъ и гадали по пѣнію кукушки, сколько кому осталось жить на свѣтѣ. Мужчины охотились въ лѣсу, дѣвушки рвали цвѣты, плели вѣнки, искали лѣчебныхъ травъ; всѣ вмѣстѣ пировали въ шатрахъ и день заканчивали веселыми играми (I, 345—346).

Вырваться изъ заперти феодальнаго замка прямо въ раздолья весны не то, что выйти въ него изъ деревенской хаты: ощущение было рѣзче, чувство монтировалось, иногда до вычурности. Съ восторгомъ привѣтствовалось появленіе первой фіалки; Нитгартъ находитъ ее на лугу, покрываетъ ее шляпой, но, о ужасъ! — подъ шляпой не фіалка, а нѣчто другое, ея ничуть не отзывающееся. Это крестьяне, не долюбливавшіе Нитгарта, пересмѣшника и волокиту, сыграли съ нимъ злую шутку; но нельзя лучше характеризовать противоположности здороваго реализма народной пѣсни и томнаго воркованія по веснѣ, которое мы встрѣчаемъ въ любовной лирикѣ миннезингеровъ. Что весна и любовь вызываютъ другъ друга — это и вѣрно, и реально; но когда весеннія картинки становятся общимъ мѣстомъ, а любовь уходитъ въ отвлеченныя пожеланія, вы предполагаете литературную манеру и лежащую въ глубинѣ психическую фальшь. Для нѣмецкой лирики я остановился бы преимущественно на послѣдней. По задаткамъ средневѣковые рыцари и дамы въ любви реалисты: дѣвушки нерѣдко сами и незойливо напрашиваются на любовь; если говорится, что онѣ присутствуютъ при купаньѣ заѣзжаго гостя, то это — дѣло обычая и этикета; но когда благосклонное расположеніе дамъ выражается тѣмъ, что онѣ дозволяютъ кавалерамъ, за отсутствіемъ полотенецъ, осушать руки объ ихъ рубашки (I, 360), это отзывается чѣмъ-то инымъ. О мужчинахъ говорить нечего: супружескія связи, говоритъ Гибертъ Ногентскій, — не удерживали ихъ отъ исканія другихъ любовныхъ отношеній (*ne illi unae conjuges a scootorum poterant et externarum carnum riva-*

litatibus cohibere, см. l. c. I, 452); сдерживалъ страхъ силы, требованія феодальнаго долга: ни одинъ ленникъ не смѣлъ, подѣ страхомъ утраты своего лена, любить жену или дочь своего сюзерена иначе, какъ платонически (Établissements de St. Louis, l. I, ch. L, l. c. I, 465). Въ формахъ феодальныхъ отношеній выработался и тотъ типъ служенія дамѣ-сюзерену, который легъ въ основу такъ-называемой рыцарской любви.

Приведенные факты заимствованы, главнымъ образомъ, изъ французскихъ источниковъ; но это для насъ безразлично. Важно то, что изъ такихъ матеріальныхъ отношеній выработался рыцарскій кодексъ, ихъ идеализировавшій, созданъ соотвѣтствующій ему общественный и поэтический стиль, созданъ—во Франціи. Въ Германію онъ явился привознымъ товаромъ, надо полагать потому, что тамъ не доставало условій для самостоятельнаго зарожденія соотвѣтствующей общественной и литературной формы. Усвоеніе могло быть только внѣшнимъ, дѣломъ сословной моды: рыцарю подобало служить, искать и вздыхать. „Я не крестьянка, что вы такъ скоро обратились ко мнѣ съ предложеніемъ любви“, говоритъ Gumele въ романѣ Eilhart'a von Oberg, и обзываетъ мужикомъ слишкомъ торопливаго кавалера.

Сверху модный кодексъ, внизу человекъ съ природными инстинктами, какъ у насъ непочатая грубость наивно мирилась съ внѣшнимъ европеизмомъ. Оттуда неизбежность внутреннихъ противорѣчій, контрасты между возвышенною и низменною любовью (höhere und niedere Minne) и внезапное огрубѣніе нравовъ, когда рушались тѣ внѣшнія условія, на которыхъ держалась жизнь этикета и салоннаго чувства.

Что огрубѣніе было, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Для историка культуры важно опредѣлить его мѣру, а опредѣленіе будетъ зависѣть отъ того, какъ мы отнесемся къ содержанію нѣмецкой лирики въ цвѣтущую эпоху рыцарства, какъ отдѣлимъ въ ней правду отъ идеализаціи. Такова ли была въ самомъ дѣлѣ жизнь чувства, какою она извѣстна намъ въ лучшихъ представителяхъ Minnesang'a? Во всякой поэзіи есть необходимая доля шаржа, тѣмъ болѣе въ поэтическомъ стилѣ, занесенномъ со стороны, не въ своемъ. При послѣднемъ предположеніи поэзія могла и не выражать дѣйствительнаго подъема чувства, и позднѣйшее огрубѣніе его представится намъ не упадкомъ и переломомъ жизни, а упадкомъ литературной манеры, не поддерживаемой болѣе внѣшними условіями, при которыхъ она впервые была усвоена.

Такимъ образомъ мы снова вернулись къ вопросу о пригодности поэтического матеріала для культурно-историческихъ наведеній.

III.

Французское вліяніе проходитъ красною ниткой черезъ всю исторію средневѣковой нѣмецкой жизни; не изучивъ перваго, не понять и послѣдней, въ проявленіяхъ ея литературы и искусства. Шульцъ ясно поставилъ этотъ вопросъ въ приведенныхъ выше словахъ своего введенія; въ самой книгѣ разсѣяно множество указаній на французскія отношенія и заимствованія; для полноты обзора, для того, чтобы уяснить себѣ въ цѣломъ объемѣ одинъ изъ важныхъ внѣшнихъ факторовъ средневѣковой нѣмецкой образованности, полезно было бы, чтобы всѣ эти указанія являлись въ извѣстной внѣшней связи, — но этого не было въ планѣ книги.

Не было въ этомъ планѣ и разсмотрѣнія церковной древности — потому ли что между нею и жизнью высшихъ классовъ (*höfisches Leben*) было мало точекъ соприкосновенія? Церковь и созданная ею школа были проводниками греко-римскаго образовательнаго преданія, усвоивавшагося болѣе или менѣе глубоко, но на столько опредѣливаго складъ народнаго сознанія, что съ ними не можетъ не считаться историкъ внутренней культуры. Хотя бы въ области чувства: порывы мистической любви представляются намъ болѣе жизненнымъ проявленіемъ того платонизма, который въ свѣтской лирикѣ мы заподозрили въ формализмѣ. Школьнаго дѣла Шульцъ коснулся лишь стороною, по поводу воспитанія будущаго рыцаря; драмы, вышедшей изъ церкви и школы, не коснулся вовсе. Болѣе вниманія обращено на другую народную струю греко-римскаго преданія, хотя именно эта зависимость опредѣленно не указана и не прослѣжена. Я разумѣю нѣмецкихъ шпильмановъ, которыхъ надлежало тѣснѣе пріурочить къ традиціи римскихъ мимовъ и гистріоновъ. Не одни лишь названія, съ какими они являются въ средніе вѣка (*joculator* = жонглёръ, *sauculagius* = нѣм. *Gausler*, и т. п.), но ихъ обликъ и репертуаръ представляются въ значительной мѣрѣ древними. Какъ гистріоны Исидора Севильскаго, какъ греческіе мимы XIV вѣка, такъ провансальскіе и французскіе жонглёры надѣваютъ маски и личны. Всюду, гдѣ ни засвидѣтельствовано присутствіе этихъ международных потѣшниковъ, они примыкаютъ къ народной обрядности, являются на ея годовичныхъ празднествахъ, увеличивая ихъ театральность и съ народнымъ весельемъ

нерѣдко проникая въ церковь. Запретъ Вормскаго собора 1316 года противъ употребленія въ церкви масокъ (*in ecclesia ludi fiunt theatales et non solum in ecclesia introducuntur monstra larvarum*), очевидно, относится къ *mimi* и *jogellatores*, упоминаемыхъ тотчасъ послѣ. Отсюда ихъ позднѣйшая, нѣсколько внѣшняя роль въ средневѣковой драмѣ, гдѣ они являются въ образѣ маскированного *proclamator*, *praecursor*, либо въ значеніи потѣшника, *Narr'a*, напоминающаго скурру римскаго мима.

Наслѣдники греко-римскаго преданія, шпильманы были по преимуществу народъ бродячій, набравшійся отовсюду и отовсюду приносившій новые элементы потѣхи и „глумленія“. Въ ихъ инструментальномъ репертуарѣ (I. с. I, 429 и слѣд.) туземные инструменты исчезаютъ за древними, классическими по крайней мѣрѣ по названію, и за цѣлымъ рядомъ восточныхъ, арабскихъ. Они играютъ на пирахъ, на свадьбахъ, на крестьянскихъ праздникахъ; нѣмецкіе скрипачи и чешскіе флейтисты пользуются славой уже съ XIII вѣка. Шульцъ (I, 424 и слѣд.) сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о средневѣковыхъ танцахъ, преимущественно крестьянскихъ, такъ какъ о подобномъ же развлеченіи высшихъ классовъ поэмы почти не говорятъ. Между этими танцами одинъ по крайней мѣрѣ—славянскаго происхожденія, какъ то доказалъ Вейнгольдъ: *ridewanz*, чешск. *rejdowák*, слово, которое, въ свою очередь, примыкаетъ къ нѣмецкому корню. Значеніе другаго загадочно: Шульцъ цитуетъ Нитгарта, австрійскаго поэта XIII вѣка:

*Gar weidenlich trat si den Fulafranzen,
Ir lugge spring stuont siuberlich ze tanzen.*

„Она бодро выступала въ пляскѣ (*Fulafranz*), ея ловкіе прыжки шли къ танцу“. *Fulafranz*, вѣроятно, вмѣсто *Furlafanz*; *Firlifanz* приводитъ Лексеръ, въ значеніи „особой пляски“, указывая на *firlei*, *firlafei* и т. п., какъ на сокращенныя формы предыдущаго слова. *Firletanz* и *tirletanz* употребляются въ значеніи дѣтской игрушки. При другомъ случаѣ ¹⁾ я упомянулъ, что Veit Weinberg (+1580), говоря подъ 1374 годомъ о маніи Ивановской пляски, приводитъ по этому поводу слово *Firlefanzt*:

*Diese Zeit erhub sich ein Firlefanzt,
hiezt man Sanct Iohans Dantz,
junge und alt gelauffen
mit Buberey zu hauffen,*

¹⁾ Въ моемъ отчетѣ о сборникѣ Чубинскаго, въ 22-мъ присужденіи Уваровскихъ премій, стр. 23—4.

и что то же реченіе (*Firlefan*) обозначало въ Voigtland'ѣ ту обрядовую игру на Ивановъ день, въ заключеніе которой ввергали въ воду какого-то *Johannes*. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то причудливо измѣненнымъ, не нѣмецкимъ словомъ. Вейнгольдъ отдѣляетъ *Fulafranz* отъ *Firlefan*, которое сближаетъ съ *gefirle*, *gefirre* шлезвигскаго говора, въ значеніи: быстрый, скорый; Гриммъ (*Wb. a. v. firlefan*, *alefan*, *fan*) сравниваетъ послѣднюю часть слова съ сѣв. *fantr* = *nebulo*, *fatuus*, *nequam*; *firlefan* означало первоначально (какъ и *alefan*) чужеземца, захожаго человѣка, а впослѣдствіи занесенный ими танецъ. Очень вѣроятно, что въ *firlefan* ощутили именно слово *fan* = сѣверн. *fantr*, какъ бы впрочемъ не объяснили себѣ его происхожденіе (сл. Grimm I. с. и Vigfusson a. v.); но это, быть можетъ, лишь народно-этимологическое осмысленіе. Если предположить первичную форму *Furlafan*, то можно бы указать, какъ на ея возможный источникъ, на фурлянскую народную пляску, *la Furlana*, съ значеніемъ нѣсколько обобщеннымъ.

Ridewanz = *rejdownak* принадлежитъ къ немногимъ подробностямъ славянскаго слова и быта, проникшимъ въ литературный языкъ средне-вѣковой Германіи. Что такое „словинскій рогъ“, *windisch Horn* (I. с. I, 436), я не знаю, какъ не знаю, что такое упоминаемое Лихтенштейномъ *godehse*: „*daz ist ein windisch wibes kleit*“ (I. с. I, 197). *Kürsen* (староверхненѣм. *chursinna*, *crusina*) = шуба, Вейнгольдъ считаетъ заимствованнымъ съ славянскаго (см. *Lexen*, a. v.; *Miclosich*, *Lex. a. v.* крѣзно: *vocabulum peregrinum*?); отъ славянскихъ мореходовъ (I, 228) заимствованы, вѣроятно, среднелат. *slavini*, *slavina*, старофр. *esclavine*, средневерхнен. *slavenie*, въ значеніи плаща изъ грубой шерстяной ткани, который преимущественно носили путники и пилигримы (*Lexen*, a. v.). *Sucken*, *suggen* (*Schultz*, I, 196—7, 225; *Lexen* a. v. см. *Cihac*, *Dict. d'étymolog. dacorumane*, II, a. v. *sucman*) также первоначально славянское слово: польск. *sucnia*, чешск. *sucně*, сербск. хорв. словинск. *suknja*; среднегреч. *σοοκνία*, среднелат. *succania* и т. п., старофранц. *souquenie*, новофранц. *souquenille*.—Шульцъ (II, 185) сравниваетъ *vlat sche*, *vletsche* = мечъ съ широкимъ лезвиемъ — съ польск. (очевидно не славянскимъ) *pałasz* и подозреваетъ (I. с. II, 183) въ *palczat* Оттокара Штирскаго (*Ain palczat furt er in der hant*, *Damit slucg er*) нѣчто въ родѣ — палицы. Оба слова, можетъ быть, связаны этимологически.

Я кончу замѣткой о такъ-называемыхъ *railes de Rousie*, которыя авторъ упоминаетъ въ обзорѣ матерій, встрѣчающихся въ поэ-

тическихъ описаніяхъ срецевѣковаго костюма (I, 249 и слѣд.). Между ними множество восточныхъ, греческихъ, французскихъ, но и такихъ, которыхъ приуроченіе и толкованіе совершенно фантастическое. Въ числѣ прочихъ поминаются и *railes* (*raile*=*pallium*, средневерхнев. *phell*) de Rosie, de Rousie, либо: *La cote fu de soie de l'uevre de Rousie* (l. p. 225). Подъ *raile*, *phell* разумѣлся первоначально родъ одежды, мантии, въ послѣдствіи родъ парчи, либо общѣ—всякая драгоценная шелковая ткань. Обычное толкованіе разумѣетъ русскія ткани, матеріи, получавшіяся изъ Россіи, либо черезъ Россію. Такъ понимаетъ и Шульцъ, когда говоритъ о русскихъ и славянскихъ (*pale esclavon*) матеріяхъ, которыхъ доставляли сухимъ путемъ съ востока. Припомню по этому поводу старое названіе Керченскаго порта: *Rossia*. Но едва ли мы не поступимъ осторожно, отказавшись отъ этого торговаго посредничества. Тѣ русскія ткани—греческія, и именно пурпурныя: слѣдуетъ только писать *railes de rousie*, вспоминая значеніе среднегреч. *ρουσαῖος*, *ρουσαῖος*: *ρούσιος*, *russeus*, *κόκκινος*, *πορφυροῦς*, и слѣдующія цитаты изъ *Chronicon Alexandrinum*: *οἱ δὲ περιβόλαια, οἱ δὲ φίβλας καὶ μαντεῖα ἐποίησαν ἑαυτοῖς πορφύρα ἢ ρουσαῖα, βάπτοντες τὰ ἀπὸ βοτάνων;... φορούντων χλαμύδας ἐχούσας ταβλία ρούσαια;... τζαγγία.... ρούσαια* (у Теофана: *ρουσία*). Сл. *Isid. lib. 19 Orig. c. 22: Russata (vestis) quam Graeci Phoeniceam vocant, nos Coccineam. Μαντεῖα или μαντῖα ρουσαῖα*=*railes de rousie*?

Книга Шульца вызвала нѣсколько подробныхъ, вообще хвалебныхъ разборовъ, выражавшихъ, между прочимъ, сожалѣніе, что подобный трудъ былъ сдѣланъ не филологомъ, а историкомъ искусства. Очень можетъ быть, что филологъ съ своей стороны проглядѣлъ-бы многое въ области реальной археологіи, какъ авторъ нашего изслѣдованія не удовлетворилъ всѣмъ ожиданіямъ филолога; можно сказать положительно, что въ работѣ послѣдняго мы еще чаще встрѣтились бы съ увлеченіемъ литературнымъ матеріаломъ и съ стремленіемъ непосредственно заключать отъ содержанія поэзіи къ содержанію жизни.

Александръ Веселовскій.

ПОПРАВКА.

Въ майской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ статьѣ „Графъ Вуичъ въ Черногоріи“, вкрались слѣдующія опечатки:

Стран.	строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
116	2 сверху	несчастнаго	Черногорскаго
119	16 снизу	съ Вѣнѣ	въ Вѣнѣ
120	19 сверху	Милошичъ	Милетичъ
121	14 снизу	рѣшился	рѣшился
124	9 „	Клишеншы	Климентій
130	2 сверху	да извѣститъ	да извѣстишь
131	6 снизу	унское	умское
129	11 „	Послѣ словъ «Въ 1795 году августа 5 числа» слѣдуетъ вставить «Общимъ совѣтомъ первѣйшихъ людей тамошняго народа избранный комендантъ мѣста того» нѣкій и т. д.	

КЪ ВОПРОСУ О ЧЕРЧЕНИИ КАРТЪ ВЪ КЛАССЪ.

При изслѣдованіи неизвѣстной или мало извѣстной страны въ географическомъ отношеніи производятъ весьма различныя наблюденія и измѣренія. Такъ, опредѣляется географическое положеніе различныхъ пунктовъ, высоты ихъ надъ уровнемъ моря, направленіе горныхъ цѣпей и покатостей, наблюдаются измѣненія температуры, направленіе и сила вѣтровъ, количество водяныхъ осадковъ и т. д. По окончаніи изслѣдованія, географъ приступаетъ къ обработкѣ научнаго матеріала, собраннаго во время путешествія, и затѣмъ старается дать болѣе или менѣе полное описаніе страны. На основаніи такого рода научныхъ изслѣдованій составляются и карты страны.

Какъ описаніе, такъ и карты, могутъ быть исправляемы и дополняемы новыми изслѣдованіями, но во всякомъ случаѣ содержаніе перваго всегда будетъ соответствовать достоинствамъ послѣднихъ, и на оборотъ. По картѣ мы можемъ судить о полнотѣ изслѣдованія страны: чѣмъ точнѣе карта, тѣмъ страна лучше изслѣдована. Измѣненія карты источниковъ Нила хорошо уясняютъ сказанное. Послѣ путешествія Слика и Гранта появилось озеро Викторія-Ніанза, затѣмъ изслѣдованія Бекера прибавили къ картѣ озеро Албертъ-Ніанза, но контуры береговъ его чертились предположительно, неточно, такъ какъ оно не было хорошо изслѣдовано. Въ настоящее время озеро Альбертъ представляется въ видѣ двухъ хорошо очерченныхъ водовмѣстилищъ, изъ которыхъ только сѣверное имѣетъ связь съ Бѣлымъ Ниломъ. Другой примѣръ представляетъ карта Балканскаго полу-

острова. Во время русско-турецкой войны и занятія Босніи Австрійцами были произведены новыя гипсометрическія измѣренія, по которымъ была исправлена орографическая карта полуострова. Вслѣдствіе такихъ исправленій взглядъ на рельефъ Балканскаго полуострова долженъ совершенно измѣниться. Такимъ образомъ ясно, какое громадное значеніе имѣетъ карта при изученіи страны: точная карта можетъ быть названа общею картиной страны, картиной, написанною условными знаками.

Если мы изъ сферы широкихъ научныхъ изслѣдованій перенесемъ въ узкія рамки географіи, какъ учебнаго предмета, то увидимъ, что изученіе этой науки въ школѣ основывается на научныхъ результатахъ, являющихся въ формѣ подробнаго всесторонняго описанія страны и точной ея карты. Научное описаніе страны для усвоенія требуетъ знакомства съ литературой и извѣстной подготовки, такъ что оно недоступно дѣтямъ, съ которыми обыкновенно приходится начинать изученіе географіи. Научное описаніе замѣняется краткими свѣдѣніями учебника, который—замѣчу кстати—какъ бы ни былъ кратокъ, долженъ стоять въ фактическомъ отношеніи на высотѣ науки и не долженъ искажать научные факты, чтобы сдѣлать ихъ болѣе понятными. Карта же, при помощи преподавателя, является вполне доступною для изученія, такъ что на это занятіе и должно быть, главнымъ образомъ, обращено вниманіе учениковъ, на немъ должно быть основано преподаваніе географіи и въ школѣ. Такъ какъ всякая точная карта чертится по сѣткѣ, построенной на научныхъ основахъ, и всѣ свѣдѣнія наносятся на карту посредствомъ особыхъ знаковъ, то прежде чѣмъ приступить къ изученію карты, необходимо разсмотрѣть съ учениками, хотя бы въ самыхъ элементарныхъ чертахъ, устройство географической сѣтки на глобусѣ и плоскошаріи, дать понятіе о широтѣ и долготѣ, а затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію знаковъ, употребляемыхъ на картахъ для обозначенія береговой линіи, рельефа поверхности, рѣкъ, озеръ и т. д. Всѣ эти предварительныя понятія преподаются въ такъ-называемомъ вводномъ или подготовительномъ курсѣ, который, по смыслу своего существованія, долженъ предшествовать изученію частей свѣта и государствъ въ опредѣленномъ порядкѣ, то-есть, курсу систематическому.

Какъ пройти съ учениками оба эти курса, другими словами, какъ наилучшимъ способомъ преподавать географію въ школѣ? Это вопросъ очень интересный, но на него нельзя отвѣчать точно и опредѣленно. Трудно, если не совсѣмъ не возможно, написать такую программу, ко-

торая по распредѣленію учебнаго матеріала подходила бы подъ требованія всѣхъ учебныхъ заведеній; въ этомъ случаѣ нужно примѣняться, такъ-сказать, къ мѣстнымъ условіямъ. Что касается до методовъ преподаванія, то они довольно разнообразны.

На русскомъ и на иностранныхъ языкахъ существуетъ множество статей, касающихся методовъ преподаванія географіи. Въ книгѣ Оберлендера: „Methodik des geographischen Unterrichts“ разобраны всѣ главные методы, практикуемые германскими педагогами, но это — только типы методовъ, между которыми должны существовать переходныя формы, зависящія отъ индивидуальности преподавателей. Каждый преподаватель создаетъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики свой методъ, часто сильно отличающійся отъ принятаго имъ первоначально. Я не буду входить здѣсь въ подробный разборъ методовъ географическаго обученія, а остановлюсь только на томъ, какъ слѣдуетъ примѣнять къ преподаванію географіи черченіе картъ въ классѣ. Я постараюсь дать оцѣнку класснаго черченія и указать ту долю участія, которое оно должно принимать въ школьномъ курсѣ географіи.

Въ настоящее время черченіе картъ преподавателями и учениками въ классѣ считается необходимою принадлежностью преподаванія географіи. Такое мнѣніе основывается на томъ, что карта, начерченная ученикомъ подъ руководствомъ преподавателя, помогаетъ первому легче запоминать географическіе факты. Дѣло происходитъ обыкновенно такъ: преподаватель чертитъ карту на классной доскѣ, а ученики счерчиваютъ эту карту въ свои тетради. Не оспаривая пользы черченія картъ въ классѣ, позволимъ себѣ поставить слѣдующій вопросъ: можетъ ли карта, начерченная преподавателемъ на доскѣ и счерченная учениками въ тетради, служить основаніемъ для изученія какого-нибудь отдѣла земной поверхности? Другими словами, мы возбуждаемъ вопросъ о достоинствахъ классныхъ картъ, ибо отъ точности картъ, какъ мы старались доказать выше, зависитъ въ значительной степени точность нашихъ познаній о странѣ.

Для рѣшенія этого вопроса всего лучше было бы разсмотрѣть классныя карты учителей и учениковъ, но за неудобствомъ и даже невозможностью сдѣлать это, остается обратиться къ атласамъ и руководствамъ для класснаго черченія картъ, которые существуютъ, какъ у насъ, такъ и за границею. Чтобы быть вполне понятнымъ, я буду имѣть въ виду общеизвѣстныя и самыя распространенныя руководства для класснаго черченія картъ, а именно:

1) Пуликовскаго, А. О.: Учебный географическій атласъ съ указаніемъ приѣмъ класснаго черченія картъ.

2) Михайлова, И. Н.: Географическіе чертежи, съ нагляднымъ выясненіемъ приѣмовъ класснаго черченія.

3) Голубева: Правила для черченія географическихъ и историческихъ картъ.

4) Поддубнаго: Пособіе для черченія картъ.

5) Раевского, Н. И.: Построеніе и черченіе картъ.—Это послѣднее руководство представляетъ главнымъ образомъ выясненіе научныхъ основаній къ построенію различныхъ проэкцій сѣтокъ. Изъ учебныхъ чертежей тамъ находится только карта Америки по методу Канштейна.

Приведенныхъ руководствъ, по моему мнѣнію, совершенно достаточно для нашей цѣли, даже было бы достаточно разсмотрѣніе нѣсколькихъ картъ, взятыхъ изъ разныхъ руководствъ. Всѣ только что упомянутые чертежи и атласы составлены и изданы нашими извѣстнѣйшими преподавателями географіи, но можно сказать навѣрное, не только они, но и большинство преподавателей, употребляютъ для класснаго черченія какой-нибудь одинъ способъ изъ числа предложенныхъ въ упомянутыхъ руководствахъ. Можно сказать, что большинство учебныхъ картъ есть болѣе или менѣе точное воспроизведеніе образцовъ, находящихся въ вышеприведенныхъ руководствахъ. При разсмотрѣніи послѣднихъ остановимся на слѣдующихъ главнѣйшихъ четырехъ пунктахъ: 1) построеніе сѣтки и контуръ материковъ, 2) извилины береговой линіи и рѣкъ, 3) устройство поверхности, и 4) климатическія данныя.

1) Сѣтки классныхъ картъ суть совершенно особые построенія, которыя можно, пожалуй, назвать учебными сѣтками. Онѣ болѣею частію не основаны ни на одной извѣстной картографической проэкціи. Преобладающій типъ—это сѣтка съ параллелями въ видѣ горизонтальныхъ линій и съ меридіанами въ видѣ прямыхъ, сходящихся, или еще хуже, ломаныхъ линій. Всѣ карты г. Михайлова составлены по этой сѣткѣ, а въ другихъ руководствахъ она употреблена для частей Европы и для полныхъ картъ Африки и Америки. Меридіаны въ видѣ ломаныхъ линій представляются самою большою ошибкою въ этой сѣткѣ. При извѣстной постановкѣ глобуса и на картѣ плоскошарій, начерченныхъ по стереографической экваторіальной проэкціи, средній меридіанъ и экваторъ являются въ видѣ прямыхъ линій, но ломаными линіями никогда не представляются ни параллели, ни ме-

ридіаны, такъ что построеніе разсматриваемой сѣтки глубоко противорѣчитъ свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ учениками при разсматриваніи сѣтки на глобусѣ и плоскошаріи. Невѣрность ея особенно обнаруживается при черченіи большихъ пространствъ. Въ такихъ случаяхъ углы между параллелями и меридіанами сильно заостряются, особенно на краяхъ карты, а контуры частей свѣта, также по краямъ, обезображиваются. Особенно сильному искаженію подвергается Восточная Сибирь на картѣ Азіи, Великобританія, Ирландія, Франція, Пиринейскій полуостровъ на картѣ Европы, территорія Аляска въ Америкѣ. Употребленіе дугъ круговъ для параллелей мы видимъ у г. Пуликовского для карты Азіи и у г. Голубева для картъ Азіи и Европейской и Азіатской Россіи, при чемъ у обоихъ на картѣ Азіи находятся меридіаны, ломающіеся или на 50-й или на 40-й параллели.

Черченіе контура материковъ на сѣткѣ съ дугообразными параллелями даетъ, безъ сомнѣнія, несравненно болѣе вѣрные результаты, но самый способъ проведенія такихъ параллелей довольно сложенъ, особенно для начинающихъ. Кромѣ того, при этомъ держатся правила, имѣющаго научное основаніе, но необъяснимаго ученикамъ: именно, почему центръ всѣхъ параллелей берется не въ полюсѣ, а на 20° за полюсомъ, такъ что ученики слѣдуютъ этому правилу механически. Наконецъ, у г. Пуликовского на общей картѣ Европы предлагаются параллели въ видѣ ломаныхъ линій. Къ критикѣ такого пріема можно приложить то же, что уже сказано объ употребленіи ломаныхъ меридіановъ. Самый способъ черченія параллелей, предложенный при этомъ, состоитъ въ употребленіи картонной трапеціи, по которой линируются части параллелей и меридіановъ. Можетъ быть, и практично, но безвкусно и автоматически.

Величина градусовъ различныхъ параллелей, необходимая для проведенія меридіановъ, дается ученикамъ неточно. Обыкновенно принимается: градусъ 40-й параллели равнымъ $\frac{3}{4}$ градуса экватора или меридіана, то-есть, 11,25 географическихъ миль, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ равенъ 11,51 геогр. миль, гр. 50-й параллели за $\frac{3}{4}$ гр. экв. или 10 геогр. миль, а онъ = 9,66 г. м., гр. 60-й пар. за $\frac{1}{2}$ гр. экв. или 7,5 г. м., а онъ = 7,52 г. м., гр. 70-й пар. за $\frac{1}{3}$ гр. экв. или 5 г. м., тогда какъ онъ = 5,14 г. м. Наконецъ, на картахъ г. Михайлова градусъ 80-й параллели берется равнымъ $\frac{1}{4}$ градуса экватора, между тѣмъ какъ онъ равенъ 2,61 геогр. м., то-есть, на 1,14 г. м. менѣе. Если мы вычислимъ, на сколько, вслѣдствіе неточно взятой величины, удлинится на картѣ Азіи 50-я параллель,

то получимъ три слишкомъ градуса. Изъ предыдущаго ясно, что разобранныя учебныя сѣтки главнымъ образомъ страдаютъ отсутствіемъ криволинейныхъ меридіановъ, что происходитъ вслѣдствіе полнѣйшей невозможности преподавать дѣтямъ способъ ихъ черченія.

2) Очеркъ береговой линіи, извилины рѣкъ и границъ представляютъ замѣтныя неточности во всѣхъ упомянутыхъ руководствахъ и атласахъ. Предположимъ, что карты, вошедшія въ составъ руководства, были для изданія начерчены наизусть, и что на классной доскѣ будутъ только тѣ ошибки, которыя находятся въ печатныхъ чертежахъ; и въ такомъ случаѣ, ученики, счерчивая съ карты, повторяютъ, и какъ это обыкновенно бываетъ, усилятъ неточности карты преподавателя.

Особенно это можетъ случиться съ угловатымъ контуромъ береговой линіи на картахъ г. Пуликовскаго. Какой-нибудь мысъ Спартивенто, выдвинутый преподавателемъ съ педагогическими цѣлями нѣсколько дальше, чѣмъ слѣдуетъ, превратится на картѣ ученика въ цѣлый полуостровъ. Конечно, трудно, если не совершенно невозможно, избѣжать ошибокъ въ извилинахъ береговой линіи, рѣкъ и границъ, хотя бы преподаватель обладалъ огромною опытностью; тѣмъ не менѣе эти ошибки ведутъ къ возбужденію ложныхъ представленій у ученика, если не исправлять ихъ, обращая вниманіе его на стѣнную карту или на карту учебнаго атласа. Въ особенности неудаченъ способъ черченія береговъ и рѣкъ безъ всякихъ извилинъ въ видѣ прямыхъ или слегка изогнутыхъ линій. Примѣръ такого способа черченія мы находимъ на нѣкоторыхъ картахъ г. Голубева и на цѣлой серіи картъ г. Михайлова. Въ этомъ случаѣ не дается никакого понятія о свойствахъ берега, одинаково высматриваютъ западный берегъ Скандинавскаго полуострова, южный берегъ Великобританіи и западный берегъ Франціи, то-есть, берега, совершенно не сходные по свойствамъ.

3) Точное изображеніе рельефа поверхности на классныхъ картахъ учениковъ, безъ излишняго труда и потери времени, представляетъ едва ли не самую трудную задачу. Самымъ доступнымъ по исполненію, хотя и не полнымъ изображеніемъ рельефа, мы считаемъ способъ г. Голубева, который даетъ только направленіе горныхъ цѣпей и особыми знаками обозначаетъ различіе въ крутизнѣ склоновъ. Изображеніе рельефа у г. Пуликовскаго хотя и художественно по исполненію, но требуетъ отъ ученика значительнаго навыка въ тушовкѣ и развитія художественнаго вкуса. Кромѣ того, такъ какъ низмен-

ности обозначаются у г. Пуликовскаго зеленымъ полемъ, то во избѣжаніе ошибокъ и неточностей необходимо, чтобъ ученики употребляли въ классѣ цвѣтные карандаши или краски, но и въ такомъ случаѣ исполненіе рельефа начинающими учениками возможно при громадной потерѣ времени. По нашему мнѣнію, воспроизведеніе рельефа Азіи потребуетъ не менѣе пяти или шести часовъ, а для Европы нужно еще гораздо болѣе, и все-таки работы учениковъ будутъ далеки отъ оригинала.

Впрочемъ, г. Пуликовскій въ предисловіи ко второму выпуску своего атласа указываетъ, что при черченіи карты требуется отъ учениковъ только нанесеніе направленія горныхъ хребтовъ, что, конечно, упрощаетъ дѣло, но даетъ неполный рельефъ. Устройство поверхности на картахъ г. Михайлова гораздо проще и можетъ быть исполнено простыми карандашами или даже перомъ. Высокія площади изображены штрихами, идущими по одному направленію во всю ширину плоскогорья. Горныя цѣпи чертятся также штрихами, только болѣе частыми, пересѣкающимися по двумъ или тремъ направленіямъ, смотря по высотѣ горъ. Такой способъ, хотя и простъ въ основаніи, но требуетъ большой внимательности и аккуратности,—иначе вся карта представить безобразный видъ, и на ней нельзя будетъ отличить элементовъ рельефа.

4) Климатическія учебныя карты находятся только въ атласѣ г. Пуликовскаго. Для внѣевропейскихъ частей свѣта даны различныя степени атмосфернаго орошенія посредствомъ трехъ оттѣнковъ голубой краски, а для Европы даны даже и изотермы. Что касается до послѣднихъ, то мнѣ кажется, едва ли возможно дать ясное понятіе о среднихъ температурахъ и способахъ ихъ вывода ученикамъ, съ которыми приходится проходить Европу; понятіе объ относительномъ количествѣ дождей должно быть уложено въ головахъ учениковъ какъ выводъ изъ условій климата, такъ что наглядное изображеніе этого факта, по моему мнѣнію, излишне. Другое дѣло—нанесеніе направленія вѣтровъ и морскихъ теченій, такъ какъ тѣ и другія представляютъ собою нѣкоторыя условія климата, и какъ основанія для выводовъ, должны быть хорошо усвоены. Кромѣ того, черченіе направленія вѣтровъ и морскихъ теченій представляеть очень легкую работу, которую можно произвести отчетливо.

Изъ приведеннаго разбора классныхъ картъ видно, что всѣ онѣ представляютъ цѣлый рядъ ошибокъ и неточностей. Географическія свѣти употребляемыя при черченіи, большею частію не оправдываются

научными данными и по устройству своему не представляютъ сходства ни съ одною стѣнною картой или картой учебнаго атласа. Это вліяетъ на очеркъ материковъ, который часто является обезображеннымъ. Извилины береговой полосы представляютъ рядъ неточностей, часто придающихъ совсѣмъ иной характеръ берегу. Рѣки, изъ стремленія къ упрощенію ихъ черченія, часто также теряютъ характерныя извилины. вмѣсто рельефа можно съ точностію изобразить только направленіе горныхъ цѣпей. На основаніи всего сказаннаго, мнѣ кажется, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: Классная карта, начерченная учителемъ въ классѣ и счерченная учениками въ тетради, не можетъ, по своей ошибочности, служить источникомъ изученія какой-либо страны. Между тѣмъ до сихъ поръ практикуется методъ обученія географіи, при которомъ черченіе ведется рука объ руку съ изученіемъ страны или части свѣта, безъ обращенія должнаго вниманія на стѣнныя карты и карты учебнаго атласа. Въ Германіи такой методъ извѣстенъ подъ именемъ конструктивнаго или строительнаго. Въ методикѣ Оберлендера конструктивный методъ охарактеризованъ слѣдующимъ образомъ: „При конструктивномъ методѣ ученикъ самостоятельно знакомится посредствомъ черченія картъ съ формами земныхъ пространствъ и въ большинствѣ случаевъ даже раньше, чѣмъ приступить къ изученію ихъ. Все достойное вниманія и имѣющее быть разсмотрѣннымъ должно быть сначала нарисовано, такъ что черченіе картъ при этомъ методѣ является первымъ и самымъ главнымъ средствомъ преподаванія географіи“. Въ существованіи подобнаго метода у насъ убѣждаютъ слова г. Пуликовскаго, находящіяся въ предисловіи къ его атласу: „Классныя чертежи возникаютъ на доскѣ постепенно, параллельно слову учителя, подобно тому какъ это дѣлается при преподаваніи математики“. Изъ этихъ опредѣленій видно, что въ обоихъ случаяхъ для изученія земныхъ пространствъ служатъ не атласъ и не стѣнная карта, а ошибочныя карты учителя и еще болѣе ошибочныя карты учениковъ.

Мы полагаемъ, что такая постановка дѣла нераціональна. Преподаваніе не должно возбуждать въ ученикахъ неправильныя представленія. Сами ученики обыкновенно стѣсняются неправильностію своихъ картъ и часто просятъ позволенія перечертить ихъ дома, но и перечерченные карты представляютъ массу ошибокъ. Черченіе рука объ руку съ объясненіями и разказомъ преподавателя ведетъ къ тому, что ученикъ долженъ за разъ упражнять зрительное и слуховое вниманіе, чего нельзя требовать: это очень трудно и для

взрослаго человѣка. Въ результатѣ должно выйти слѣдующее: или ученикъ бѣольшую часть разказа учителя пропустилъ мимо ушей и начертилъ карту, или заслушавшись преподавателя, ничего не начертилъ. Сколько намъ извѣстно, на русскомъ языкѣ не было до сихъ поръ критики конструктивнаго метода, а потому мы позволимъ себѣ подтвердить высказанныя мысли ссылкой на иностранныхъ педагоговъ. Вотъ что говоритъ противъ конструктивнаго метода Пранге: „Школы не могутъ откладывать преподаванія географіи до тѣхъ поръ, пока навыкъ учениковъ въ черченіи разовьется до сколько-нибудь удовлетворительнаго изображенія картъ; притомъ онѣ вынуждены дать съ самаго начала преподаванію рисованія совсѣмъ другое направленіе, не подготовляющее въ частности къ черченію картъ, да и не имѣютъ даже возможности тратить много времени на такое приготовленіе. Черченіе картъ отъ руки поэтому вовсе не входитъ въ ихъ задачу. Всѣмъ извѣстно, что это бывають за карты, и представляютъ ли онѣ точный снимокъ съ той страны, которую требуется запечатлѣть въ памяти. Начинающіе не видятъ многихъ изгибовъ контура, не имѣютъ еще правильнаго понятія о мѣрѣ, не умѣютъ еще съ увѣренностію, ловкостію и опрятностію обходиться съ чертежными снарядами и представляютъ поэтому очень неблагоприятные результаты своихъ трудовъ, которые являютъ лишь грубыми подобіями картъ, особливо въ переполненныхъ классахъ. Если же предоставить черченіе картъ домашней работѣ, то теряется его педагогическое значеніе. Поэтому, въ большинствѣ школъ, при преподаваніи географіи никакъ нельзя съ пользою употреблять методъ черченія“.

Другое довольно вѣское слово противъ конструктивнаго метода сказано въ 1881 году на съѣздѣ нѣмецкихъ географовъ. Этотъ съѣздъ состоялъ изъ 80 представителей науки географіи, какъ профессоровъ, такъ и учителей. Геттингенскій профессоръ Вагнеръ (издатель *Geographisches Jahrbuch*) поднялъ вопросъ о чертежномъ способѣ преподаванія географіи и выставилъ нѣсколько тезисовъ, которые были разобраны членами съѣзда. Затѣмъ единогласно были формулированы слѣдующія положенія, касающіяся конструктивнаго метода:

- а) Съѣздъ отрицаетъ замѣну всѣхъ линій карты прямыми линіями, потому что послѣднія не благопріятствуютъ развитію въ ученикахъ чувства формы и портятъ вкусъ.
- б) Съѣздъ рѣшительно высказывается противъ систематическаго

проведенія такъ-называемаго конструктивнаго метода въ преподаваніи, потому что онъ требуетъ искусственной системы главныхъ пунктовъ и вспомогательныхъ линій, которыя въ высшей степени отягощаютъ память и не имѣютъ никакого значенія для способности воспріятія учениковъ.

в) Съѣздъ рѣшительно высказывается противъ распространенія въ кругѣ учениковъ печатныхъ „кулачныхъ чертежей“, такъ какъ они никогда не должны быть исходнымъ пунктомъ обученія, и такъ какъ угрожаетъ близкая опасность, что они вытѣснятъ карту.

Мы видимъ, что съѣздъ нѣмецкихъ географовъ указалъ на весьма важный недостатокъ класснаго черченія, именно на употребленіе вспомогательныхъ пунктовъ и линій. Дѣйствительно, злоупотребленіе терпѣніемъ и памятью учениковъ доходитъ при классномъ черченіи до громадныхъ размѣровъ. Такъ, у г. Михайлова на картѣ Европы находятся около семидесяти пунктовъ и около двадцати линій для вспомогательной сѣтки, а у г. Пуликовскаго—до тридцати пунктовъ.

Рѣзко высказываясь противъ увлеченій картографическимъ методомъ, съѣздъ нѣмецкихъ географовъ признаетъ однако важное значеніе черченія картъ и считаетъ его необходимымъ. Мы также считаемъ черченіе картъ въ классѣ необходимымъ при преподаваніи географіи, но не ставимъ его на первый планъ, какъ это дѣлаютъ приверженцы конструктивнаго метода. По нашему мнѣнію, на первомъ планѣ должно стоять возможно тщательное и подробное изученіе печатныхъ картъ учебнаго атласа и стѣнной. Какъ бы эти карты ни были посредственны по исполненію (а у насъ теперь существуютъ хорошіе атласы и стѣнныя карты), все же онѣ даютъ лучшее понятіе о странѣ, нежели чертежъ учителя, а тѣмъ болѣе карты учениковъ. Послѣ изученія страны по картѣ ученики сознательно относятся къ черченію и потому не будутъ дѣлать тѣхъ грубыхъ ошибокъ, которыя непремѣнно сдѣлаютъ, чертя карту до изученія страны. Итакъ, по нашему мнѣнію, чертежъ долженъ слѣдовать за изученіемъ части поверхности земли по картѣ. Тогда черченіе дастъ способъ повторенія и окончательнаго закрѣпленія пройденнаго въ памяти. Всѣ неправильности и ошибки, указанныя нами на классныхъ картахъ, имѣютъ при такомъ черченіи второстепенное значеніе. Самъ ученикъ будетъ хорошо замѣчать эти неправильности, и въ такомъ случаѣ онѣ не поведутъ уже къ затемнѣнію пріобрѣтенныхъ знаній, между тѣмъ какъ ученикъ, обученный по конструктивному методу, пожалуй, станетъ поправлять атласы по своимъ картамъ. По окончаніи класснаго

чертежа и по исправленіи грубыхъ ошибокъ, преподаватель задаетъ чертить карту наизусть. Если карта велика и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, то черченіе наизусть можно дѣлить на два приема. Напримѣръ, въ картѣ Германіи можно сначала задать чертить наизусть только очеркъ береговъ и орогидрографическія свѣдѣнія, а потомъ всю карту заразъ. Впрочемъ, въ виду возможно меньшей потери времени, можно и не задавать черченія на память картъ такихъ частей свѣта и государствъ, которыя по относительной простотѣ контура и меньшему количеству фактовъ, нанесенныхъ на нихъ, и безъ того хорошо усваиваются. Къ такимъ странамъ относятся: Африка, Новая Голландія, южная Америка, Скандинавскій полуостровъ, Данія, Франція, Пиринейскій полуостровъ, Италія. Что касается до способа черченія, въ этомъ отношеніи стремленія преподавателя должны быть направлены къ тому, чтобъ упростить самый процессъ черченія очерка береговъ, такъ какъ обыкновенно эта часть чертежа и является для учениковъ наиболѣе затруднительною. Слѣдуетъ изыскивать такіе способы, примѣромъ которыхъ можетъ служить, между прочимъ, карта Америки въ руководствѣ для черченія картъ Конштейна (*Anleitung zum freien Entwerfen der physischen Erdräume*); но въ этомъ отношеніи еще много осталось сдѣлать.

Къ желаемымъ упрощеніямъ и улучшеніямъ по части черченія картъ въ классѣ относится, по нашему мнѣнію, прежде всего улучшеніе сѣтки. Объяснивъ главныя основанія построенія сѣтки, на сколько это доступно для учениковъ, съ которыми приходится имѣть дѣло, можно выдавать имъ готовыя литографированныя сѣтки, начерченные не класснымъ способомъ, а правильно, какъ онѣ начерчены и отпечатаны въ учебныхъ атласахъ и на стѣнныхъ картахъ. Сѣтка должна быть полная, а не только съ тѣми параллелями и меридіанами, пересѣченія которыхъ даютъ положеніе извѣстнаго пункта. Для общей карты Европы и Европейской Россіи нужна пятиградусная сѣтка, а для частей западной Европы—двухградусная. Въевропейскія страны чертятся на десятиградусныхъ сѣтяхъ. Отдѣльные экземпляры такихъ сѣтокъ, при приготовленіи ихъ въ большомъ количествѣ, стоятъ очень дешево, такъ что пріобрѣтеніе ихъ можно сдѣлать для учениковъ обязательнымъ, какъ и пріобрѣтеніе атласа или учебника. Выгода употребленія готовыхъ и правильно построенныхъ сѣтокъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что очеркъ береговъ является на нихъ гораздо болѣе правильнымъ; кромѣ того,

сокращается время, нужное ученику для приготовленія сѣтки при черченіи карты наизусть въ классѣ.

Другое упрощеніе черченія заключается въ устраненіи употребленія пунктовъ и вспомогательныхъ линій. Предварительная постановка пунктовъ есть очень скучная работа для учениковъ и отнимаетъ много времени. По нашему мнѣнію, достаточно ориентировать на сѣткѣ часть свѣта четырьмя крайними пунктами, а контуръ береговъ чертится очень удобно только по клѣткамъ сѣтки, при чемъ, конечно, преподаватель указываетъ, въ какомъ именно четырехугольникѣ помѣщается та или другая часть контура. Мы уже указали, что сѣтка и контуръ береговъ представляютъ для учениковъ главное затрудненіе; равнымъ образомъ, мы должны отказаться отъ воспроизведенія учениками полного рельефа страны. Что же касается до остальныхъ частей карты, напримѣръ, проведенія рѣкъ и границъ, постановки городовъ, то все это не представляетъ никакихъ затрудненій.

Все, что было сказано нами о черченіи, относится почти исключительно къ курсу систематическому; сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о черченіи въ курсѣ приготовительномъ. Къ сожалѣнію, относительно этого курса имѣется въ литературѣ слишкомъ мало, указаній, особенно на русскомъ языкѣ. Правда, у насъ существуетъ хорошо изданный учебный географическій атласъ для приготовительнаго курса—Н. Б. Медера, но въ немъ не указано, какіе чертежи необходимо чертить въ классѣ вмѣстѣ съ учениками, и какіе служатъ только для обозрѣнія и изученія по атласу. Въ другомъ руководствѣ—*Das Kartenzeichnen in der Schule*—Венца, въ первыхъ шести главахъ, предлагаются постепенныя упражненія въ черченіи топографическихъ знаковъ на планахъ и на картахъ, чертятся направленія странъ свѣта, дается понятіе о масштабѣ и углахъ различной величины. Но система Венца имѣетъ въ виду не постепенное развитіе географическихъ понятій и не подготовленіе ученика къ пониманію основаній для черченія карты, а сообщеніе ученикамъ возможно бѣльшаго количества условныхъ топографическихъ знаковъ, изъ которыхъ многіе излишни и никогда не встрѣтятся въ дальнѣйшемъ курсѣ. По нашему мнѣнію, черченіе въ приготовительномъ курсѣ должно быть ведено параллельно развиваемымъ понятіямъ, и въ этомъ черченіи должны принимать постоянное участіе ученики.

На слѣдующіе чертежи, по нашему мнѣнію, нужно обратить особенное вниманіе: 1) планъ классной комнаты, на которомъ практически